

Учредитель Института
В.В. Жириновский

ISSN 2587-6236

ВЕСТНИК

ИНСТИТУТА

МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Том 11 № 4 (29) 2020

Москва
2020

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Том 11 № 4 (29) 2020

Научный журнал

Председатель редакционного совета

Жириновский Владимир Вольфович,
доктор философских наук, профессор,
член Государственного Совета
Российской Федерации,
Заслуженный юрист Российской Федерации

Заместитель

председателя редакционного совета

Слоботчиков Олег Николаевич,
кандидат политических наук, профессор,
ректор Института мировых цивилизаций,
г. Москва

Редакционный совет:

Алиев Тигран Тигранович,
доктор юридических наук, профессор,
почетный адвокат России,
Институт мировых цивилизаций, г. Москва

Анопченко Татьяна Юрьевна,
доктор экономических наук, профессор,
почетный работник сферы образования
Российской Федерации, член Экспертного совета
по высшему образованию при Комитете
Государственной Думы Федерального
Собрания Российской Федерации,
декан факультета экономики и управления
Смоленского государственного университета

Артеменков Михаил Николаевич,
кандидат исторических наук, доцент, ректор
Смоленского государственного университета,
заведующий кафедрой теории
и истории государства и права

Власов Борис Евгеньевич,
кандидат юридических наук, доцент, полковник
полиции, начальник кафедры теории и методологии
государственного управления
Академии управления Министерства внутренних дел
Российской Федерации

Волох Владимир Александрович,
доктор политических наук, профессор,
Государственный университет управления,
г. Москва

Глушко Алексей Николаевич,
доктор психологических наук, профессор,
Заслуженный врач РФ,
Институт мировых цивилизаций, г. Москва

Дадалко Василий Александрович,
доктор экономических наук, профессор,
действительный член (академик) Академии военных
наук РФ, советник ректора,
Институт мировых цивилизаций, г. Москва;
профессор кафедры теории и методологии
государственного управления,
Академия управления МВД России, г. Москва

Идилов Ибрагим Ирагиевич,
доктор экономических наук,
доктор права (Великобритания), профессор,
заведующий кафедрой «Менеджмент инноваций
и бизнеса» Грозненского государственного
нефтяного технического университета
им. академика М.Д. Миллионщикова

Кирсанов Константин Александрович,
доктор экономических наук, профессор,
Институт мировых цивилизаций, г. Москва

Кокорева Елена Анатольевна,
первый проректор,
Институт мировых цивилизаций, г. Москва

Костина Анна Владимировна,
доктор философских наук, доктор культурологии,
профессор, проректор по научной работе,
директор Института фундаментальных
и прикладных исследований,
Московский гуманитарный университет

Кузнецов Вадим Федорович,
доктор политических наук, профессор,
Институт мировых цивилизаций, г. Москва

Курдюмов Александр Борисович,
кандидат экономических наук, доцент,
депутат Государственной Думы ФС РФ

Лосев Владимир Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент, ректор
Международного университета «МИТСО»,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин,
г. Минск

Левицкий Михаил Львович,
кандидат экономических наук,
доктор педагогических наук, профессор,
академик РАО, академик-секретарь
отделения философии образования
и теоретической педагогики РАО

Своински Эугениуш,
доктор экономических наук,
Естественно-Технологический университет
в г. Быдгощ (Польша)

Черникова-Бука Мариам,
доктор PhD, доцент факультета коммуникационных
исследований Политехнического университета,
г. Тимишоары, Румыния

Чичулин Николай Александрович,
доктор политических наук, профессор,
Институт мировых цивилизаций, г. Москва

Шатохин Михаил Викторович,
доктор экономических наук, профессор,
Институт мировых цивилизаций, г. Москва

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Том 11 № 4 (29) 2020

Научный журнал

Редакционная коллегия

Главный редактор

Слоботчиков Олег Николаевич,
кандидат политических наук, профессор,
Институт мировых цивилизаций, г. Москва

Заместитель главного редактора

Шатохин Михаил Викторович,
доктор экономических наук, профессор,
Институт мировых цивилизаций, г. Москва

Брега Александр Васильевич,
доктор политических наук, профессор,
Финансовый университет при Правительстве РФ

Волох Владимир Александрович,
доктор политических наук, профессор,
Государственный университет управления,
г. Москва

Жахов Николай Владимирович,
доктор экономических наук, доцент,
Юго-Западный государственный университет

Кирсанов Константин Александрович,
доктор экономических наук, профессор,
Институт мировых цивилизаций, г. Москва

Кондратович Ирина Валентиновна,
доктор экономических наук, доцент,
Российский новый университет

Пронская Ольга Николаевна,
доктор экономических наук, профессор,
Курский государственный университет

Расторгуев Сергей Викторович,
доктор политических наук, профессор,
Финансовый университет при Правительстве РФ

Сироткина Наталья Валерьевна,
доктор экономических наук, профессор,
Воронежский государственный технический
университет

Слатинов Владимир Борисович,
доктор политических наук, доцент,
Курский государственный университет

Таранова Ирина Викторовна,
доктор экономических наук, профессор,
академик Российской академии естествознания,
заведующая кафедрой «Менеджмент»
Смоленского государственного университета

Толстых Татьяна Олеговна,
доктор экономических наук, профессор,
Национальный исследовательский технологический
университет «Московский институт стали и сплавов»

Периодичность выхода — 4 номера в год.
Издается с 2010 года.

Научный периодический журнал «Вестник Института мировых цивилизаций» публикует статьи по следующим группам научных специальностей:

23.00.02. Политические институты, процессы и технологии;

23.00.04. Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития;

08.00.05. Экономика и управление народным хозяйством.

Учредитель издания — Негосударственная автономная некоммерческая организация высшего образования «Институт мировых цивилизаций».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77 — 70521 от 25.07.2017.

Подписку на журнал «Вестник Института мировых цивилизаций» можно оформить в почтовых отделениях на территории Российской Федерации. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» — 10591

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования)
www.elibrary.ru

Научные статьи, публикуемые в журнале, подлежат обязательному рецензированию.

Авторы опубликованных материалов несут полную ответственность за подбор и точность приведенных фактов, собственных имен, цитат, статистических данных и иных сведений.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При перепечатке материалов и использовании их в любой форме, в том числе и в электронных СМИ, ссылка на журнал «Вестник Института мировых цивилизаций» обязательна.

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений, политических процессов и технологий, экономики и управления народным хозяйством, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой, экономическими науками.

Адрес редакции:
119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 1/2, корп. 1.
Контактный телефон: +7 (495) 632-17-60
E-mail: izdimc@mail.ru www.imc-i.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Дадалко В.А., Николаевский В.В., Слоботчиков О.Н., Чумак Г.В.</i> Системный подход к организации образования: политические и цивилизационные аспекты	6
<i>Битиева З.Р.</i> Архитектура международных отношений после COVID-19	17
<i>Деметрадзе М.Р., Волох В.А., Шорохова С.П.</i> Культурный дуализм в доктрине либерального национализма	26
<i>Идилов И.И., Джабраилов А.Э., Абубакарова М.М.</i> Несостоятельность стратегий принудительной силы стран НАТО	32
<i>Кондаков А.М., Сергеев И.С.</i> Цифровая трансформация образования в политической системе России	38
<i>Москаленко В.А.</i> Роль Турции в современном векторе международных отношений в Центральной Азии с позиций анализа политического статуса и особенностей внешнеполитических концепций центральноазиатских стран	56
<i>Синчук Ю.В., Власов Б.Е.</i> Усилия Российской Федерации по реализации глобального проекта в целях сохранения мира в Арктике	62
<i>Элез А.Й.</i> Выборы как один из показателей уровня политической культуры в странах Тропической Африки	67

CONTENT

POLITICAL SCIENCE

<i>Dadalko V.A., Nikolaevsky V.V., Slobotchikov O.N., Chumak G.V.</i> A systematic approach to the organization of education: political and civilizational aspects	6
<i>Bitieva Z.R.</i> Architecture of international relations after COVID-19	17
<i>Demetradze M.R., Volokh V.A., Shorokhova S.P.</i> Cultural dualism in the doctrine of liberal nationalism	26
<i>Idilov I.I., Abdrakhman E.Dz., Abubakarova M.M.</i> The failure of the NATO countries' coercive force strategies	32
<i>Kondakov A.M., Sergeev I.S.</i> Digital Transformation of Education in the Russian Political System	38
<i>Moskalenko V.A.</i> The role of Turkey in the modern vector of international relations in Central Asia from the perspective of political status analysis and the peculiarities of the foreign policy concepts of the central asian countries.....	56
<i>Sinchuk Yu.V., Vlasov B.E.</i> Efforts of the Russian Federation on the implementation of global project to preserve peace in the Arctic	62
<i>Elez A.J.</i> Elections as an index of the level of political culture in Tropical African Countries	67

Бондаренко И.С. Подходы к определению основных задач оптимального планирования в угольной промышленности России 78	Bondarenko I.S. Approaches to determining the main tasks of optimal planning in the coal industry of Russia 78
Дадалко В.А., Назарчук А.В. Транзитный потенциал и экономическая безопасность государства: соотношение понятий 85	Dadalko V.A., Nazarchuk A.V. Transit capacity and economic security of the state: concepts interrelation 85
Земсков В.В. Норма накопления как фактор обеспечения экономической безопасности 92	Zemskov V.V. The rate of accumulation as a factor of ensuring economic security..... 92
Мохов А.В., Муравьева Н.Н. Взаимоотношения России и Индии: экономический и социально-политический аспекты..... 99	Mokhov A.V., Muraveva N.N. Relationships of Russia and India: economic and social and political aspects 99
Кривошлыков В.С. Инвестиционный менеджмент организации в условиях цифровой модели развития экономики 107	Krivoshlykov V.S. Investment management of the organization in the conditions of the digital model of economic development..... 107
Рыбкин С.А. Формализация решений в области управления экономической политикой 116	Rybkin S.A. Formalization of decision making in economy policy management 116
Таранова И.В., Подколзина И.М. Современные угрозы и вызовы мировой экономической безопасности в условиях пандемии 123	Taranova I.V., Podkolzina I.M. Current threats and challenges to global economic security in the context of a pandemic 123
Тимошенко Д.С. Социально-экономические факторы, определяющие стратегическое развитие туризма Арктической зоны России 130	Timoshenko D.S. Socio-economic factors defining the strategic tourism development of the Russian Arctic 130
К сведению авторов 135	For the author's information 135

УДК 008.2; 37.014

В.А. Дадалко,

доктор экономических наук, профессор,

действительный член (академик),

Академия военных наук РФ, Москва,

советник ректора,

Институт мировых цивилизаций, Москва,

профессор кафедры теории и методологии государственного управления,

ФГОКУ ВО «Академия управления МВД России, Москва;

В.В. Николаевский,

кандидат экономических наук, доцент,

УО «Белорусский государственный экономический университет», Минск

О.Н. Слоботчиков,

кандидат политических наук, профессор, ректор,

Институт мировых цивилизаций, Москва

Г.В. Чумак,

кандидат технических наук, заместитель директора,

ОО «Исследовательский институт развития и безопасности», Минск

**СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ****V.A. Dadalko,**

Doctor of Economics, Professor,

Full Member (Academician),

Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Moscow,

Advisor to the Rector,

Institute of World Civilizations, Moscow,

Professor of the Department of Theory and Methodology

of Public Administration Academy of Management,

Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow

E-mail: antikrizis1@bk.ru

V.V. Nikolaevsky,

PhD in Economic Sciences, Associate Professor,

Belarusian State University of Economics, Minsk

E-mail: v.nikolaevsky@tut.by

O.N. Slobotchikov,

PhD in Political Science, professor, Rector,

Institute of World Civilizations, Moscow

G.V. Chumak,

PhD in Technical Sciences,

Deputy Director,

Research Institute for Development and Security, Minsk

E-mail: 7371562@list.ru

**A SYSTEMATIC APPROACH TO THE ORGANIZATION OF EDUCATION:
POLITICAL AND CIVILIZATIONAL ASPECTS**

Аннотация. В статье раскрываются политические и цивилизационные аспекты актуальности и значимости для социально-экономического развития цифровых технологий в общем и для создания непрерывной во времени и пространстве системы образования. Обосновывается роль, значимость и необходимость учета национальных и культурных особенностей при формировании

системы образования. Предлагается концептуальная модель построения национальной системы образования на основе цифровых платформ — унифицированных модулей: школа, профессиональное училище, колледж, университет. Онтология построения системы образования основана на интеграции модулей в реальную цифровую платформу поддержки и развития предпринимательства. Послевузовская система образования также интегрирована в платформу предпринимательства. Такой подход позволяет стимулировать, развивать и выявлять творческие способности на всех стадиях жизненного цикла и уйти от системы образования, предоставляющего образовательные услуги. При этом структура предложенной модели может интегрироваться в единую цивилизационную систему образования.

Ключевые слова: образование, система, цифровая платформа, культура, нравственность, цивилизация.

Abstract. The article reveals the political and civilizational aspects of the relevance and significance for the socio-economic development of digital technologies in general and for the creation of a continuous education system in time and space. The article substantiates the role, significance and necessity of taking into account national and cultural characteristics in the formation of the education system. A conceptual model of building a national education system based on digital platforms — unified modules: school, vocational school, college, university — is proposed. The ontology of building an education system is based on the integration of modules into a real digital platform for supporting and developing entrepreneurship. The postgraduate education system is also integrated into the entrepreneurship platform. This approach allows you to stimulate, develop and identify creative abilities at all stages of the life cycle and to move away from the educational system that provides educational services. At the same time, the structure of the proposed model can be integrated into a single civilizational system of education.

Key words: education, system, digital platform, culture, morality, civilization.

Введение

Реализуемая на практике теория управляемого хаоса затрагивает все стороны жизнедеятельности человечества и проявляется особенно ярко в поддержании перманентной глобальной напряженности в мире через рост терроризма и возобновляемые с завидной регулярностью точки «горячей» напряженности в различных регионах мира: Латинская Америка, Африка, Индия, Юго-Восточная Азия, Ближний Восток и т.д.

Основным фактором такого положения дел является, по нашему мнению, постепенная утрата мировой цивилизацией базовых нравственных ценностей, основанных на национальных культурах и общем уровне качества образования как носители культурных ценностей. При этом, к критериям качества образования следует относить не только отдельные показатели уровня IQ, но показатели нравственного воспитания Человека. Акцентируем внимание на том факте, что национальные нравственные основы развития общества, заложенные в основе всех религиозных конфессий на планете, весьма схожи по

своей сущности и функциональному назначению.

Еще одним индикатором нравственного разложения цивилизации является мировая политическая сфера. Это наглядно проявляется в проводимой многими странами политике двойных стандартов, санкционной политике по отношению к «непокорным» странам. Это отражается и на масштабе нынешних политических лидеров многих стран. Кого из мировых политиков можно в настоящее время сравнить, например, с президентом Де Голлем, премьер-министром Маргрет Тэтчер, канцлером Колем...

Существующие во многих странах системы образования во многом не соответствуют задачам нравственного и культурного воспитания Человека будущего, а как системы предоставления образовательных услуг ориентированы на получение прибыли от своей деятельности. А используемые образовательные технологии направлены на разрушение национальных культур и создание унитарной цивилизации с унитарными потребностями и возможностями для большинства населения планеты. Где уж тут до воспитания и культуры, когда

необходимо максимизировать прибыль! Однако необходимо помнить, что Природа не терпит унитарности, а привержена разнообразию.

Целью настоящей работы ставится задача разработки концептуальных основ возможности создания в современных условиях на основе цифровых технологий системы образования, ориентированной на экономическое и социальное развитие мировой цивилизации при сохранении национальной идентичности народов.

Методологической основой подготовки данной работы являются системный и феноменологический подходы, позволяющие с различных позиций рассмотреть поставленную задачу, абстрагируясь от «груза» традиционных убеждений.

Цифровизация как определяющий фактор трансформации системы образования

Способность государства адаптироваться к мировым технологическим сдвигам не только характеризует его конкурентоспособные преимущества в мировой системе хозяйствования, но и позволяет создать новые направления развития внутренней экономической и социальной инфраструктуры. В настоящее время главное направление технологических трансформаций в мире — это цифровизация мировой социально-экономической системы [1].

Человечество вступило в новую эру своего развития, когда его жизнь уже не мыслима без широкого использования информационно-коммуникационных технологий во всех сферах человеческой деятельности. Поэтому решение задач адаптации цифровых технологий к практическому использованию является не только актуальным, но и определяет способность к формированию конкурентоспособной экономической экосистемы. Мировая практика подтверждает факт наиболее быстрого распространения цифровых технологий в финансовой сфере экономики¹, как отрасли наиболее восприимчивой к инновациям. Примером тому

могут служить банковские технологии, с которыми мы встречаемся в повседневной жизни и уже не замечаем их, воспринимая как данность. При этом и понятие «банк» в нашем сознании уже не ассоциируется с офисом и важными сотрудниками, куда надо заходить для осуществления расчетов, например, за телефон, коммунальные услуги и т.д. Это уже прошлое. Банк Тинькофф является примером виртуальной банковской структуры. А предоставляемая, например, АСБ «Беларусбанк» услуга «Автооплата» позволяет забыть о необходимости временных затрат на осуществление любых регулярных платежей — банк сделает это за вас в автоматическом режиме.

Однако финансовая сфера не ограничивается только банковским сектором. Известно, что цифровые технологии в системе государственного управления позволяют существенно сократить сроки подготовки документов, а в рамках системы электронного правительства упростить взаимодействие населения с разнообразными госорганами [2]. Наиболее интересным, по нашему мнению, объектом научного интереса представляется управление финансовой системой государства, в которой бюджетный процесс занимает особое место. Возможности использования цифровых технологий в этой сфере еще недостаточно изучены. Однако можно предположить, что использование цифровых технологий в бюджетном процессе позволит более рационально произвести оценку и оперативно реагировать на возникающие бюджетные проблемы по перераспределению и использованию финансовых ресурсов на различных бюджетных уровнях. Решение этой задачи эквивалентно квазиувеличению расходной части бюджета, то есть получению возможностей в части финансирования реальных дополнительных бюджетных расходов.

Цифровые технологии — интернет, мобильные телефоны и все прочие средства сбора, хранения, анализа информации и обмена ею в цифровой форме — распространяются быстрыми темпами. В разви-

¹ Global Trade — Securing Future Growth. ICC Global Survey on Trade Finance [Electronic resource]//International Chamber of Commerce. — Mode of access: <https://iccwbo.org/content/uploads/sites/3/2018/05/icc-2018-global-trade-securing-future-growth.pdf>. — Date of access: 13.12.2020.

вающихся странах число домохозяйств, располагающих мобильным телефоном, выше, чем имеющих доступ к электричеству или чистой питьевой воде; мобильными телефонами владеют почти 70 процентов тех, кто относится к нижнему квинтилю населения по уровню доходов. За последние десять лет количество пользователей интернета выросло более чем втрое: в 2005 году оно равнялось 1 миллиарду, а к концу 2015 года, по некоторым оценкам, достигло 3,2 миллиарда человек² и будет расти. Это означает, что сегодня сети связи соединяют фирмы, граждан и правительства прочнее, чем когда бы то ни было прежде.

Известно, что технология может быть движущей силой преобразований, особенно в развивающихся странах. Так, система цифровой идентификации, подобная индийской системе «Аадхаар», позволяет решать сложные информационные проблемы и, таким образом, помогает заинтересованным правительствам обеспечивать интеграцию социально незащищенных групп населения. Портал межкорпоративной электронной торговли, созданный корпорацией «Алибаба», существенно сокращает расходы на координацию и, таким образом, заметно повышает эффективность экономики Китая, а возможно — и всего мира. Цифровая платежная платформа M-Pesa эффективно использует экономию от масштаба, достигнутую за счет автоматизации, и, таким образом, привносит масштабные инновации в финансовый сектор, что оборачивается большими выгодами для жителей Кении и других стран. Усиление интеграции, повышение эффективности и внедрение инноваций — это основные механизмы, посредством которых цифровые технологии способствуют развитию.

Цифровизация представляет собой общую тенденцию современного экономического развития, охватившую все сферы хозяйственной и социальной жизни. Так, в промышленности активно внедряются технологии «Индустрии 4.0», обыденным явлением стал заказ потребителем необходимых ему товаров и услуг по Интернету,

широкой популярностью пользуется обучение, например, по скайпу. Цифровизация стала причиной глубокой трансформации ряда отраслей благодаря шерингу (долевой экономике), примерами которого могут быть Uber в сфере городских пассажирских перевозок или AirBnB в области гостиничных услуг [3].

Цифровизация также не обошла стороной и финансовую сферу. Банки активно применяют инновационные технологии взаимодействия с потребителями, а сами потребители, в свою очередь, формируют спрос на инновационные финансовые (в широком смысле слова) продукты — такие, как краудлендинг, краудфандинг и т.д.

Лидером финансовой сферы и института банкинга в целом по всему миру является кредитование — 60% прибыли банков сегодня приходится на долю данного сегмента, а 50% всех венчурных финтех-вложений сосредоточены именно на кредитовании [3].

В Российской Федерации, согласно основным направлениям развития финансовых технологий на период 2018–2020 гг., разработанных Банком России, отмечено, что использование финансовых технологий может осуществляться путем внедрения больших данных и анализа данных, мобильных технологий, искусственного интеллекта, роботизации, биометрии, распределенных реестров, облачных технологий.

По мнению специалистов, блокчейн технологии и смарт-контракты открывают новые возможности и перспективы трансформации существующих финансовых технологий и перевода их на качественно новый уровень развития [4–6]. Фактически речь идет об уже начавшейся модернизации инфраструктуры мировой финансовой системы и переходе специалистов финансового сектора и пользователей финансовыми ресурсами на качественно новый уровень экономического, а точнее финансового мышления [7].

Мы разделяем позицию многих авторов [8–11], определяющих одной из главных проблем широкого практического исполь-

² Цифровые дивиденды: обзор: доклад о мировом развитии / Всемирный банк. — 2016. — 58 с.

зования блокчейн технологий и, например, применения смарт-контрактов — недостаток в высококвалифицированных кадрах, обладающих определенными навыками и знаниями в области экономики и программирования. Поскольку смарт-контракты представляют собой продукт информационно-коммуникационных технологий, а специалисты, формирующие смарт-контракты, должны владеть программными инструментами криптографии, владеть навыками применения нескольких языков программирования при их проектировании, экономическими знаниями и знаниями в области финансового права.

Таким образом, технологическая трансформация производственной сферы является определяющим фактором трансформации образовательных технологий.

Системный подход к образованию: интеграционная модель

В современных условиях идет быстрая смена технологий во всех сферах человеческой деятельности: производство, строительство, сельское хозяйство, медийное пространство, транспорт, коммуникации, экономика, наука и т.д. Основной фактор технологических изменений — возможность широкого использования информационно-коммуникационных (цифровых) технологий. Акцентируем внимание на том, что цифровизация и цифровые технологии суть различные понятия. Если цифровизация предполагает изменение формата представления информации, например, перевода ее из аналогового вида в цифровой, то цифровые технологии — это технологии передачи, обработки, визуализации и подготовки информации для принятия, а с учетом использования систем искусственного интеллекта, и для принятия управленческих решений.

Известно, что, по мнению экспертов Всемирного банка, уже до конца текущего десятилетия из списка существующих профессий исчезнет более половины традиционных специальностей, но и появятся новые. Мир стремительно меняется и, как предупреждал известный футуролог Э. Тофлер, человеку придется адаптироваться к изменениям. При этом, скорость

адаптации к изменениям во многом определяется складывающейся системой образования, которая в свою очередь должна адаптироваться к изменениям. То есть, традиционные технологии образования должны быть адаптированы к новым потребностям социально-экономического развития — это объективная потребность и главное условие устойчивого развития цивилизации. И желательно, чтобы эта адаптация осуществлялась как можно быстрее во избежание нарастания уровня социальной напряженности в обществе. Другим условием устойчивого развития общества является создание комфортных условий для перманентной адаптации Человека под скорости технологических трансформаций. Как следствие, в изменяющейся реальности возникает потребность изменения существующих подходов к образованию и созданию новой комплексной системы непрерывного образования. Такая система должна быть ориентирована на предоставление возможностей свободного доступа к образованию в любой период жизни человека: от получения первичного образования в юности до повышения квалификации, переподготовки и получения знаний для решения конкретных практических задач через взаимодействие с экспертами в любом зрелом возрасте.

Известно, что современная молодежь стремится к самостоятельности и существует целый ряд позитивных примеров занятия разного рода деловой активностью уже с достаточно юного школьного возраста. Однако существует и проблема «оторванности» действующей системы образования от молодежи и отставания от практики и жизни. Как изменить систему первичного образования и связать ее с обучением, развитием личности и творчества, участием в реальных делах и в целом с развитием государства и цивилизации? Но существует и проблема «оторванности» существующей системы образования от практики и жизнедеятельности бизнеса. Существующие курсы, тренинги, программы переподготовки не могут в принципе удовлетворить потребности бизнеса в кадрах нужной квалификации как по уровню подготовки, так и по финансовой доступности к такому виду образования — нужна

качественная и доступная система непрерывного образования трудовых ресурсов на протяжении всей жизни. Как трансформировать систему образования и связать ее с получением первичного образования, а затем с решением задач повышения квалификации и переобучения трудовых ресурсов под потребности национальной экономики — развитием личности и профессионализма, участием в реальных проектах и в целом с развитием цивилизации? Решение поставленной задачи в настоящее время возможно при использовании современных цифровых технологий, позволяющих интегрировать разрозненные функциональные элементы в единую систему. То есть, имеется принципиальная возможность интеграции, например, школ, профессиональных училищ, колледжей, университетов в единую образовательную систему государства на единой цифровой платформе. Это вовсе не означает отказ от многообразия форм и полную унификацию системы образования. Нет! Это означает создание условий для формирования единого вектора развития образования на основе системы стимулов и мотиваций, исходя из системы национальных интересов государства.

Молодежь — это будущее страны! Она должна быть культурна, образована и иметь возможность раскрыть свой творческий потенциал в конкретном деле. Решение проблемы формирования мировоззрения молодежи как будущего страны видится в раскрытии потенциала молодежи в рамках создания Национальной молодежной цифровой экосистемы (платформы).

Национальная молодежная цифровая экосистема (молодежная экосистема) представляется в составе трех взаимосвязанных функциональных элементов: культура, образование, дело (рис. 1).

Функциональное назначение элемента «культура» — формирование у молодежи высокого уровня национального самосознания и уважения к культурам других народов как составных частей общей культуры цивилизации. Основным структурным элементом здесь является библиотека, как хранилище культурных ценностей мировой цивилизации.

Рис. 1. Структура национальной молодежной цифровой экосистемы

Элемент «образование» включает в себя несколько взаимосвязанных функций: воспитание на основе базовых нравственных ценностей и особенностей национальной культуры; формирование и развитие интеллектуального потенциала; формирование и развитие аналитического образа мышления с выходом на практическую реализацию имеющегося интеллектуального потенциала. В технологическом плане элемент «образование» представляет собой единую национальную образовательную платформу (среду), создаваемую учреждениями образования на базе унифицированной цифровой «оболочки», наполнение которой учебным контентом зависит от специфики конкретного учреждения образования. Такая единая для всех учреждений образования «оболочка», где создаются разнообразные по форме и содержанию программы образования для всех форм обучения, позволяет экономить государству колоссальные финансовые ресурсы. При этом, в рамках этой оболочки формируется единая информационная база — библиотека и локальные образовательные системы каждого учреждения образования с возможностью тиражирования передового опыта формирования контента и использования образовательных технологий. Впервые такой подход к системе образования был предложен в 2011 году в Республике Беларусь (рис. 2).

Рис. 2. Схема единого образовательного пространства

Предложенная в 2011 г. идея получила свое практическое воплощение в Федеральном проекте «Цифровая образовательная среда». Однако существенным недостатком этого Федерального проекта, реализуемого в рамках Национального проекта «Образование», по нашему мнению, является оторванность от практики и реального желания молодежи самореализоваться в каких-то практических проектах по реализации их собственных идей.

Этот недостаток решается в рамках функционального элемента «дело». «Дело» как функциональный элемент молодежной экосистемы является инструментом и предназначен для раскрытия творческого потенциала учащихся и студентов на практике с возможностью выхода в молодежное профессиональное движение WorldSkills, а также цифровую платформу поддержки предпринимательства. В технологическом виде этот элемент представляется цифровой платформой, где в виртуальном формате обсуждаются возникающие идеи и формируются реальные команды по их практической реализации с возможностью привлечения инвестиций на эти цели. В общем виде, это можно рассматривать как молодежную экосистему развития инновационной деятельности. При этом команды могут формироваться из участников различных форм обучения

(школа, профобразование, колледжи, университеты) и различных регионов страны.

Заметим, что для создания полной национальной образовательной среды, обеспечивающей непрерывное образование и конкурентоспособность национальной экономики, необходимо создание единой образовательной экосистемы и для поствузовского образования (рис. 3).

Рис. 3. Структура экосистемы поствузовского образования

Как видно из приведенной на рис. 3 структуры экосистемы поствузовского образования, она включает три основных компонента. Повышение квалификации

и переподготовка специалистов как традиционная форма обучения на основе новых образовательных технологий; повышение квалификации с ориентацией на использование виртуальных образовательных инструментов, а также за счет участия в разработке реальных проектов и возможного их сопровождения; повышение квалификации за счет участия в работе экспертных сообществ.

Очевидно, что представленные на рис. 1 и рис. 3 экосистемы недееспособны в автономном режиме, поскольку отсутствует их целевой связующий элемент — экосистема поддержки и развития предпринимательства, представленный на рис. 4. Известно, что в развитых экономиках предпринимательство играет существенную роль в развитии экономики, создавая порядка 60% ВВП и обеспечивая до 80% занятости населения. На постсоветском пространстве эти показатели существенно ниже и находятся на уровне около 30%.

Рис. 4. Схема цифровой платформы (экосистемы) развития и поддержки предпринимательства

В этой связи, разработка цифровой платформы развития предпринимательства сама по себе является актуальной и важной для экономики задачей.

Как видно из приведенной на рис. 4 схемы, предприниматели могут получить в рамках экосистемы разнообразную помощь и содействие, представленные на рисунке схематично.

Однако еще более актуальной представляется задача создания постоянного при-

тока в эту экосистему молодых специалистов, а также осуществление обучения уже сформированных специалистов под изменяющиеся условия развития мировой экономики. Только адаптация специалистов под требования мирового развития сможет обеспечить устойчивую конкурентоспособность экономики государства и соблюдение национальных интересов страны. Исходя из этого, формируется основное требование к созданию образовательного пространства в стране — оно должно быть динамичным и постоянно адаптироваться под условия мирового развития; оно должно учитывать культурные и национальные особенности страны и организации и ведения деловой активности; оно должно быть единым и непрерывным в пространстве и времени; оно должно быть ориентировано на потребности экономического развития в соответствии с национальными интересами государства.

Исходя из предъявляемых требований, на рис. 5 приведена схема интегрированного образовательного пространства как саморазвивающейся инфраструктуры — системы, обслуживающей основную функциональный элемент экономики в части обеспечения его квалифицированными кадрами: от получения первичного образования до создания условий повышения уровня своего образования на протяжении всей жизни.

При этом, как видно из рис. 5, образовательное пространство интегрируется с экосистемой развития и поддержки предпринимательства в единую образовательно-производственную систему, главной целью которой является устойчивое повышение уровня комфортности жизни общества и каждого его члена за счет производства и реализации конкурентоспособных товаров и услуг.

Мировая цивилизация в контексте предложенного образовательного процесса

С начала XXI века в мире прослеживаются две ярко выраженные тенденции: в экономике — углубляющаяся дифференциация населения планеты по доходам и его обнищание при росте мирового ВВП; в социальной сфере — деградация нравст-

венных и культурных ценностей народов, населяющих планету, и, на этой основе, утрата самоидентификации наций.

Основным фактором таких феноменов является, по нашему мнению, подмена понятий в системе определения факторов производства в экономической науке и образовании. В частности, основоположник неоклассического направления в экономической науке А. Маршалл добавил к «триединой формуле» факторов производства четвертый фактор — организа-

цию, как «особый фактор производства» [12, с. 181], а в современной либеральной экономике свободного рынка этот фактор был замещен (Л. Мизес, Ф. Хайек и др.) на предпринимательскую способность, называя ее «ведущим фактором производства», хотя мы солидарны с мнением классиков экономической науки К. Марксом и А. Смитом в том, что «предпринимательство» есть не что иное, как специфический вид труда или человеческого капитала [13, с. 122–123].

Рис. 5. Схема формирования интегрированного образовательного пространства

Фактически произошла подмена ценности труда коллектива, как организации, на специфический труд предпринимателя. Более того, при этом вне поля зрения исследователей осталась мысль А. Маршалла что «значительную часть капитала составляют знания и организация, <...> Знание — это наш самый мощный двигатель производства. <...> Оно позволяет нам подчинить себе природу и заставлять ее силы удовлетворять наши потребности. Организация содействует знанию; она имеет много форм...» [12, с. 181]. То есть, система образования, основанная на коллективной форме производства нового знания, была замещена индивидуализмом и наследственным правом руководить производственной деятельностью. Это привело к тому, что «...свыше половины рождающихся в стране талантливых самородков приходится на долю трудящихся...», которые не имеют возможности проявить свои

способности [12, с. 243] из-за отсутствия доступа к образованию. А утрата возможности выдвижения талантливых людей на руководящие позиции в обществе постепенно трансформировалась в частичную утрату нравственных и культурных ценностей мировой цивилизации.

Предлагаемая нами интеграционная модель формирования образовательного пространства, обладающего свойством временной и пространственной непрерывности, позволяет создать условия для выявления и поддержки большего количества талантливой молодежи в части развития и реализации их творческого потенциала. Более того, мы предлагаем использовать этот подход для формирования единого образовательного пространства на уровне, например, экономических блоков ЕАЭС и БРИКС. При этом образовательные системы государств, входящих в состав этих блоков, будут учитывать свои культурные

и национальные особенности, а интеграция в рамках единого образовательного пространства информационных и технологических ресурсов будет создавать условия для более эффективного трансферта знаний и технологий на развитие национальных экономик.

Как результат, можно ожидать постепенное возрождение базовых нравственных и культурных ценностей мировой цивилизации и как следствие этого процесса устойчивое повышение уровня благосостояния населения планеты и выравнивание уровня жизни.

Выводы

Современное развитие демонстрирует эрозию нравственных и культурных ценностей цивилизации, что выражается в эффекте разноскоростного развития стран и углублении уровня дифференциации доходов населения планеты. Мир движется в направлении культурной конвергенции, что находится в противоречии с человеческой природой и историческим опытом развития цивилизации, базирующемся на культурном и природном разнообразии.

Современные технологии производства товаров и услуг, основанные на информационно-коммуникационных технологиях, трактуются многими специалистами как цифровые технологии, создающие основу для новой цифровой экономики, где основным фактором производства является информация. Однако системный подход позволяет с помощью причинно-следственных связей выявить простой факт: информация является продуктом распространения знаний, которые в соответствии с теорией В.И. Вернадского есть продукт деятельности ноосферы и, как одного из инструментов производства нового знания — образования.

Современная система массового образования, ориентированная на извлечение прибыли, противоречит классическому подходу А. Маршалла, выделяющего организацию как особый фактор производства и развития цивилизации, представляющую собой инфраструктуру для производства знания, которое в свою очередь является основным драйвером развития.

Предложенная концептуальная модель формирования системы непрерывного по времени и пространству образования позволяет «связать» в единый процесс образование и деловую активность, начиная со школьного возраста и до глубокой старости, создавая условия постоянного повышения уровня своего развития, как фактора производства нового знания.

В рамках предложенной модели возможно создать интегрированную по ресурсам систему цивилизационного развития, основанного на образовании с учетом культурных и национальных особенностей населения планеты, ориентированную на возрождение и восстановление утраченных нравственных ценностей.

Список литературы

1. *Ковалев М.М.* Цифровая экономика — шанс для Беларуси: монография / М.М. Ковалев, Г.Г. Головенчик. — Минск : Изд. центр БГУ, 2018. — 327 с.
2. *Добролюбова Е.И.* Цифровое будущее государственного управления по результатам / Е.И. Добролюбова, В.Н. Южаков, А.А. Ефремов, Е.Н. Клочкова, Э.В. Талапина, Я.Ю. Старцев // Ежедневное онлайн-издание D-russia.ru. — URL: <https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2019/01/TSifrovobudushcheegosudarstvennogo-upravleniya-porezultatam.pdf>. (дата обращения 13.12.2020).
3. *Никонов А.А.* Анализ внедрения современных технологий в финансовой сфере / А.А. Никонов, Е.В. Стельмашонок // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. — 2018. — Т. 11. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/analiz-vnedreniya-sovremennyh-tsifrovyyh-tehnologiy-vfinansovoy-sfere>. (дата обращения 16.01.2021).
4. *Подгорный А.* Практика реализации задач банковской системы с использованием технологии блокчейн / А. Подгорный // Банкаўскі веснік. — 2017. — № 11/652. — С. 56–58.
5. *Зыль П.* Цифровая трансформация банковского обслуживания и платежной системы / П. Зыль // Банкаўскі веснік. — 2017. — № 11/652. — С. 51–56.
6. *Кирпичников Р.* О практике применения технологии блокчейн в проектах для финансового сектора Беларуси / Р. Кирпичников // Банкаўскі веснік. — 2017. — № 11/652. — С. 59–61.

7. *Николаевский В.В.* На подготовленную почву. О природе инвестиций и факторах повышения их эффективности/ В.В. Николаевский// Беларуская думка. — URL: https://beldumka.belta.by/isfiles/000167_525997.pdf. (дата обращения 13.12.2020).
8. Спрос на специалистов по блокчейну продолжает расти// SharesPro. — URL: <https://sharespro.ru/news/758-spros-blokchejn-specialistov>. (дата обращения 13.12.2020).
9. *Мамаева Н.В.* Смарт-контракты и их особенности/ Н.В. Мамаева// Наука и образование сегодня. — 2018. — № 2(25). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smart-kontrakty>. (дата обращения 16.11.2020).
10. *Приходько И.В.* Применение технологий блокчейн для модернизации системы управления компаниями финансовой сферы и торгового финансирования/ И.В. Приходько, И.А. Чумак, Ю.В. Ляндау// Управление в России: проблемы и перспективы. — 2019. — № 2. — С. 52–57.
11. Banking on Blockchain: a value analysis for investment banks// Accenture consulting. — URL: https://www.accenture.com/us-en/error/pagenotfound?errSrc=%2ft20171108T095421Z_w_%2fAccenture-.
12. *Маршалл А.* Основы экономической науки. — М.: Эксмо, 2007. — 832 с.
13. *Дондокова Е.Б., Пильчинова Е.В.* Эволюция определения понятия «производительные силы» в различных экономических школах// Вестник ВСГУТУ. — 2014. — № 6. — С. 120–125.

З.Р. Битиева,

кандидат политических наук,
заведующий кафедрой «Мировых цивилизаций и мировой политики»,
факультет международных отношений и геополитики,
Институт мировых цивилизаций, Москва

АРХИТЕКТУРА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОСЛЕ COVID-19**Z.R. Bitieva,**

PhD in Political Science,
Head of the Department of world civilizations and world politics,
Faculty of international relations and geopolitics,
Institute of World Civilizations, Moscow
E-mail: bitieva1987@gmail.com

ARCHITECTURE OF INTERNATIONAL RELATIONS AFTER COVID-19

Аннотация. Экономический кризис, вызванный пандемией, серьезно повлияет на развитый мир, ограничив его способность прийти на помощь другим государствам, в то время как прогнозируемое сокращение потребления серьезно скажется на экономике стран-экспортеров и тех, кто зависит от туризма. Конечным результатом в краткосрочной перспективе будет менее глобализованный, более бедный и более нестабильный мир. В статье приводится деление экономики на четыре категории. Анализ всех этих категорий демонстрирует, несмотря на различия стран, входящих в каждую из категорий, то, что глобализация приводит к «специализации» государств в современном мире. Однако, несмотря на специфику каждой из стран, их экономики взаимозависимы. Вместе с тем, приводится анализ причин влияния пандемии коронавируса на международную торговлю. Автор демонстрирует воздействие пандемии на изменение архитектуры международных отношений, переход от «однополярной» системы мира во главе с США, к «многополярному» миру. При этом эволюция системы не является естественным процессом, а скорее исключительным приобретением полномочий основными государствами новой международной системы под влиянием современных реалий, вызванных пандемией коронавируса и ее последствиями. Автор также обращает внимание, что несмотря на появление эпидемии в Китае, наиболее пострадавшими от «Covid-19» являются США. В этой связи можно заключить, что вполне возможно серьезное противостояние двух держав в современной системе международных отношений как в экономической, так и в политической сфере, что безусловно вызовет появление новых возможностей у третьих стран.

Ключевые слова: COVID-19, пандемия, международные отношения, глобализация, международная торговля, кризис.

Abstract. The economic crisis caused by the pandemic will seriously affect the developed world, limiting its ability to come to the aid of other States, while the projected decline in consumption will seriously affect the economies of exporting countries and those who depend on tourism. The end result in the short term will be a less globalized, poorer and more unstable world. The article provides a division of the economy into four categories. The analysis of all these categories demonstrates, despite the differences in the countries belonging to each of the categories, that globalization leads to the specialization « of States in the modern world. However, despite the specifics of each of the countries, their economies are interdependent. At the same time, an analysis of the causes of the impact of the coronavirus pandemic on international trade is provided. The author demonstrates the impact of the pandemic on the change in the architecture of international relations, the transition from an “unipolar” world system led by the United States to a “multipolar” world. Moreover, the evolution of the system is not a natural process, but rather an exceptional acquisition of powers by the main States of the new international system under the influence of modern realities caused by the coronavirus pandemic and its consequences. The author also notes that despite the emergence of the epidemic in China, the United States is the most affected by Covid-19. In this regard, it can be concluded that a

serious confrontation between the two powers is quite possible in the modern system of international relations, both in the economic and political sphere, which will certainly cause the emergence of new opportunities for third countries.

Key words: COVID-19, pandemic, international relations, globalization, international trade, crisis.

Согласно известной цитате, приписываемой выдающемуся датскому физiku Нильсу Бору¹, «делать предсказания очень трудно, особенно когда речь идет о будущем»². Это еще более верно сегодня, когда кризис, вызванный пандемией, переносит нас всех в новый мир, который (возможно) имеет очень мало общего с тем, который мы оставили позади несколько месяцев назад.

Современный мир, «дитя» глобализации, имеет некоторые выдающиеся черты. С одной стороны, это мир «эффективности», в том смысле, что мировое производство всех видов товаров и услуг сконцентрировано на тех территориях, которые способны поставлять их по более низкой цене. Эта тенденция затронула все секторы, вплоть до размывания концепции «стратегических секторов» (таких как оборона и здравоохранение), перемещая ключевые элементы этих секторов, полагая, что в случае кризиса международный рынок сможет реагировать на избыточный спрос. Это позволяло обходиться без накопленных запасов, дорогостоящих в обслуживании и зачастую ненужных, поскольку страшного кризиса, который вынудил бы их использовать, не возникало.

С другой стороны, такая концентрация и глобальное перемещение промышленности делают практически невозможной конкуренцию с экономиками тех государств, которые стали «мировыми фабриками» (таких как Китай или Индия). Возможность производить продукцию в глобальном масштабе предполагает наличие огромной производственной инфраструктуры, что является практически непреодолимым входным барьером для возможного нового конкурента на рынке. Следовательно, экономику можно было бы очень широко разделить на четыре категории.

1. Развитые страны с унаследованной экономической структурой и вы-

соким уровнем производства услуг с высокой добавленной стоимостью и высоким уровнем технологического развития. Эти страны постепенно теряли производственные мощности в промышленности или сельском хозяйстве, но они компенсировали это за счет производимых услуг и значительного уровня внутреннего потребления. Во многих случаях они все еще поддерживают промышленную базу, ориентированную на высокое качество и технологии.

2. «Мировые фабрики»: Китай, Индия, Индонезия... В этих странах сосредоточена большая часть промышленного потенциала планеты. Они характеризуются низкими трудозатратами, что позволяет им быть очень конкурентоспособными. Во многих случаях технология поступает из более развитых стран и ее продукция не отличается высокой сложностью, хотя, благодаря передаче технологий из других государств (добровольно или нет), они повышают свой уровень, позволяя перейти к проектированию и производству все более совершенных изделий. Это быстрорастущая экономическая модель, но зависимая от внешнего спроса на свою продукцию.

3. Экономическая модель, зависящая от экспорта сырья или сельскохозяйственного производства, даже если некоторые из них имеют более или менее развитый промышленный сектор и сектор услуг, но не могут обойтись без такого экспорта сырья. Это касается большинства производителей нефти (Саудовская Аравия, Алжир, Россия, Иран, Венесуэла), экспортеров других природных ресурсов (медь в Чили, природный газ

¹ Нильс Хенрик Давид Бор — датский физик-теоретик и общественный деятель, один из создателей современной физики. Лауреат Нобелевской премии по физике.

² “Prediction is very difficult, especially if it’s about the future” (англ.).

в Боливии). Во многом страны зависят от одного продукта и поддерживают значительные слои населения за счет субсидий, как правило, получаемых из экспортных доходов. Как и в предыдущем случае, их экономика зависит от внешнего спроса на их экспортную продукцию.

4. Экономическая модель самопотребления, в которой территория сама производит большую часть необходимых ей ресурсов, хотя ей всегда придется импортировать те, которых у нее нет и которые компенсируют дефицит, создаваемый небольшим экспортом, туризмом, денежными переводами эмигрантов или другими источниками. Так обстоит дело в Тунисе, Египте, но также и в большей части Южной и Центральной Америки, а также в большинстве стран Африки и Азии. Это государства с низкими доходами и зачастую очень зависимые от своего сельскохозяйственного производства.

Как можно видеть, глобализация привела к определенной «специализации» многих государств, эффект которой усиливается по мере консолидации этого явления.

Описав очень кратко сценарий, нетрудно понять, что экономики разных государств взаимозависимы в очень высокой степени. И все они основаны на поддержании высокого уровня международной торговли. Именно здесь в уравнение вступает коронавирус.

В дополнение к его огромному воздействию на здоровье, появление коронавируса указывает на другие последующие важные эффекты, по крайней мере, равные тому, что мы наблюдаем в области общественного здравоохранения. Причина этого заключается в том, что она затронет основную опору, поддерживающую структуру мировой экономики: международную торговлю. Причин тому несколько.

1. Первоначально вспышка коронавируса была локализована в Китае. Меры по ограничению свободы, принятые китайским правительством, оказали значительное влияние на

промышленное производство. Очень скоро у ее потребителей стали возникать проблемы нехватки продукции из Китая, как промежуточных элементов для европейских производств, так и готовой продукции. Некоторые крупные европейские отрасли промышленности (в случае автопроизводителей) были вынуждены сократить свое производство из-за прекращения поставок. Это было «первое предупреждение» о нежелательных последствиях международной интеграции производственных процессов и вытекающих из нее рисках.

2. В странах «первого мира» кризис в сфере здравоохранения, с которым мы сталкиваемся, вновь высвечивает эти традиционные «стратегические секторы» и подчеркивает риск передачи контроля над ними другим государствам. Несмотря на гибель наших сограждан, мы вынуждены были импровизировать на фабриках СИЗ, масках и респираторах, среди прочих элементов. Ни один из этих элементов не требует технологии, препятствующей его производству на нашей территории. Просто дешевле было их импортировать. И все же, когда наступил кризис, у нас не было доступа к этим элементам. Опыт с коронавирусом может быть экстраполирован на любые другие неожиданные обстоятельства, от новой пандемии до стихийного бедствия или вооруженного конфликта. Это предполагает переосмысление вопроса о перемещении, по крайней мере, этих «стратегических секторов». Даже если это экономически менее «эффективно». Однако это сложный процесс.
3. Закрытие экономик развитых стран окажет огромное влияние на их ВВП, что приведет к более или менее затяжному экономическому кризису. Такая ситуация вынудит правительства увеличить свой и без того большой государственный долг, чтобы смягчить социальные последствия кризиса, но также и из-

бежать разрушения производственной структуры. Как и любой кризис, это будет означать снижение частного потребления и рост безработицы, особенно для низкоквалифицированных работников (должности, которые часто занимают иммигранты), и сильно повлияет на возможности социальных расходов.

4. По-видимому, Китай выходит из этого кризиса укрепленным: с очень скромным для масштабов страны числом погибших, ему удалось сдерживать вирус в рекордные сроки и быстро перезапустить свою экономику, если верить цифрам, приведенным китайским Правительством³. Однако Китай обладает экспортно-ориентированной экономикой, и его основными потребителями являются именно страны «первого мира», столкнувшиеся с серьезным экономическим кризисом, который приведет к сокращению потребления. На самом деле Китаю нужно продавать гораздо больше, чем покупают его клиенты, и стабильность самого китайского режима зависит от поддержания высокого экономического роста, которому, по-видимому, угрожает экономический кризис его клиентов.
5. Коронавирус довел системы здравоохранения самых богатых и развитых стран до предела. Если, как представляется, вирус распространится на страны с более неустойчивой структурой здравоохранения (как это имеет место сегодня в Южной Америке⁴), то показатели смертности могут достигать значений, намного превышающих те, которые мы получили в первой волне, и это будет иметь очень важные гуманитарные, социальные и экономические последствия и, в некоторых из этих стран, неожиданные политические последствия.

6. Ожидаемое снижение мировой экономической активности приведет к снижению потребления нефти. Низкий спрос приведет к падению цен. Однако многие нефтедобывающие страны зависят в плане обеспечения своих средств к существованию от относительно высоких цен на баррель. В некоторых случаях из-за высоких затрат на добычу или переработку (в случае Венесуэлы или Алжира) его производство выгодно только при высоких ценах. В большинстве из них потому, что нефть является их основным источником ресурсов и падение цен обязательно повлечет за собой кризис налоговых поступлений. В тех государствах, которые субсидируют свое население нефтяными дивидендами, такое снижение налогов может означать прекращение этих субсидий и, как следствие, повышение стоимости жизни населения в условиях глобального экономического кризиса. Совокупность этих факторов указывает на высокий риск социального конфликта в более слабых государствах этой группы. Аналогичный анализ можно провести и для других государств, зависящих от экспорта сырья (Чили, Боливия, Аргентина и др.).
7. Государства с экономикой, ориентированной на самообеспечение, также не будут свободны от этого кризиса: денежные переводы их эмигрантов в страны «первого мира» пострадают от экономического кризиса, в то время как прогнозируемое сокращение туристической деятельности окажет очень важное влияние на их экономику. Кроме того, им придется конкурировать за финансирование в международной среде.

Почти все возможные последствия связаны с риском социальной или политической нестабильности, при этом усугубляю-

³ RedacciónMédica. “Coronavirus: un informe de la CIA dice que China oculta muertos y positivos”, 1 de abril de 2020. <https://www.redaccionmedica.com/secciones/sanidad-hoy/coronavirus-un-informe-de-la-cia-dice-que-china-oculta-muertos-y-positivos-7050>.

⁴ *Robinson, Andy*. “El coronavirus ya es una ola mortal en América Latina». *La Vanguardia*, 5 de abril de 2020.

щим фактором является то, что государства «первого мира», которые в большинстве случаев являются единственными, кто обладает экономическим, политическим и военным потенциалом для поддержки государства в кризисе или для руководства международным реагированием на ситуацию нестабильности, увидят, что их ресурсы всех видов значительно уменьшатся в результате кризиса, который последует за ликвидацией пандемии. Таким образом, не исключено, что на какой-то территории возникнут насильственные ситуации и не будет никакой международной реакции. Более того, если одновременно возникает несколько кризисов, то вероятность бездействия еще выше.

Огромное потенциальное воздействие коронавируса может быть еще больше усилено нынешней динамикой международных отношений. Сегодня уже почти уместно вспомнить о том, что структура международной системы находится в процессе перехода от нынешней однополярности, с США как гегемонистской державой в системе, к многополярности, изначально несбалансированной, причем США являются своего рода «первыми среди равных», вместе с Китаем и Россией (и, возможно, Индией); и тогда может возникнуть биполярность (Китай—Соединенные Штаты), «сбалансированная» многополярность или «несбалансированная» многополярность, в которой поменяются роли, причем Китай обгонит Соединенные Штаты, или какая-то промежуточная ситуация. Эта эволюция системы является не направленным процессом, а следствием приобретения и утраты относительных полномочий основными государствами международной системы.

Многополярность основана на том, что существует ряд великих держав («полюсы» системы), в то время как остальные государства занимают подчиненное им положение. Многополярность была бы материализована обязательством «младших» государств объединяться в различного рода группы, возглавляемые одним из ве-

ликих потенциалов и предназначенные для удовлетворения интересов ведущего государства. Чем больше число «малых» государств, входящих в эти группировки, тем больше относительное число каждой из этих великих держав по отношению к своим соперникам. В биполярности холодной войны Соединенные Штаты возглавляли ряд группировок, таких как НАТО, АСЕАН⁵, ВТО, в то время как Советский Союз делал то же самое с Варшавским договором или СЭВ. Таким образом, в этой гипотетической будущей (или почти уже существующей) многополярности великие державы будут конкурировать за привлечение в свою сферу влияния остальных государств. Способы их привлечения весьма разнообразны, сочетая инструменты жесткой силы (сдерживание и принуждение, военными, экономическими средствами) и мягкой силы (культурное влияние, экономические соглашения, дипломатия). В этой обстановке конкуренции великих держав за привлечение остальных государств системы коронавирусный кризис открывает возможности и несет риски.

В принципе, тот факт, что коронавирус возник в Китае, и тем более что его источником является плохое управление рынками живых животных в этой стране (для потребления человеком или для китайской «традиционной медицины»), появление коронавируса означает значительный износ китайского режима (снижение его способности осуществлять мягкую силу). Однако энергичное сдерживание вспышки на китайской территории и относительно небольшое число смертей (около 4 тысяч, незначительное число при огромном населении Китая), вопреки ожиданиям, укрепили эффективный имидж китайской администрации в этом кризисе: немало голосов провозгласили превосходство авторитарных политических систем над либеральными демократиями в управлении такого рода кризисом. В то же время политика Китая по предоставлению медицинских материалов (широко разрекламированная) странам, где ви-

⁵ Ассоциация государств Юго-Восточной Азии — политическая, экономическая и культурная региональная межправительственная организация 10 стран, расположенных в Юго-Восточной Азии. АСЕАН образована 8 августа 1967 года в Бангкоке вместе с подписанием «Декларации АСЕАН», более известной как «Бангкокская декларация».

рус оказал наибольшее влияние (пример Италии и Испании), является жестом, направленным на улучшение имиджа китайского режима. По-видимому, в начале кризиса Китая почти удалось заставить нас забыть, что происхождение вируса было рождено на его территории, и что его внутренние правила торговли животными лежат в основе возникновения вируса (как это произошло в случае SARS), несмотря на его неоднократные попытки обвинить Соединенные Штаты и, тем более, выйти с имиджем повышенной эффективности и благого управления. Еще предстоит выяснить, что может произойти, если будет доказано, что опубликованные режимом цифры потерь являются ложными (на что указывают многие источники) и что Китай скрыл истинную опасность вируса, заставив остальной мир своевременно не принять соответствующие меры.

Главный конкурент Китая, Соединенные Штаты, сегодня является страной, наиболее пострадавшей от вируса. Этот кризис в области здравоохранения высвечивает одну из главных проблем страны, которая заключается в неадекватности ее системы здравоохранения. Соединенные Штаты имеют очень полную, но почти абсолютно частную систему здравоохранения, с затратами на каждое лечение намного выше, чем те, которые существуют где-либо еще для аналогичного лечения. Гражданин зависит от частной страховки, которая в большинстве случаев полностью или в значительной степени оплачивается его работодателем и которая обычно не покрывает все очень высокие медицинские расходы. Эта система имеет много последствий: с одной стороны, значительная часть населения — наиболее обездоленные — не имеет медицинского обеспечения. С другой стороны, даже те, кто имеет страховку, неохотно обращаются в медицинские службы из-за необходимости брать на себя расходы, не покрываемые их страховкой (и которые могут быть очень высокими; например, лечение коронавируса, которое не является сложным, будет стоить в Соединенных Штатах не менее 10 000 долларов, будучи в состоянии достичь 90 000 долларов в случае необходимости интенсивной терапии и искусственной вентиляции лег-

ких; из них средний застрахованный должен заплатить около 1 500 долларов в качестве франшизы; расходы намного выше для тех, кто не имеет страховки — 30 миллионов человек). Наконец, страхование обычно связано с трудоустройством: если вы потеряете работу, вы потеряете свою страховку. Закрытие экономики из-за коронавируса увеличило число парадоксов почти на 10 миллионов, подразумевая несколько миллионов семейных единиц, которые потеряли свою медицинскую страховку. Следовательно, коронавирус представляет собой очень важную проблему для Соединенных Штатов, к которой они крайне плохо подготовлены [1]. Таким образом, можно предвидеть, что коронавирус будет стоить еще больших человеческих жизней в Соединенных Штатах и, следовательно, нанесет серьезный удар по репутации Соединенных Штатов как глобальной гегемонистской державы. Однако вполне предсказуемо, что экономика США способна оправиться быстрее, чем большинство последствий коронавируса: Соединенные Штаты обладают очень гибкой экономикой, большим внутренним рынком, большими природными ресурсами и, пока доллар остается валютой глобального обмена, обладают определенной способностью расширять денежную массу, не порождая чрезмерной инфляции. Если, кроме того, администрация США сумеет отреагировать и принять меры по устранению недостатков своей системы здравоохранения и смягчению последствий коронавируса, то Соединенные Штаты могут выйти из этого кризиса относительно невредимыми.

С Европейским Союзом дело обстоит гораздо сложнее. Коронавирусный кризис вновь высветил хрупкость Союза, а также большие различия между государствами, которые его составляют. В настоящее время борьба с коронавирусом стала абсолютно национальной проблемой, причем ЕС не сыграл никакой роли даже в согласовании национальной политики. С другой стороны, опасность вируса заставила государства ставить свои национальные потребности в санитарных материалах и оборудовании (во многих случаях будущие потребности, а не непосредственные) выше солидарности со своими наиболее пострадавшими

европейскими партнерами (Испанией и Италией), что представляет собой значительную репутационную цену для Союза перед лицом его граждан и перед другими государствами. Если ЕС также не справится с экономическими последствиями коронавирусного кризиса, то процесс европейской интеграции может пострадать гораздо сильнее. Ожидается, что эта слабость ЕС будет использована крупными державами для того, чтобы попытаться разобщить блок и привлечь отдельные государства-члены в сферу своего влияния. На это указывает разрекламированная российская и китайская помощь в поставках медикаментов некоторым государствам-членам [4].

С другой стороны, коронавирус приведет к многотысячным смертям в государствах ЕС, и сегодня невозможно с уверенностью сказать окончательное число жертв в каждом из этих государств. Нынешние правительства, как ожидается, будут страдать от значительного износа, вызванного числом самих жертв, но им также придется столкнуться с мрачной экономической ситуацией. Общим искушением для национальных правительств ЕС было привлечь внимание Национального общественного мнения к Союзу: «Брюссель виноват», как способ избежать ответственности. Подъем «евроскептических» движений во многом связан с этим обычаем, общим для всех государств Союза. Эта пандемия дает новую возможность привлечь «Брюссель» к ответственности за национальные решения, что означало бы дальнейшее ослабление Союза, особенно когда речь идет о принятии ответственности за тысячи погибших, а не за экономические или судебные решения. Роль ЕС в управлении надвигающимся экономическим кризисом будет иметь решающее значение для его консолидации или дальнейшего ослабления «европейского проекта» [6].

ЕС — один из самых активных игроков на международной арене. Помимо действий, предпринимаемых непосредственно ЕС, он финансирует деятельность многих других международных организаций (таких как Африканский союз, который покрывает большую часть своего бюджета европейскими фондами) и оказывает финансовую помощь многим правительствам

неблагополучных государств (50% международной помощи Африке поступает из европейских стран). Прогнозируемый серьезный экономический кризис, который последует за пандемией, поставит в трудное положение способность ЕС продолжать поддерживать эти линии финансирования. В результате многие конфликты, «вялые» от вливаний европейских фондов, могут сильно вспыхнуть в Африке (что может увеличить миграцию в Европу), но, возможно, и на Балканах. Точно так же ЕС поддерживает соглашения с некоторыми государствами о финансовой помощи им в обмен на их сотрудничество в борьбе с иммиграцией (в случае Марокко или Турции). Если миграционные потоки усилятся, эти государства запросят больше финансирования в обмен на свое сотрудничество с ЕС, который гораздо менее способен предоставить такую финансовую помощь [3].

С другой стороны, способность принимать и интегрировать иммигрантов на европейской земле будет зависеть от отсутствия ликвидности европейских государств, что вызовет внутреннюю напряженность, которую трудно предсказать.

Другой распространенной темой является упоминание о том, что кризисы связаны с возможностями. Однако эта пандемия не приносит ничего позитивного, разве что подчеркивает то, что уже было известно: экономическая взаимозависимость, вытекающая из глобализации, означает, что локальные проблемы могут иметь глобальный охват.

Однако есть уроки, которые нам необходимо усвоить.

1. Что существуют «стратегические секторы», которые не могут быть переданы на аутсорсинг. Если бы смертность от коронавируса была выше, что может произойти при любой будущей пандемии, то речь шла бы не о серьезном кризисе, а об исторической трагедии как, например, Черной смерти XIV века [9].
2. Как следствие, что оборона является еще одним из этих секторов, более «аутсорсинговым», чем удобным, и что она также не готова к шоку, подобному тому, который пострадал от здравоохранения.

3. Что создание системы здравоохранения, охватывающей все население, является одним из основных столпов, на которых зиждется наше общество.
4. Остается проанализировать, почему различные правительства не смогли извлечь уроки из того, что происходило в других странах, и в целом полагаали, что их случай будет «иным». Могут быть причины для отсутствия анализа, но это также может быть определенное чувство превосходства над несчастным соседом.
5. В дополнение к этим непосредственным, краткосрочным урокам, мир, который возникнет после коронавируса, будет менее взаимосвязанным (и, следовательно, более бедным).
6. Можно предвидеть, что развитые государства примут решение о реиндустриализации, по крайней мере в отношении этих «стратегических секторов» (что приведет к сокращению международной торговли).
7. Снижение потребления означает снижение спроса на сырье (нефть, металлы, сельскохозяйственные культуры и т.д.).
8. Это также будет более нестабильный мир, поскольку появятся новые очаги конфликтов.
9. Увеличение иммиграции в развитые страны из наименее развитых стран, наиболее пострадавших от пандемии. Помимо обычных экономических причин, возможна миграция «в поисках больниц», в случае будущих пандемий.
10. Экономический кризис во многих странах-экспортерах (Венесуэла, Нигерия, Ливия, Алжир, Чили, Боливия и др.) из-за сокращения спроса.
11. Экономический кризис в странах, наиболее зависимых от туризма.
12. Сокращение международной помощи в нынешних зонах конфликтов (Сомали, Мали, Центральная Африка, Босния и Герцеговина и др.).

В среднесрочной перспективе структура международной системы может развиваться быстрее, чем ожидалось, в направлении

многополярности. Однако исторически многополярность сама по себе является временной и неустойчивой структурой.

Но есть и другие возможности: Китай сильно пострадает от прогнозируемого сокращения международной торговли. Ему будет трудно поддерживать «двузначные» темпы роста последних десятилетий.

Остается выяснить, как повлияет на стабильность китайского режима возможный внутренний экономический кризис из-за отсутствия международного спроса, и сможет ли китайский внутренний рынок в какой-то мере компенсировать его.

Пожалуй, главной характеристикой человека является способность к адаптации. Это не первая наша пандемия. Не углубляясь в прошлое, стоит вспомнить о событиях 1918–1921 годов. Этот «грипп» был гораздо более смертоносным, чем нынешний коронавирус, и, как и сегодня, были сделаны квазиапокалиптические предсказания. И все же за этой пандемией последовала «счастливая двадцатка», время экономического роста и оптимизма. По мере того, как угасали воспоминания об этой болезни, общество постепенно возвращалось к своим старым привычкам и столь же старым ошибкам. Таким образом, можно предвидеть, что в течение не очень долгого периода времени общество стабилизируется и вернется, приблизительно, к исходной точке.

Список литературы

1. *Keohane, Robert O.*, “The Theory of Hegemonic Stability and Changes in International Economic Regimes, 1967–1977”, in *HOLSTI Ole R.*, et al. (ESD.), *Change in the International System*, Boulder, Westviews press, 1980, pp. 131–162.
2. *Lynn, Barry C.*, “End of the Line: The Rise and Fall of the Global Corporation”. New York, Doubleday, 2006.
3. *Maqbool, Aleem*, “Coronavirus: why millions avoid going to the doctor in the U.S. UU. even in crises like that of COVID-19”, on BBC world, March 16, 2020.
4. *Pichel, Michel*, “Many bugs and few tests: the pangolin is not yet to blame for the coronavirus”, in *El Confidencial*, February 9, 2020.
5. *Radcliffe, Shawn*, “What Is the Cost of Getting Tested and Treated for the Coronavirus?”,

- Health News. March 9, 2020. Доступ: <https://www.healthline.com/health-news/if-you-get-the-coronavirus-what-will-it-cost-you>.
6. *Rae, Matthew* and alt., “Potential costs of coronavirus treatment for people with employer coverage”, in Peterson-KFF. Health System Tracker, March 13, 2020.
 7. BBC World newsroom. “Coronavirus in the US. UU./ Pandemic triggers unemployment: 10 million in two weeks, new all-time high», April 2, 2020” Доступ: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-52142353>.
 8. Interagency Task Force in Fulfillment of Executive Order 13806. Assessing and Strengthening the Manufacturing and Defense Industrial Base and Supply Chain Resiliency of the United States. Washington, Department of Defense, September 2018, p. 24.
 9. Severe Acute Respiratory Syndrome. VAQUÉ RAFART, J. “serious acute respiratory syndrome (SARS)”, in Spanish Association of Pediatrics, Annals of Pediatrics, Vol. 62, No S1, of 2005. Доступ: <https://www.analesdepediatria.org/es-sindrome-respiratorio-acute-severe-sars> Artic item-13074489.
 10. With more than 400 000 confirmed cases and more than 14 000 dead. Доступ: <https://www.worldometers.info/coronavirus/#countries>.

М.Р. Деметрадзе,доктор политических наук, профессор,
Институт мировых цивилизаций, Москва**В.А. Волох,**доктор политических наук, профессор,
Государственный университет управления, Москва,
действительный член Академии политических наук, Москва**С.П. Шорохова,**кандидат философских наук, доцент,
Институт мировых цивилизаций, Москва**КУЛЬТУРНЫЙ ДУАЛИЗМ В ДОКТРИНЕ ЛИБЕРАЛЬНОГО НАЦИОНАЛИЗМА****M.R. Demetradze,**Doctor of Political Science, Professor,
Institute of World Civilizations, Moscow
E-mail: Demetradze1959@mail.ru**V.A. Volokh,**Doctor of Political Sciences, Professor,
State University of management, Moscow,
full member of the Academy of political sciences, Moscow
E-mail: v.volokh@yandex.ru**S.P. Shorokhova,**PhD in Philosophy Science, associate Professor,
Institute of World Civilizations, Moscow
E-mail: orator3@yandex.ru**CULTURAL DUALISM IN THE DOCTRINE OF LIBERAL NATIONALISM**

Аннотация. Проблема национализма и национальной идентичности в современном мире занимает одно из центральных мест. В мировой науке сложились различные модели изучения национализма: традиционные и современные, классические марксистские подходы, методы исследования его природы, а также ценностей и символов этничности в контексте национализма. Однако единой концепции изучения данного феномена и решения ее фундаментальных проблем пока еще не существует. В связи с этим, в статье предлагается анализ некоторых типов национализма рассмотренных Геллнером и представителями школы либерального национализма. Разумеется, все эти модели неполны, но интегрировать их вместе пока еще никому не удавалось, несмотря на неоднократные попытки и стремления ученых мирового значения. При этом для нас важно отметить, что каждой предложенной модели соответствует определенное состояние идентичности человека как его тождественности конкретной этнической группе. В работе идея взаимосвязи политики и национализма в современных государствах последовательно проводится на основе материалов Геллнера, Смита, Линда, Готтлиба и Тамира. Мы надеемся, что представленная статья окажется полезной для исследователей разных профессий, специалистов-практиков и студентов социально-гуманитарной области, интересующихся политико-правовыми подходами к вопросам национализма.

Ключевые слова: национализм, культурный плюрализм, национальная нетерпимость, национальные границы, политическая культура, автономия, сепаратизм, идентичность, этнополитика, этнические меньшинства, этноидентификация, культурный национализм.

Abstract. The problem of nationalism and national identity in the modern world occupies one of the central places. In world science, there are various models for the study of nationalism: traditional and modern, classical Marxist approaches, methods for studying its nature, as well as values and symbols of ethnicity, in the context of nationalism. However, a single concept for studying this phenomenon

and solving its fundamental problems does not yet exist. In this regard, the proposed article offers an analysis of some types of nationalism considered by Gellner and representatives of the school of liberal nationalism. Of course, all these models are incomplete, but no one has yet managed to integrate them together, despite repeated attempts and aspirations of scientists of world significance. At the same time, it is important for us to note that each of the proposed models corresponds to a certain state of identity of a person as his identity to a specific ethnic group. In this paper, the idea of the relationship between politics and nationalism in modern states is consistently based on the materials of Gellner, Smith, Lind, Gottlieb and Tamir. We hope that this article will be useful for researchers of various professions, practitioners and students of the social and humanitarian field who are interested in political and legal approaches to nationalism

Key words: nationalism, cultural pluralism, national intolerance, national borders, political culture, autonomy, separatism, identity, ethnopolitics, ethnic minorities, ethno-identification, cultural nationalism.

Введение

Стратегическая направленность национализма современных и традиционных государств радикально отличается: в основе **национального интереса** одних лежит социально-экономическое благополучие своих граждан, а у других — манипулирование обществом на консервативно-идеологической основе.

Коммуникативные каналы традиционно-консервативной формы национализма наполнены нереалистичными ценностями, великодержавными устремлениями, доминированием интересов государства над общественными, идеологемами, которыми политики прикрывают свою некомпетентность и нежелание формировать социальное государство.

В основу современной формы национализма положены рационально-конструктивные идеи национального интереса и его реализации, в том числе и на уровне международных отношений. Вместе с тем вызовы современной глобализации, движения капиталов и инвестиций, взаимосвязанность государств полностью устраняют возможность повторения холодной войны, политики железного занавеса, глобального противостояния на идеологической основе и т.д. Однако отсутствие институциональных форм внутрисубъективной политики и желания включиться в модернизационные процессы ставят народы стран с традиционной политической культурой в подчиненное положение по отношению к развитым странам мира.

Цель данной работы — выделить особенности национализма, определить ха-

рактер протекания либеральных подходов, обосновать роль науки в преодолении затруднений, вызванных особыми законами либерализма.

В статье применяется междисциплинарный подход социально-гуманитарных дисциплин, прежде всего социальной, культурной, правовой и политической антропологии.

Предпосылками создания теории модернизации можно считать стремления ученых к разработке универсальных моделей современности, основанных на западных ценностях, и их распространении в обществах традиционного типа, прежде всего, в бывших колониальных странах Востока. По замыслу исследователей, после второй мировой войны мир должен был стать более прозрачным, предсказуемым и в то же время контролируемым. И самым лучшим способом реализации такой задачи была идея вовлеченности традиционных обществ в модернизационные процессы путем повышения их стремления к быстрому росту темпов развития и заинтересованности включения в глобализационные процессы. В этих процессах особую роль выполняли идеи национализма, ставшие предметом исследований различных школ социально-гуманитарной науки, в том числе и теории либерального национализма.

Рассматривая мифологию современного национализма, следует подчеркнуть расхождение между лозунгами о защите народной культуры и действиями националистов, стремящихся занять высокую позицию в контексте современного постиндустриализма. Поэтому в большинстве

случаев вместо возвращения к традиционному обществу строится анонимное массовое общество. Националисты выдают себя за защитников вечного принципа самостождественности нации, но фактически следуют императивам конкретных исторических условий. Поэтому о реальных последствиях национализма не следует судить, исходя из утверждений его идеологов.

Обращаясь к работе Геллнера «Нации и национализм», следует обратить особое внимание на то, что на основе комбинации решающих факторов современного общества — культурной специфики общества власти и доступности высшего образования — он выделяет четыре возможных типа национализма. При первом типе только властвующая элита имеет доступ к высшему образованию; при втором — одинаковый доступ к нему имеют все группы населения; при третьем — пренебрегает высшим образованием, но оно доступно всем остальным членам общества; при четвертом типе национализма — к высшему образованию не имеет доступа ни одна группа [1, с. 319].

Первая комбинация характерна для раннего индустриального общества, когда сельские мигранты образовывали в городах группы пролетариата. Вторая комбинация существует в позднем индустриальном обществе. Третья возможна в традиционных аграрных обществах, где правящий слой сохраняет обычаи и ценности предков, поддерживая стабильность социальной структуры. Четвертый сценарий возможен в деградирующем аграрном обществе, не затронутом влиянием промышленной цивилизации [2, с. 112]. Таким образом, помимо привлекательности идеологий национализма для определенных социальных групп можно говорить о содержании этих идеологий, соответствующем конкретному состоянию общества.

Утверждение собственной уникальности представителями определенной этнической общности влечет за собой попытки политического разделения, на чем был основан этнический сепаратизм в странах Центральной и Восточной Европы в XIX в. Идеология национализма внушает ее приверженцам не только представления об их

исконной культурной общности, но и об их неотъемлемом праве на определенную территорию; она апеллирует к исторической памяти народа, пропагандирует любовь к родной земле.

Считается, что низшим слоям населения следует внушать, что они являются полноправными представителями нации и должны осознавать свою ответственность перед ней. В то же время все слои должны быть мобилизованы для создания нации. Идеология национализма ориентирована на объединение элиты и масс в единую нацию с единой законодательной волей [6, с. 45–77].

Характерной чертой возрождения этой формы национализма в современных западных странах Смит считает его ориентированность на автономию: его сторонники добиваются автономии в рамках существующих государств. Это привело к кризису законности и подрыву авторитета современного государства. Стабилизация границ в послевоенной Европе предполагает, что националистические движения вынуждены решать свои проблемы невоенным путем и внутри установленных границ. В то же время относительная слабость современных государств позволяет националистам решать свои задачи средствами автономизации.

Ослабление классовых и актуализация этнических конфликтов в современных государствах объясняется в современной политологии рядом обстоятельств. Прежде всего, в результате численного роста среднего класса и развития программ социальной помощи произошла институционализация классового конфликта, который стал лучше контролироваться. Далее, возросло количество и социальное значение интеллигенции, критическое отношение которой к государству стало почвой для усиления идеологии национализма. Наконец, этнические меньшинства перестали доверять классовым партиям в отношении их способности защищать их интересы на уровне государства и общества. Этим недоверием был вызван рост влияния националистических партий в 1960-е гг. в ряде стран Западной Европы.

Что касается национализма как идеологии, оправдывающей национально-осво-

бодительную борьбу, то она соответствует ситуации, в которой находятся националисты в развивающихся странах. Эта борьба направлена против колониализма или неоколониализма и захватывает скорее экономические и политические, чем культурные сферы [10, с. 15–17].

Важной идеологемой национализма в странах «третьего мира» является представление о «зависимости». Оно характеризует взаимоотношения колоний с бывшими метрополиями, а также используется для описания европейских автономистских движений. После Второй мировой войны сложилось всеобщее убеждение, что этничность является естественной основой для обретения независимости и создания автономного государства. Однако оно противоречило убежденности политических элит развитых стран в невозможности формирования таких государств в современной Европе. Результатом стал рост этнического национализма, который в конце XX в. привел к появлению новых государств. Обобщение результатов многочисленных исследований позволяет выделить ключевые социальные и культурные условия этнического возрождения.

Прежде всего, следует отметить, что этнические связи всегда влияли на структурно-функциональные и содержательные характеристики совместной жизни и деятельности людей. Однако и политическая значимость сильно варьировалась. Так, хорошо известно, что связи в этнических общностях интенсифицируются в период войн, которые мобилизуют население на борьбу с врагом и усиливают роль централизованного государственного аппарата.

В ответ на кризис священного обоснования господства церкви появились идеи рационального светского государства. В отношении них интеллектуальные элиты заняли одну из трех позиций: неотрадиционалистскую, реформистскую и ассимиляторскую. Эти позиции сохраняют свою мобилизационную значимость и для современных националистов.

Социальный рост интеллигенции сдерживается рядом препятствий: перепроизводство высококвалифицированного персонала по сравнению с количеством постов соответствующего статуса; оппо-

зиция части иерархической бюрократии по отношению к критическому рационализму интеллигенции; использование этнических или культурных оснований для дискриминации интеллигенции с высоким социальным статусом. Эти препятствия радикализируют значительную часть интеллигенции, которая нашла основания для собственной социальной идентичности в этнических началах. Помимо возможностей для новой бюрократической карьеры, историческая или этническая общность, трансформируемая в «нацию», способствует преодолению кризиса идентичности интеллигенции и ее изоляции от «народа».

Но цели националистических программ такого рода оказываются недостижимыми и, хотя они включают в себя гуманизацию государства, наделяют технократическую элиту ответственностью перед народом и представляют государство не как **директивную силу**, но как **инструмент национальной общности**. Все это остается на уровне пожеланий. Для националиста нация — скорее абстрактный идеал, нежели реальная социокультурная общность.

Обобщая всё сказанное, следует подчеркнуть, что реализация националистических программ, к какому бы из перечисленных типов она ни относилась, всегда неполна или частична, поскольку «нация» не определяется простой государственной независимостью. Напротив, то, что принято называть нацией, порождает государство, соответствующее ее культуре. «Но, возможно, само отсутствие достижения желаемого, **резкий разрыв между идеалом и его практическим воплощением** и является движущей силой поиска национальной трансформации, гарантирует расцвет этнического национализма в государствах» [7, с. 458].

Современные теории либерального национализма

В последние годы в группе теорий национализма появилось новое направление так называемого «*либерального национализма*» (М. Линд, Готтлиб, Х. Линд, Тамир). Особенность этого исследовательского направления заключается в сосредоточенности на диалектике взаимоотношений

«нация — государство». Эти исследователи признают реальность существования наций и связывают их развитие как социокультурных общностей с либеральным типом государства, имеющим демократическое политическое устройство. В рамках этого направления, в отличие от представленного ранее, исследуются не истоки или причины национализма, а политико-прикладные аспекты «сосуществования наций и государств». Исследования по существу сосредоточены на правовых аспектах национализма и государственности, хотя и авторы по-разному отвечают на одни и те же вопросы. Исходной точкой их рассуждений служат как уже известные новейшие теории национализма, так и международно-правовые нормы, регулирующие статус наций, меньшинств и этнических групп. Они указывают на сложности, возникающие при попытках сочетания проблем международной интеграции, с одной стороны, и роста национализма, с другой.

Яэль Тамир основное внимание уделяет культурной интерпретации права на национальное самоопределение и выделяет два ее основных преимущества: «Во-первых, она помещает это право в общий контекст прав, которыми обладают различные культурные группы, такие как этнические меньшинства и коренные народности. Во-вторых, она, по-видимому, лучше приспособлена к реалиям современного мира, где существует очевидное напряжение между явными преимуществами транснациональной экономической, стратегической и экологической кооперации, с одной стороны, и растущим беспокойством за сохранение национальной и культурной специфики, — с другой, беспокойством, ведущим к требованиям о разделении, о создании автономных национальных “структур”» [9, с. 111–118]. Однако реализацию этого права автор ставит в зависимость от конкретных условий бытия тех или иных народов: «...Все нации имеют равные права на осуществление национального самоопределения в максимально возможной степени, допустимой в их конкретном положении».

Более радикальной точки зрения по этому вопросу придерживается М. Линд, который считает, что необходимо предо-

ставить каждому народу право на создание собственного государства, особенно при условии, что это государство станет либеральным и демократическим. Отвергая предостережения многих политологов, М. Линд пишет: *«Не следует преувеличивать опасность, грозящую международному порядку в связи с увеличением количества государств, существующих в мире... Потенциальное число новых национальных государств исчисляется десятками, но никак не сотнями или тысячами. Хотя на нашей планете насчитываются тысячи различных этнических групп, лишь немногие настолько многочисленны, едины и территориально компактны, чтобы служить зародышами новых суверенных национальных государств. Очевидно, что крохотные меньшинства вроде лужицан в Германии или амишей в Соединенных Штатах не могут сформировать государств, однако из этого совсем не следует, что государственная независимость невозможна для таких народов как курды, тибетцы или ибо»* [4, с. 56].

Х. Линд, рассматривая историческое становление наций и национальных государств, признает, что в современном мире можно говорить «...как о преднамеренном создании, так и о преднамеренном разрушении нации и государств». А поэтому «сейчас необходимо искать новые способы государственной интеграции, не основанные на национальном строительстве».

Один из таких способов предлагает Г. Готтлиб. Рассматривая проблему «разделенных народов», он предлагает иной путь, нежели формирование новых независимых государств, который, однако, тоже связан с ограничением суверенитета «старых» государств: *«Государства, твердо решившие загасить тлеющие огоньки этнического противоборства, не прибегая к болезненной хирургии отделения, должны предоставить народам, не желающим терпеть чужеземное угнетение, возможность жить своей собственной жизнью»* <...> *«Подобный подход требует целевого создания специальных территорий и зон, пересекающих государственные границы; учреждения особых механизмов управления и защитных режимов в местах культурных и исторических святынь тех или*

иных этнических групп; признания статуса и прав национальных сообществ, не имеющих собственной государственности; помощи народам в установлении экстерриториальных связей и союзов» [3, с. 87].

В заключение следует отметить, что все рассмотренные модели либерального национализма могут быть реализованы в контексте рационализма, а не на базе идеологием этноцентризма, которые дестабилизируют систему мировой безопасности в целом.

Выводы

Этот небольшой обзор, на наш взгляд, показывает, что теоретические подходы в рамках «либерального национализма» имеют ярко выраженную конструктивную ориентацию. Правда, они пока не имеют оснований в современной правовой практике. Можно, однако, предположить, что такой концептуальный подход имеет определенное будущее в практике национально-политических отношений XXI века.

Тенденция рассматривать современные политические процессы в контексте применения социального знания как движение к демистификации феномена национализма в политической и общественной жизни пока еще не дают нужных результатов, в особенности в традиционных обществах и государствах постсоветского пространства. И об этом свидетельствуют многие межэтнические конфликты, в том числе и в Нагорном Карабахе, разгоревшийся с новой силой спустя двадцать пять лет. Разумеется, нельзя забывать и о других замороженных конфликтах: осетино-ингушском, приднестровском и т.д., в которых национальный вопрос и территориальные проблемы почти идентичны. Поэтому технократическая форма правления как способа эффективного правления компетентными профессионалами может

стать оптимальным средством преодоления накопившихся проблем на постсоветском пространстве, доводящим острые вопросы национализма до минимума. Решающее влияние на политическую власть имеют разработанные специалистами концепции, которые должны быть востребованы управленцами, заняты политической организацией управления в области национальной политики современной России. Поэтому тема технократии должна рассматриваться отдельно, так как связана с идеей Бэкона, с его пропагандой первостепенной значимости науки в государстве, которая приносит «пользу для жизни и практики». Однако эта отдельная тема требует особого внимания и авторы предложенной работы планируют раскрыть ее в последующих исследованиях.

Список литературы

1. Геллнер Э. Нации и национализм. — М., 1991. — С. 319.
2. Bhabha H. (ed.) Nation and Narration. — L., 1990. — No 7. — P. 112.
3. Готлиб Гидон. Нации без государств. Пересмотр идеи самоопределения. — 2001. — С. 87.
4. Лунд М. В защиту либерального национализма // Проблемы Восточной Европы. — Вашингтон, 1995. — № 43–44. — С. 56.
5. Ройс А.П. Этническая идентичность: стратегии разнообразия. — М., 2020. — С. 240.
6. Smith E. Nations and Nationalism in a Global Era. — Cambridge: Polity, 1995. — P. 45–77.
7. Смит Э.Д. Национализм и модернизм: критический обзор современной теории наций и национализма. — М.: Праксис, 2004. — С. 458.
8. Smith E. Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach. — London: Routledge, 2019. — P. 145–255.
9. Тамир Я. Либеральный национализм // Проблемы Восточной Европы. — Вашингтон, 1995. — № 43–44. — С. 111–118.
10. Hechter M. Containing Nationalism / M. Hechter. — Oxford, 2018. — P. 15–17.

И.И. Идилов,

доктор экономических наук, LLD — Доктор права (Великобритания), профессор,
 заведующий кафедрой менеджмента инноваций и бизнеса,
 ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет
 им. акад. М.Д. Миллионщикова», г. Грозный,
 Главный научный сотрудник,
 ФГУН «Комплексный научно-исследовательский институт
 им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук», г. Грозный

А.Э. Джабраилов,

доктор экономических наук, профессор,
 Начальник Управления Судебного департамента
 при Верховном Суде Российской Федерации по Чеченской Республике, г. Грозный

М.М. Абубакарова,

кандидат юридических наук, PhD (США), доцент,
 ФБГОУ ВО «Чеченский государственный университет», Грозный,
 научный сотрудник,
 ФГБУН «Комплексный научно-исследовательский институт
 им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук», г. Грозный.

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СТРАТЕГИЙ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ СИЛЫ СТРАН НАТО

I.I. Idilov,

Doctor of Economics, LLD-Doctor of Law (Great Britain), Professor,
 Head of the Department of Innovation and Business Management,
 Grozny State Oil Technical University named after M.D. Millionshchikov,
 Chief Researcher,

Kh.I. Ibragimov Integrated Research Institute of the Russian Academy of Sciences, Grozny
 E-mail: dr_idilov_ibrag@mail.ru

A.E. Dzhabrailov,

Doctor of Economics, Professor,
 Head of the Department of the Judicial Department
 of the Supreme Court of the Russian Federation for the Chechen Republic, Terrible.

E-mail: usd001@mail.ru

M.M. Abubakarova,

PhD of Law, PhD (USA), Associate Professor,
 Chechen State University, Grozny;
 Researcher,

Kh.I. Ibragimov Integrated Research Institute of the Russian Academy of Sciences, Grozny
 E-mail: m_abubakarova@mail.ru

THE FAILURE OF THE NATO COUNTRIES' COERCIVE FORCE STRATEGIES

Аннотация. В исследовании доказано, что в мире сложилась серьезная проблема, в результате которой развитию мировой экономики, сотрудничеству между странами мешают старые стереотипы мышления, основанные на методах запугивания более слабых, в военном и экономическом отношении, государств. Установлено, что развитые страны мира приступили к реализации концепций, характерных для нового технологического уклада, направленных на демонстрацию силы и угроз в адрес менее развитых государств и наций. Мир вступает в фазу неопределенности в развитии политических отношений, выработанных ООН. В связи с этим, велика опасность, что указанные действия могут превратиться в обыденную практику в решении международных отношений. В ходе анализа применения практики концепции предварительной силы странами Запада доказана ее несостоятельность. Отмечено, что демонстрация силы сильной державой в от-

ношении другой сильной державы, когда она заранее не выполнима (пример Крыма) возбуждает желание у террористических организаций искать военные технологии большой разрушительной силы, что делает мир хрупким и незащищенным. Доказано, что Россия, обладая невиданной мощью в развитии своих вооруженных сил, не использует концепцию принудительной силы, ограничиваясь лишь доведением информации по проблемам, которые ее беспокоят, до заинтересованных сторон (пример — Мюнхенская речь Президента России В.В. Путина). Более того, Россия, создав у себя военные системы возмездия, как адекватный ответ концепции глобального удара стран Запада, демонстрирует готовность оказывать помощь и содействие бывшим союзным республикам не только в военной составляющей, но и в экономической. Передовые страны должны учиться этому опыту у России.

Ключевые слова: развитые страны, концепции применения принудительной силы странами Запада, Крым, террористические организации, военные технологии, вооруженные силы, Россия.

Abstract. The study proves that there is a serious problem in the world, as a result of which the development of the world economy and cooperation between countries are hindered by old stereotypes of thinking based on methods of intimidating weaker, militarily and economically, states. It is established that the developed countries of the world have begun to implement the concepts characteristic of the new technological order, aimed at demonstrating strength and threats against less developed states and nations. The world is entering a phase of uncertainty in the development of political relations developed by the UN. In this regard, there is a great danger that these actions may turn into a common practice in solving international relations. In the course of the analysis of the application of the practice of the concept of preliminary force by the Western countries, its inconsistency is proved. It is noted that the demonstration of force by a strong power against another strong power, when it is not feasible in advance (for example, Crimea), arouses the desire of terrorist organizations to seek military technologies of great destructive power, which makes the world fragile and unprotected. It is proved that Russia, having unprecedented power in the development of its armed forces, does not use the concept of coercive force, limiting itself only to bringing information on the problems that concern it to the interested parties (for example, the Munich Speech of Russian President Vladimir Putin). Moreover, Russia, creating at military system of retaliation, as an adequate response to the concept of global strike by Western countries, has shown a willingness to provide aid and assistance to the former Soviet republics, not only in the military aspect, but also in economic. Advanced countries should learn from this experience from Russia.

Key words: developed countries, concepts of preliminary force, Western Countries, Crimea, terrorist organizations, military technologies, armed forces, Russia.

*Формула будущих конфликтов:
«Запад против всех».*

(Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. — М.: Изд-во «АСТ», 2007)

В настоящее время в мире сложилась серьезная проблема, в результате которой развитию мировой экономики, взаимовыгодному сотрудничеству между странами мешают старые стереотипы мышления, основанные на методах запугивания более слабых, в военном и экономическом отношении, государств.

По окончании холодной войны большинство развитых стран мира приступили к реализации концепций, характерных для нового технологического уклада, таких как: «Комплексные сетевые возможности», «Сетецентрическая война», «Информационно-центрическая война»,

«Принудительная сила» и других [8]. Все указанные концепции в конечном итоге направлены на демонстрацию силы и угроз в адрес менее развитых государств и наций.

Лексика угроз издревле занимала существенное место в развитии ряда государств и империй. Своего апогея она достигла в период Второй мировой войны, когда Гитлер в его переговорах с чехами, поляками и англичанами использовал язык ультиматумов.

После завершения Второй мировой войны практику озвучивания угроз в адрес суверенных государств возобновил У. Чер-

чилль. Так, 5 марта 1946 года Уинстоном Черчиллем был преподнесен «подарок» своему другу по антигитлеровской коалиции И.В. Сталину в форме Фултонской речи. Речь была произнесена в Фултоне, на исторической родине Трумэна (в его присутствии), в Вестминстерском колледже, штат Миссури [1]. Впоследствии, И.В. Сталин скончается именно 5 марта 1953 года, ровно через семь лет. Напрашивается вопрос: «Это мистика или последствия перенесенного сильного стресса, нанесенного Сталину бывшим другом Уинстоном Черчиллем, пожелавшим уничтожить его и весь советский народ атомной бомбардировкой?»

У. Черчилль заявил, что Соединённые Штаты Америки достигли вершины мировой силы и было бы «преступным безумием» поделиться с другими странами секретом ядерной бомбы, которым пока владеют США, Англия и Канада [1]. Далее Черчилль заявил: «...Главным инструментом, который может в будущем предотвратить войну и оказать сопротивление любой тирании, является «братская ассоциация англоговорящих народов». Также было подчеркнуто, что Советский Союз является причиной «международных трудностей» [1]. В ходе речи Черчилль применил такие выражения, как: «железный занавес», «тень, опустившаяся на континент», «полицейские государства» и др. [1]. После атомной бомбардировки японских городов Хиросимы и Нагасаки Фултонская речь прозвучала, как реальная угроза применения ядерной силы по отношению к Советскому Союзу, т.е. бывшему союзнику США и Великобритании по антигитлеровской коалиции.

И.В. Сталин, в интервью газете «Правда» от 14 марта 1946 г., призвал Англию и США к сдержанности и поставил Черчилля в один ряд с Гитлером, обвинив его в расизме [2]. Таким образом, Фултонская речь Черчилля, его сравнение с Гитлером, а также свежие воспоминания всего прогрессивного человечества от произведенных США атомных бомбардировок вызвало эффект бумеранга. Практически все страны мира и все человечество стали воспринимать США и Англию как абсолютное зло. Сталин заявил, что Гитлер

для развязывания войны создал теорию расового превосходства немецкой нации, а господин Черчилль для оправдания войны создает расовую теорию превосходства англоязычных наций, как единственно полноценных, предназначенных для господства над остальными нациями мира [2].

Фултонская речь имела огромные последствия для всего мирового сообщества. По сути, она привела мир к холодной войне и развязала политику недоверия между государствами. Угрозы, озвученные в адрес Советского Союза в 1946 г. в Фултоне, и та ядерная бомба, которую заложил Черчилль в основу взаимоотношений государств, взамен политики мира и создания, провозглашенной ООН, имели для развития человечества катастрофические последствия.

Ответ Сталина не заставил себя долго ждать. В 1949 г. атомная бомба, созданная в СССР, была взорвана на Семипалатинском ядерном полигоне. Для человечества началась эра ядерного шантажа и ядерных противовесов, в которой все страны мира, как панацею спасения своих наций, стали лихорадочно искать пути создания собственных ядерных сил.

Угрозы, прозвучавшие по отношению к СССР в Фултонской речи, бумерангом вернулись в адрес США и Англии, когда Н.С. Хрущев озвучил знаменитое на весь мир выражение: «Я вам покажу Кузькину мать». Из истории известно, что США в 1961 г. разместили на территории Турции ракеты средней дальности, способные нести ядерное оружие (PGM-19 Jupiter). Они явились реальной угрозой для всей западной части Советского Союза. В ответ Н.С. Хрущев, в октябре 1962 г., установил на острове Куба аналогичные ракеты на расстоянии в 90 миль от США. Возникшее 16–28 октября 1962 г. крайне напряженное военное столкновение между Соединенными Штатами и Советским Союзом, известное как «Карибский кризис», поставило мир на грань ядерной войны.

Как известно, 35-й президент США Джон Кеннеди был убит в Далласе 22 ноября 1963 г. при загадочных обстоятельствах. Полагаем, что наряду со многими другими гипотезами этого убийства, потрясшего весь мир, следует рассматривать

и версию, связанную с созданием им ситуации по Карибскому кризису, когда две ядерные державы чуть не уничтожили все человечество. Пожалуй, это был первый в мировой практике случай, когда мир убедился, что использованные Джоном Кеннеди методы принудительной дипломатии не работают в отношении равного противника. В Карибском противостоянии не было победителей. Все оказались в роли проигравших. Советский Союз убрал ракеты с Кубы, а США из Турции. Кроме того, США отозвали намеченное вторжение на Кубу. Несмотря на то, что Карибский кризис наглядно продемонстрировал полную несостоятельность концепции предварительной силы по отношению к сильным государствам, до сих пор многочисленные эксперты предпринимают попытки по навязыванию политикам указанной концепции.

На современном этапе, наиболее масштабная реанимация концепции предварительной силы началась в 1999 г., с югославского кризиса или с ультиматума о нанесении странами НАТО воздушных ударов, выдвинутого Соединенными Штатами на переговорах в Рамбуйе по вопросу определения статуса Косово. Затем мир услышал ультиматум в адрес талибов по вопросу передачи Усамы бен Ладена, выдвинутый президентом США Джорджем Бушем. Через два года он же угрожал вторжением Саддаму Хусейну. В 2011 году риторику угроз подхватил президент США Барак Обама путем выдвигания ультиматума Муаммару Каддафи. В 2012 г. он приписал Башару Асаду использование химического оружия в Сирии и пригрозил военным вторжением со стороны США.

Через 55 лет после Карибского кризиса мы стали свидетелями Северокорейского ядерного кризиса 2017–2018 гг., когда Президент США Д. Трамп применил концепцию предварительной дипломатии по отношению к Северной Корее. В 2017 г. Северная Корея осуществила успешный запуск межконтинентальных баллистических ракет (МБР), способных доставить ядерные боеголовки до территории США, а также создала водородную бомбу. Президент США Д. Трамп в конце апреля 2017 года заявил, что «существует

шанс, что мы можем закончить большим, большим конфликтом с Северной Кореей» и развернул в Южной Корее противоракетный комплекс «ТНААД». Северная Корея ответила, что заставит США «заплатить цену за свое преступление». 1 сентября 2017 г. Президент России В.В. Путин был вынужден сделать официальное заявление, что ситуация между США и Северной Кореей «балансирует на грани крупномасштабного конфликта», и предложил решение проблемы регионов «путем прямого диалога с участием всех сторон, без предварительных условий». Своим заявлением он подчеркнул, что давление на КНДР — это «путь в никуда», и соответственно, дал понять конфликтующим сторонам, что ситуация обострилась до крайнего предела. К счастью для всего мира, конфликт закончился подписанием Мирного соглашения между Республикой Корея и КНДР, а также мирного договора с США. Северная Корея взяла на себя обязательство о прекращении с мая 2018 г. ядерных испытаний и улучшении отношений с Южной Кореей.

В настоящее время мы стали свидетелями выдвигания ультиматумов Соединенными Штатами в адрес Ирана, которые подкреплены конкретными действиями, а именно: убийством третьего человека в иерархии этой страны, командующего силами специального назначения «Кудс» — генерала Касема Сулеймани. Это первый в мире случай убийства государственного руководителя суверенного государства, в условиях отсутствия между странами военных действий, по приказу лидера другого государства. Фактически — это объявление войны. Ответная реакция со стороны Ирана уже последовала в форме обещаний Верховного лидера этой страны Али Хаменеи отомстить США за убийство Сулеймани и бомбардировки ими американской военной базы в Ираке.

Мы являемся свидетелями того, что мир вступает в фазу неопределенности в развитии политических отношений, выработанных ООН. В связи с этим, велика опасность, что указанные действия могут превратиться в обыденную практику в решении международных отношений. Анализ применения практики концеп-

ции предварительной силы, как в случаях с Карибским кризисом, Северокорейским кризисом, а также с современными политическими кризисами, демонстрирует ее несостоятельность.

О том, что практика выдачи ультиматумов на уровне государств пришла в упадок и не выдерживает никакой критики, утверждают и ряд американских экспертов. Так, в своих исследованиях американец Роберт Арт утверждает: «...принудительная дипломатия терпит неудачу чаще, чем успешна». Он считает, что за последние годы применение США концепции принудительной силы было успешным лишь в 20% случаев [3–5].

Правовая оценка методов принудительной дипломатии занимает промежуточное положение между правом и этическими нормами, которые у каждой нации имеют свои особенности. К примеру, в древней Руси существовал благородный этический кодекс у князей, когда перед войной передавались слова угроз: «Иду на Вы». Князь, получивший такую угрозу, мог выбрать одно из двух: либо принять бой и сразиться с противником, либо подчиниться без боя. Такая традиция позволяла сберечь население.

В современном международном публичном праве рассмотрение угроз осуществляется в законах, регламентирующих использование вооруженных сил. При угрозах в адрес суверена в качестве основы юридического обсуждения возникших разногласий могут выступать договоры о ненападении. Так, Венская конвенция 1969 года предполагает процедуру аннулирования договоров, если имеет место факт их подписания под принуждением.

В Уставе ООН (статья 2(4)) отмечено, что «...все члены должны воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения против территориальной целостности или политической независимости любого государства». Из этой формулировки прецедента следует, что угроза нападения и использование вооруженной силы одинаково запрещены международным правом. Однако угрозы не причиняют прямого вреда либо материального ущерба. Порой они становятся началом прямых переговоров и компромиссов,

способных предотвратить масштабную войну. Поэтому они чаще рассматриваются с позиций этических норм и правил. При этом, международные этические нормы оперируют понятиями теории справедливой войны, которой признается война, ведущаяся для защиты своей страны. Вместе с тем, в мире чаще возникают ситуации, когда угрозы исходят от государств, входящих в ядерный клуб, по отношению к странам, не обладающим ядерным оружием, прежде всего от США. На наш взгляд, такие угрозы не могут считаться безобидными, а тем более находящимися в плоскости этических норм и правил. Международное право должно подходить к оценке такого рода угроз с более жестких позиций, так как они являются питательной средой для зарождения террористических организаций, действия которых приводят к гибели мирного населения. В этой связи, уместно вспомнить нападение террористической организации «Аль-Каида» 11 сентября 2001 года на США.

В настоящее время Соединенные Штаты имеют абсолютное превосходство в мире в информационных системах, обладают беспрецедентными возможностями по перехвату незаконных грузов, эффективной работе в киберпространстве, проведению разведывательных операций и др. Тем не менее, им необходимо разумно использовать созданные инструменты принуждения. Демонстрация силы сильной державой в отношении другой сильной державы, когда она заранее не выполнима (пример — Крым) возбуждает желание у террористических организаций искать военные технологии большой разрушительной силы, что делает мир хрупким и незащищенным. Ныне на смену англоязычной гегемонии в мире выдвигается китайская, которая, не используя концепцию предупредительных угроз, предпочитает действовать в одиночку и только в своих интересах [5].

Россия, освободившаяся от социальных обязательств по отношению к населению ряда бывших союзных республик, демонстрирует всем странам невиданные темпы развития своих вооруженных сил, где отдельные образцы ядерных вооружений не имеют аналогов в мире [6; 7]. Тем

не менее, Россия, обладая невиданной мощью в развитии своих вооруженных сил, не использует концепцию принудительной силы, ограничиваясь лишь доведением информации по проблемам, которые ее беспокоят, до заинтересованных сторон (пример — Мюнхенская речь Президента России В.В. Путина). Более того, Россия, создав у себя военные системы возмездия, как адекватный ответ концепции глобального удара стран Запада, демонстрирует готовность оказывать помощь и содействие бывшим союзным республикам не только в военной составляющей, но и в экономической. По нашему мнению, передовые страны должны учиться этому опыту у России.

Список литературы

1. *Злобин В.* Известные американские архивные материалы о выступлении У. Черчилля 5 марта 1946 г. // Новая и новейшая история. — 2000. — № 2.
2. Интервью И.В. Сталина корреспонденту газеты «Правда» от 14 марта 1946 г. // Журнал «Источник». — 1998. — № 1 (32).
3. *Арт Р.Дж., Кронин П.М.* Соединенные Штаты и принудительная дипломатия. Институт печати мира США, Вашингтон, округ Колумбия, 2003 г.
4. *Леви Дж.С.* Сдерживание и принудительная дипломатия: вклад Александра Георгия // Архив на Wayback Machine. 20.07.2011.
5. *Jakobsen.* «Принудительная дипломатия»: Исследования современной безопасности. — Оксфорд: Издательство Оксфордского университета.
6. *Veselovsky M.Y., Pogodina T.V., Idilov I.I., Askhabov R.Y., Abdulkadyrova M.A.* Development of Financial and Economic Instruments for the Formation and Management of Innovation Clusters in the Region // Mediterranean Journal of Social Sciences. — 2015. — Vol. 6. — No 3. — P. 116–123.
7. Modern aspects of the development of internet-economy in Russia [Text] / Y.V. Gnezdova, Y.A. Chernyavskaya, L.N. Rubtsova, N.F. Soldatova, I.I. Idilov // Journal of Internet Banking and Commerce. — 2016. — Vol. 21. — No SPEC. ISSUE.
8. *Латыпов Р.М.* Аспекты информационного противоборства. — М.: Внешторгиздат, 2015.

УДК 37.014

А.М. Кондаков,

член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор,
генеральный директор ООО «Мобильное электронное образование»;
научный руководитель ИРЦО МПГУ,
руководитель экспертной группы «Методология развития образования
в целях подготовки кадров для цифровой экономики»,
ФП «Кадры для цифровой экономики»,
НП «Цифровая экономика Российской Федерации», Москва

И.С. Сергеев,

доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник,
Научно-исследовательский центр профессионального образования и систем квалификаций
ФИРО РАНХиГС, Москва

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

А.М. Kondakov,

Corresponding member of the Russian Academy of education,
Doctor in Pedagogical Sciences, Professor,
General Director of Mobile e-education;
research Director of the Institute for digital education development
of Moscow state pedagogical University,
head of the expert group “Methodology of education development for training personnel for the
digital economy” of the Federal project “Personnel for the digital economy”,
National project “Digital economy of the Russian Federation”, Moscow
E-mail: Alex.m.kondakov@gmail.com

I.S. Sergeev,

Doctor in Pedagogical Sciences, leading researcher,
Research center for professional education and qualification systems of the Federal Institute for
education development, RANEPА, Moscow
E-mail: sergeev-is@ranepa.ru

DIGITAL TRANSFORMATION OF EDUCATION IN THE RUSSIAN POLITICAL SYSTEM

Аннотация. С 2016 г. в Российской Федерации реализуется Приоритетный проект в области образования «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации», при этом с начала 2020 г. объявлено о начале «эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды». В статье охарактеризованы два возможных пути цифровой трансформации образования — комплексная (глубинная) и инструментальная модернизация. Обоснованы преимущества комплексной модернизации, предполагающей конвергенцию технико-технологических и социально-гуманитарных аспектов цифровой трансформации. В связи с этим показано, что предпочтительно использование термина «сетевая образовательная среда», которая представляет собой не просто набор цифровых ресурсов и сервисов, сколько конвергентную социокультурную среду развития личности обучающегося в разнообразии форм и видов деятельности. Представлены методологические подходы, принципы, направления работ по формированию сетевой образовательной среды в системе общего образования.

Ключевые слова. Общее образование, цифровая образовательная среда, конвергенция, сетевое общество, цифровая дидактика.

Abstract. Since 2016, the Priority project in the field of education “Modern digital educational environment in the Russian Federation” has been implemented in the Russian Federation. At the end of 2020, the beginning of the “experiment on the introduction of a digital educational environment” was announced. The article describes two possible ways of digital transformation of education—complex (deep) and instrumental modernization. The advantages of a comprehensive modernization involving the convergence of technical, technological and socio-humanitarian aspects of digital transformation

are substantiated. In this regard, it is shown that it is preferable to use the term «network educational environment», which is not just a set of digital resources and services, but rather a convergent socio-cultural environment for the development of the student's personality in a variety of forms and types of activities. Methodological approaches, principles, and directions of work on the formation of a network educational environment in the general education system are presented.

Key words. General education, digital educational environment, convergence, network society, digital didactics.

Научная рефлексия изменений, происходящих в условиях переживаемой человечеством цифровой революции, существенно затруднена в силу динамично меняющегося технико-технологического контекста. Новых цифровых средств уже так много, что под большинство из них ещё не придуманы адекватные жизненные или образовательные задачи, которые они могли бы решать. Тем не менее, для понимания тенденций, задач и перспективных направлений развития образования необходимо хотя бы в самых общих чертах охарактеризовать специфику современной информационной революции.

Во-первых, к традиционной цепочке «сбор — накопление и хранение — обработка и распространение информации», в условиях взрывного роста ее объемов и высокой динамики изменений, добавляется новый массовый запрос, связанный с созданием новой информации как основной ценности и стоимости современной экономики. Это существенно меняет расстановку сил в системе «человек — информация». Как отмечают современные исследователи, роль человека в пространстве сетевых коммуникаций на протяжении последних двух десятилетий становится принципиально иной. Если в первые годы существования Интернета массовый пользователь был только потребителем информации, поставляемой сетевым пространством, то сейчас он является её активным производителем (В.М. Малкин [1]). Соответственно, эта новая роль человека имеет своим «фокусом» развитие мышления — с одной стороны, творческого, с другой — критического, что задает качественно новые требования к ожидаемым результатам образования со стороны рынка труда.

Во-вторых, благодаря Интернету формируется и уже во многом сформировался сетевой характер жизни и деятельности человека, определяющий мобильность,

гибкость и адаптивность как ключевые характеристики новой социальной общности. Эта общность адаптирована к жизни в условиях неопределенности и стремительных изменений, поддерживает ценности личной уникальности, разнообразия и вариативности, обладает креативностью, открытостью, высокой мобильностью. Перечисленные характеристики иногда относят к поколению «цифровых аборигенов», но на практике сетевая общность значительно шире, включая в себя и значительную часть «доцифрового» поколения, более или менее успешно адаптировавшуюся к жизни в сетевой среде.

В-третьих, одним из порождений современной информационной революции, снимающей многие ранее непреодолимые барьеры, выступает новый принцип организации науки, производства и образования. В данном случае речь идёт о снятии междисциплинарных, межнаучных, межотраслевых барьеров, что вызывает сдвиг от узкой специализации науки, экономики, образования к их *конвергенции* на основе информационно-коммуникационных технологий.

Конвергенция, в общем случае, определяется как сближение свойств, появление сходных признаков у независимых друг от друга явлений. Нами была предпринята попытка осмысления [2] построения конвергентной образовательной среды как принципиально новой модели образования. При этом были рассмотрены такие аспекты процесса конвергенции, как сближение и взаимопроникновение мира живой и неживой природы, развитие междисциплинарных и трансдисциплинарных подходов в развитии науки и технологии, конвергенция на уровне мировоззрений и образов жизни. Множество конкретных примеров конвергенции демонстрируют, что объекты, процессы, пространства реальности, ранее находившиеся в отноше-

ниях отчуждённости или антагонизма, переживают этап сближения, слияния, в ряде случаев — вплоть до полной неразличимости. Общесетеводологический анализ процессов конвергенции и эскизного проекта конвергентной образовательной среды нам предстоит конкретизировать на примере сетевой (цифровой) образовательной среды.

Итак, современная (пятая) информационная революция ознаменовала новую эпоху развития человеческой цивилизации. Принципиально важным для нас представляется тот момент, что она выступает при этом глобальной рамкой процесса *цифровой трансформации образования*.

Цифровая трансформация системы образования — процесс, который развивается под влиянием ряда конкретных факторов. Иногда эти факторы называют «вызовами эпохи», поскольку они представляют собой глобальные тенденции, наиболее ярко проявившие себя с начала XXI столетия и достаточно подробно описанные в различных источниках ([3–6]). В качестве факторов цифровой трансформации образования прежде всего следует обозначить:

- *развитие цифровых технологий*, каждая из которых, в той или иной степени, обладает собственным дидактическим потенциалом, что вызывает неизвестный ранее эффект «трансформации образовательных целей под влиянием цифровых средств»;
- *становление информационного общества и сетевой модели организации жизнедеятельности*, что меняет систему ценностей, мировоззрение, образ жизни и потребности на уровне отдельного человека, неформальных сообществ, социальных институтов [7];
- *появление и перспектива доминирования «цифрового поколения»*, представители которого обладают образовательно значимой спецификой в когнитивной, эмоционально-волевой, социальной сферах [8];
- *формирование цифровой экономики*, с её принципиально новыми требованиями к кадрам, их профессио-

нальным и общим компетенциям, а также новыми формами организации трудовой деятельности (работа в удалённом доступе, распределённые проектные команды, виртуальный офис, фриланс и пр.).

Наиболее значимым процессом, для понимания сущности цифровой трансформации образования в новом мире, выступает становление информационного общества, которое более верно было бы обозначить *сетевым обществом*. Сетевые коммуникативные технологии меняют устройство общества, образ жизни человека, его отношение к работе, досугу и потреблению. В сетевом обществе потребление становится осмысленным и персонализированным — потребитель участвует в производстве, настраивая товары и услуги под свои индивидуальные потребности и вкусы.

Базовыми образовательно значимыми характеристиками сетевого общества выступают:

- использование сетевых ресурсов Интернет как базового канала коммуникации, что позволило создать единую (глобальную) коммуникативную среду, в которой отсутствуют ранее существовавшие ограничения — пространственно-временные, межгосударственные, межкультурные, межпоколенческие;
- взаимодействие, конкуренция, смешение, слияние (конвергенция) пространств живой и виртуальной коммуникации, реальных и сетевых знакомых, «друзей», деловых партнёров, а также непосредственных и сетевых форм и механизмов получения образования;
- доминирование горизонтальных (равноправных) связей над вертикальными (иерархическими) во всех сферах коммуникации и взаимодействия, в том числе в образовании, что приводит к кардинальному изменению образовательных отношений;
- развитие личностно-центрированных тенденций в пространстве сетевых ресурсов, включая индивидуализацию образовательных услуг, развитие персонализированных сер-

висов, сообществ, объединяющих работу, творчество, коммуникации, досуг, образование, осознанное потребление в едином пространстве продуктивной и социально значимой самореализации личности.

На протяжении последнего пятилетия в качестве нормативной рамки цифровой трансформации российского образования выступает Приоритетный проект в области образования «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» (утвержден Правительством Российской Федерации 25 октября 2016 года в рамках реализации государственной программы «Развитие образования» на 2013–2020). К настоящему времени в научно-педагогическом и более широком общественном сознании процесс цифровой трансформации образования прочно ассоциируется с задачей формирования «цифровой образовательной среды». В конце 2020 г. эта задача была подкреплена принятием постановления Правительства РФ «О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды» (№ 2040 от 07.12.2020).

На наш взгляд, отождествление процессов цифровой трансформации образования и построения *цифровой образовательной среды* не вполне корректно и несёт с собой определённые риски. Прежде всего, понятие цифровой образовательной среды, определяемое через «электронные информационные и образовательные ресурсы и сервисы, цифровой образовательный контент, информационные и телекоммуникационные технологии, технологические средства» [9], которые обеспечивают освоение учащимися образовательных программ — носит во многих отношениях односторонний характер. Гуманитарный характер образования как особого социального института, и реализуемой в его рамках педагогической деятельности, требует во всех случаях учитывать человекоцентрированный характер цифровой образовательной среды, которая, с этой точки зрения, представляет собой не столько набор ресурсов и сервисов, сколько *сетевую среду воспитания, социализации, формирования идентичности, развития личности обучающегося, в разнообразии форм*

и видов деятельности транслирующую определённую систему объективных знаний, ценностей и норм.

На экзистенциальный, ценностно-смысловой, а не только организационно-инструментальный характер сетевой среды указывают многие современные исследователи. Так, П.Н. Ганский, называя её «виртуальным Интернет-пространством», определяет её как особенную коммуникативную среду, которая служит для удовлетворения потребностей и интересов субъектов, взаимодействующих в ее пределах. В этой среде, как отмечает исследователь, происходит активное конструирование социальной реальности со своими ценностями, правилами и нормами [10].

По сути, российское образование, двигаясь по пути цифровой трансформации, стоит перед привычной развилкой: осуществлять эту трансформацию в контексте инструментальной или системной (глубинной) модернизации?

В отечественной истории уже известны примеры инструментальной модернизации, наиболее характерный из которых относится к эпохе «построения социализма» и индустриализации советской экономики (20–30-е гг. прошлого столетия). Комплексный анализ этого исторического периода представлен в работе А.Г. Вишневого, который характеризует его как относительно быструю, но неглубокую технологическую модернизацию, которая не только не затронула ценностных основ традиционного общества, но и, более того, способствовала их консервации. Это был своеобразный компромисс между неготовностью большинства населения страны к быстрому принятию новой системы ценностей и образа жизни — и установкой большевистской власти на проведение модернизации революционным, а не эволюционным путем. Наиболее существенная издержка инструментальной модернизации, по мнению автора, состоит в том, что «материально-технологический прогресс превращается в самоцель, а человек рассматривался прежде всего как средство» [11, с. 75].

Аналогичный путь открывается перед российским образованием и в настоящее время. Инструментальная модернизация

предполагает сохранение системой образования традиционных ценностей, целей, принципов, содержания, способов организации образовательного процесса, ролей и функций педагога, при активном развитии и использовании цифровых ресурсов в качестве новых методических инструментов, сервисов и средств. К сожалению, именно на этот инструментальный путь модернизации косвенно указывает наименование всего проекта «цифровая образовательная среда»: образовательная среда, получившая в своё распоряжение новые цифровые средства, но сама так и не ставшая новой, сетевой, адекватной требованиям сетевой модели организации общества. В образовательной среде, модернизированной инструментальным путём, прежний учитель реализует прежние цели, используя всё то же содержание образования, лишь книга и указка в его руках меняются сначала на слайд-фильм Power Point и лазерную указку, а затем — на веб-камеру, ведущую видеурок на платформе ZOOM, и мобильное приложение Kahoot для проведения экспресс-опросов в игровом формате.

Неизбежный результат инструментальной цифровизации образования (как и любой инструментальной модернизации) состоит в том, что проблемы и противоречия не разрешаются, а загоняются вглубь. В данном конкретном случае это такие риски, как:

- достижение критических противоречий между заданными результатами образования (ограниченными системой представлений, выработанных на протяжении предыдущих эпох) и объективными требованиями к эффективной жизнестойкости личности в меняющемся мире;
- неподготовленность основной части выпускников (не освоивших личностно-развивающий потенциал таких локальных образовательных практик, как кружки НТИ, «Кванториумов», «Сириуса», WorldSkills) к работе с передовыми, постоянно обновляющимися технологиями, снижение глобальной конкурентоспособности российской экономики, падение уровня жизни, отток насе-

ления с замещением его трудовыми мигрантами;

- обострение противоречий между «доцифровым» и «цифровым» поколениями, дезадаптация «доцифровых» обучающихся в традиционном образовательном процессе;
- дальнейшая маргинализация образования на основе «длинных программ», школы как социального института, педагогической профессии в социальном пространстве сетевого общества.

Другой путь цифровой трансформации образования, альтернативный инструментальной модернизации, позволит в перспективе снять обозначенные противоречия. Этот путь — системная (глубинная) модернизация, в основе которой — приведение ценностей, целей, принципов, содержания образования в соответствие с требованиями цифровой экономики и информационного общества. На этой базе осуществляется кардинальная трансформация способов организации образовательного процесса, ролей и функций педагога, на основе развития сетевой образовательной среды. Результат — построение такой модели образования, контуры которой давно обсуждаются в научно-педагогическом сообществе. К его хорошо известным характеристикам: личностно-центрированное, персонализированное, проектно-деятельностное, открытое, — мы добавляем: конвергентное, основанное на слиянии пространств общего, дополнительного и профессионального образования; подлинной, виртуальной и дополненной реальности [2].

Выбирая системный, а не инструментальный путь цифровой трансформации образования, мы полагаем необходимым снабдить этот выбор подходящим маркером, заменив термин «цифровая образовательная среда» иным, смещающим акцент с технико-технологических на социально-гуманитарные аспекты данного феномена, а именно — *сетевая образовательная среда*. (Далее в рамках данной статьи будет использоваться термин «сетевая (цифровая) образовательная среда», С(Ц)ОС, отражающий конвергенцию социально-гуманитарных и инструментально-технологических аспектов данного феномена).

Изменение на уровне термина должно найти отражение и на уровне значения соответствующего понятия. Принятое в нормативных документах представление о «цифровой образовательной среде как о «совокупности условий для реализации образовательных программ... обеспечивающей освоение учащимися образовательных программ в полном объёме независимо от места их проживания» [9] необходимо дополнить пониманием смежного круга *организационно-педагогических* задач, связанных с научно-методологическим и методическим оснащением *трансформации образовательного процесса* в условиях внедрения С(Ц)ОС. Последнее предполагает, прежде всего, изменение способов организации образовательной деятельности всех участников образовательных отношений.

Неполноценность понимания цифровой образовательной среды только как «совокупности условий» (Постановление Правительства РФ от 7 декабря 2020 г. № 2040 «О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды») можно проиллюстрировать на примере решения задачи *доступности образования*. Эта задача отмечена в приведённом документе, в контексте обеспечения доступности общеобразовательных программ для всех обучающихся, независимо от места их проживания. Однако такая организационно-техническая доступность всё же не способна обеспечить равных возможностей обучающихся в освоении соответствующих образовательных программ, если они (а также их педагоги) будут иметь разную степень подготовленности к образовательной деятельности в С(Ц)ОС, использовать различные (более или менее эффективные) стратегии учения и методики преподавания в С(Ц)ОС. Аналогичным образом, и другой значимый приоритет *информационной безопасности* имеет не только информационно-технологическую (организационно-техническую) составляющую, связанную с организацией защиты персональных данных, но и организационно-педагогическую, предполагающую выработку определённых безопасных правил поведения в С(Ц)ОС участников образовательных отношений и освоения ими этих правил.

Ещё один ракурс рассмотрения С(Ц)ОС состоит в том, что цифровая образовательная среда представляет собой конвергентную среду развития личности человека, *единую для всех уровней и типов образования и для различных классов образовательных задач*. Такой подход означает, во-первых, возможность более глубокой интеграции задач основного и дополнительного образования, что обеспечивает согласованное достижение предметных, метапредметных и личностных результатов общего образования. Педагогический потенциал С(Ц)ОС должен использоваться для решения задач не только обучения, но и воспитания (духовно-нравственного, гражданско-патриотического, экологического, трудового и др.), развития личности обучающихся, их социально-профессионального самоопределения. Во-вторых, значимым направлением формирования, развития и использования С(Ц)ОС становится создание подсистемы, обеспечивающей непрерывное профессиональное развитие педагогов на основе специализированной профессиональной социальной сети и технологии «социального обучения» (обмен профессиональной информацией и опытом, с участием внешних экспертов, и совместное создание контента внутри социальной сети).

Осмысление в комплексе всех обозначенных вызовов, проблем и задач требует опережающей разработки *комплексной методологии проектирования образования в контексте цифровой трансформации*, опирающейся на следующие базовые положения.

1. На различных уровнях проектирования образования используются различные методологические подходы:

- на уровне исследования социально-экономических отношений как метасистемы, в пространстве которой функционирует и развивается система образования — *цивилизационный подход*, предполагающий исследование состояния и возможностей развития российского общества с позиций качественных, системных и взаимосвязанных изменений в его экономической основе, социокультурной среде, духовной

культуре народа; *культурно-исторический подход*, основанный на изучении роли культурных феноменов в развитии высших проявлений человеческой личности; *социальный конструктивизм*, рассматривающий процессы конструирования социально-культурной реальности в человеческой деятельности; различные методы научного анализа (экономический, сетевой);

- на уровне проектирования образования — *компетентностный подход*, в рамках которого проектирование результатов и содержания образования, образовательного процесса осуществляется исходя из необходимости формирования у обучающегося опыта самостоятельного решения различных типов задач за пределами образования;
- на уровне построения деятельности участников образовательных отношений — *методология исследования деятельности*, включая деятельностный и системно-деятельностный подходы, а также анализ ценностных оснований деятельности и функциональный анализ деятельности.

2. Методология проектирования образования в контексте цифровой трансформации должна отвечать следующим рамочным требованиям:

- опора на систему базовых национальных ценностей российского гражданского общества, норм и правил, регулирующих жизнедеятельность человека и социальных групп в контексте цифровой экономики и информационного общества, этики поведения в сетевой среде («цифрового этикета» [12]), а также требований информационной безопасности всех участников образовательного процесса;
- учёт приоритетов, заявленных в федеральных документах стратегического планирования, а также уроков пандемического периода;
- использование дидактического потенциала цифровых образовательных технологий, сервисов и ресур-

сов, С(Ц)ОС в целом для повышения педагогической результативности образовательного процесса и достижения качественно новых образовательных результатов, адекватных потребностям цифровой экономики и информационного общества;

- учёт специфики процессов обучения, педагогического сопровождения личностного развития и социально-профессионального самоопределения обучающихся на основе образовательно значимой деятельности в С(Ц)ОС.

3. Процесс цифровой трансформации системы общего образования должен рассматриваться в общем контексте модернизации системы образования Российской Федерации, как *комплексный процесс встречной трансформации цифровых и педагогических технологий*. Цель трансформации образовательного процесса — создание гибкой и адаптивной образовательной системы, отвечающей запросам цифровой экономики, интересам всех участников образовательных отношений и обеспечивающей максимально полное использование дидактического потенциала цифровых технологий. Цель трансформации цифровых технологий — их адаптация для максимально эффективного решения поставленных педагогических задач [13, с. 8].

4. Логика взаимной трансформации цифровых и педагогических технологий требует тесного многоэтапного взаимодействия разработчиков различных элементов С(Ц)ОС, платформ и сервисов, с их пользователями — участниками образовательных отношений. При этом должны быть пройдены, в несколько итераций, следующие шаги:

- 1) практическая апробация и экспертное тестирование разработанных элементов С(Ц)ОС (а также анализ других цифровых технологий, см. далее) представителями образовательной сферы с целью выявления их актуального и перспективного дидактического потенциала;
- 2) трансформация образовательных задач, модернизация имеющихся и разработка новых педагогических технологий на основе выявленных

- дидактических возможностей С(Ц)ОС и цифровых технологий;
- 3) выявление дефицитов, не обеспеченных средствами С(Ц)ОС;
 - 4) формирование, на этой основе, технического задания для доработки и развития С(Ц)ОС;

- 5) модернизация С(Ц)ОС на основе полученного технического задания;
- 6) периодическое повторение цикла 1) — 5), по мере развития цифровых технологий и образовательного заказа со стороны цифровой экономики и сетевого общества.

Рис. 1. Разработка «цифровой (сетевой) дидактики»

в процессе конвергентного взаимодействия цифровых и педагогических технологий¹

Рис. 1 показывает, что цифровая трансформация образования представляет собой конвергентное сплетение двух стратегических линий развития:

- 1) разработка, адаптация и использование цифровых технологий и продуктов, ресурсов и сервисов для образования (т.е. формирование «цифровой образовательной среды», в том смысле, в каком она понимается в утверждённых нормативных документах);
- 2) разработка, адаптация и использование педагогических технологий и средств, адекватных условиям цифровой экономики и информационного общества, и соответствующая трансформация образовательного процесса (т.е. формирование сетевой образовательной среды).

Ещё раз подчеркнём, что используемый нами термин «сетевая (цифровая) образовательная среда» отражает конвергенцию, слияние двух обозначенных стратегических линий.

5. Базовым методологическим принципом проектирования образования в контексте цифровой трансформации, определяющим: а) генеральное направление влияния С(Ц)ОС на трансформацию образовательного процесса и образовательной деятельности и б) способ использования С(Ц)ОС для достижения образовательных результатов, — является *принцип конвергентности*, требующий учитывать процессы конвергенции (сближения, взаимопроникновения, интеграции, вплоть до полного слияния). Принцип конвергентности проявляется на уровнях:

— *ожидаемых результатов и содержания образования* (конвергенция наук, технологий и видов профессиональной деятельности кардинально меняет традиционное содержание дидактического принципа научности и диктует переход от предметно-дисциплинарной модели содержания образования к иным моделям — меж- и трансдисциплинарным, интегративно-про-

¹ Название «Цифровая (сетевая) дидактика» имеет условный характер и подразумевает адаптацию классической дидактики к новым вызовам.

- блемным, проблемным, персонализированным);
- *инструментов организации образовательной деятельности* (конвергенция цифровых и педагогических технологий, слияние которых приводит к появлению конвергентного образовательного инструмента — цифровых образовательных технологий (edtech). На наших глазах цифровые (информационно-коммуникационные) и педагогические технологии приспосабливаются друг к другу, обмениваются своими составными частями, сближаются, сливаются в отдельных случаях вплоть до полной неразличимости);
- *образовательной среды* (конвергенция различных типов образовательных сред и средств обучения — электронного и контактного обучения; виртуальной, дополненной и «обычной» реальности и т.д.);
- *конвергентных технологических решений* (искусственный интеллект как третий субъект образовательного процесса, выступающий помощ-

- ником педагога и обучающегося в учении, саморазвитии и самоопределении);
- *нормативного регулирования образования* (конвергенция нормативной модели сетевой (цифровой) образовательной среды и Федеральных образовательных стандартов, с перспективой сращивания их в единый нормативно-регулирующий инструмент управления качеством образования).

Некоторые значимые аспекты конвергенции в процессе цифровой трансформации образования представлены на рис. 2. Отказ от конвергенции или недостаточное понимание её значимости неизбежно приводит к противопоставлению технико-технологических и социально-гуманитарных составляющих процесса цифровой трансформации образования. Следствиями такого подхода становятся акцент на ограничениях и рисках, распространение алармистских и ограничительных настроений, в итоге — отказ от глубинной модернизации в пользу инструментальной, на что мы уже указывали выше в данной статье.

Рис. 2. Конвергенция в процессе цифровой трансформации образования

6. Образовательный процесс, ориентированный на полноценное использование потенциала С(Ц)ОС, должен также опираться на следующий комплекс принципов.

Доступность освоения образовательных программ в полном объёме независимо от места проживания (в том числе для особых категорий обучающихся).

Персонализация как возможность постановки обучающимся, с учётом степени его зрелости и самостоятельности, собственных учебных целей и проектирования индивидуального образовательного маршрута.

Научность, понимаемая в контексте метапредметности, междисциплинарности и трансдисциплинарности.

Избыточность и структурированность С(Ц)ОС, требующей наличия такого количества упорядоченных цифровых образовательных средств, ресурсов и сервисов, а также разноуровневых элементов учебного содержания, которые позволяли бы выстраивать широкий вариативный спектр индивидуальных образовательных маршрутов.

Модульность, требующая построения единиц содержания образования как относительно автономных, внутренне целостных модулей, нацеленных на достижение конкретных образовательных результатов.

Практикоориентированность как настройка целей, содержания, технологий, методов и средств профессионального образования и обучения на задачи сопровождения самоопределения обучающегося, его подготовки к жизни в условиях высокой динамики изменений и неопределённости, повышения его жизнестойкости.

Целенаправленность и целесообразность, что предполагает первичность постановки педагогических целей, для достижения которых отбираются и используются адекватные цифровые средства, а также освобождение педагога и обучающихся от рутинных процессов путём их автоматизации.

Гибкость и адаптивность (индивидуализация), как настройка (кастомизация) цифровых образовательных средств на индивидуальные особенности обучающегося.

Успешность в обучении, принцип, требующий обеспечить полное усвоение заданных результатов обучения с использованием дидактического потенциала цифровых средств (таких, как индивидуализированная учебная поддержка со стороны «цифрового помощника», гибкий выбор уровня сложности, количества учебных закреплений и др.).

Личностная (субъектная) направленность, предполагающая педагогически управляемое накопление и осмысление лично значимого опыта деятельности обучающегося в С(Ц)ОС.

Учебная самостоятельность — фокусировка образовательного процесса на процессе учения (деятельности учащегося в С(Ц)ОС), обеспеченная целенаправленным формированием его готовности к самостоятельной образовательной деятельности в цифровой образовательной среде.

Совместная деятельность и продуктивное сотрудничество — построение учебного процесса в С(Ц)ОС на основе процесса активной многосторонней коммуникации, осуществляемой в разных формах (реальная, виртуально-сетевая) между обучающимися, педагогами и другими субъектами, вовлеченными в образовательный процесс (тьюторами, психологами, профконсультантами, экспертами в различных областях и т.д.).

Полиmodalность (мультимедийность) как использование в учебном процессе всех каналов восприятия (зрительного, слухового, моторного) и их комбинаций;

Кумулятивность (накопление учебных достижений) на основе цифрового портфолио (технология цифрового следа).

Включённое оценивание, требующее построения текущего оценивания как непрерывной, персонализированной диагностико-консультативной оценки учебной успешности, осуществляемой непосредственно в процессе учебной деятельности.

7. Развитие С(Ц)ОС на этапе эксперимента по её внедрению и на дальнейших этапах должно осуществляться на основе непрерывного комплексного осмысления дидактического потенциала новых и постоянно совершенствующихся цифровых технологий, а также конкретных способов

их использования для достижения педагогических целей и разрешения актуальных проблем образовательного процесса. В числе таких технологий следует обозначить следующие.

Искусственный интеллект (AI). Потенциал использования в рамках С(Ц)ОС: проектирование индивидуальных образовательных маршрутов и организация обучения по индивидуальному учебному плану; адаптивные системы обучения, автоматически настраивающиеся на индивидуальные учебные стратегии и другие особенности конкретного обучающегося; самообучающиеся электронные помощники (планировщики-организаторы, навигаторы, консультанты); индивидуализированное диагностико-консультирующее оценивание персональных образовательных результатов; верификация обучающихся в процессе онлайн-обучения, в том числе при удалённой сдаче ГИА; автоматизация рутинных процессов.

Виртуальная реальность (VR) и дополненная реальность (AR). Потенциал использования в рамках С(Ц)ОС представления удалённых, невидимых, микро- и макрообъектов и виртуального экспериментирования с ними; аудиовизуальная поддержка формирования умений и навыков; формирование навыков и компетенций, обеспечивающих результативные действия в различных квазипрактических, в том числе экстремальных ситуациях; создание мотивирующего игрового и реалистичного антуража на этапах освоения, закрепления и контроля учебного материала.

Цифровой след. Потенциал использования в рамках С(Ц)ОС: создание системы многоуровневого (в т.ч. персонализированного) образовательного мониторинга процессов обучения, социализации, профессионального самоопределения, динамики развития обучающегося в целом.

Управление большими объёмами данных (Big Data). Потенциал использования в рамках ЦОС: создание многоуровневого мониторинга результативности образовательного процесса как системы поддержки управленческих решений, прогнозирования учебной успешности обучающихся, персонализированных рекомендаций.

Блокчейн. Потенциал использования в рамках С(Ц)ОС: фиксация в накопительном режиме образовательных результатов, в том числе полученных при освоении сетевых образовательных программ.

Необходимо учитывать, что в образовательном процессе, находящемся на том или ином этапе цифровой трансформации, современные цифровые технологии используются не сами по себе, а в сочетании с современными (в том числе «цифророждёнными») педагогическими технологиями («перевернутый класс», сетевой учебный проект, виртуальная экскурсия и т.д.). Единство цифровых и педагогических технологий предстает в форме нового конвергентного феномена *цифровых образовательных технологий (edtech)*.

8. Итоговым результатом решения обозначенных методологических задач должна стать *разработка «цифровой (сетевой) дидактики»* как новой отрасли педагогики, научной дисциплины об организации процесса обучения в сетевой (цифровой) образовательной среде (см. также рис. 1). В настоящее время завершена разработка Педагогической концепции цифрового профессионального образования [13], разработка «общей цифровой дидактики», охватывающей все уровни и типы образования, предусмотренные законодательством Российской Федерации, остаётся актуальной задачей.

Дальнейшее проектирование сетевой образовательной среды в рамках процесса трансформации общего образования предполагает разворачивание работ в четырёх взаимосвязанных направлениях:

- 1) *уточнение структуры С(Ц)ОС*, включая детальную разработку места и функции цифровых подсистем, обеспечивающих автоматизацию обеспечивающих процессов — системы управления обучением (LMS), системы управления образовательным контентом (LCMS), системы образовательной аналитики (LAP), системы учета достижений обучающихся (LRP);
- 2) *совершенствование нормативно-правового регулирования* в целях обеспечения эффективного функционирования С(Ц)ОС (в том числе

внесение изменений в Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»), направленное на создание единой системы требований и признания результатов освоения образовательных программ, реализуемых с использованием возможностей С(Ц)ОС; определение образования не только как общественно, но и лично значимого блага; разработка новых нормативных моделей управления общим образованием в условиях использования С(Ц)ОС; формирование системы оценки качества различных образовательных продуктов, представленных в электронном виде и т.д.;

- 3) *уточнение организационно-технических и технологических требований к С(Ц)ОС*, в том числе к используемым техническим решениям и к персональной технической оснащённости участников образовательного процесса, реализуемого в С(Ц)ОС, а также совершенствование нормативного технического регулирования С(Ц)ОС;
- 4) *разработка комплекса организационно-педагогических, дидактических и организационно-методических требований к С(Ц)ОС*, а также к реализуемому в ней образовательному процессу.

Рассмотрим более детально последнее направление, отвечающее идее «цифровой дидактики» как конвергентной области научного знания, характеризующейся взаимным переносом научных идей дидактики, информатики, компьютерных и иных наук, предметом которой является организация образовательного процесса в условиях его цифровой трансформации и система организации деятельности его субъектов в сетевой образовательной среде.

В качестве первого шага выступает *разработка новой модели результатов образования*. Эти требования должны учитывать актуальные и перспективные потребности цифровой экономики в кадрах нового типа, способных решать новые классы профессиональных и надпрофессиональных задач на междисциплинарной

и трансдисциплинарной основе. Анализ актуального нормативного поля показывает, что внедрение С(Ц)ОС рассматривается как средство, призванное обеспечить достижение результатов в полном соответствии с действующими ФГОС начального общего, основного общего, среднего общего образования [9]. Однако по мере перехода к цифровой экономике и информационному обществу требования к результатам образования приобретают новый (конвергентный и одновременно динамичный) характер. При этом действующий формат ФГОС всё более ощущается как препятствие для развития образования, что делает неизбежным его кардинальный пересмотр в пределах среднесрочной перспективы. Кроме того, упускается из вида, что на определённом этапе цифровой трансформации образования, комплекс нормативных требований к построению С(Ц)ОС становится полным аналогом ФГОС, с утратой смысла последнего в качестве самостоятельного нормативно-регулирующего документа.

Ещё одна сопряжённая проблема состоит в том, что ожидаемые результаты образования упоминаются в различных нормативных документах и проектах в избыточно многообразных и разнородных контекстах (комплексы знаний, умений и навыков в рамках образовательных программ и учебных программ; различные и не сопоставимые друг с другом компетентностные модели выпускника; образы выпускника, представленные в воспитательном разрезе; перечни личностных качеств, подлежащих формированию и т.д.). При сохранении такого подхода окажутся неэффективными и, более того, невозможными ни интегральная оценка образовательных результатов, достигнутых с использованием С(Ц)ОС, ни их полноценное достижение. Более того, использование технологий искусственного интеллекта и управления большими данными, на фоне использования множества методологически несогласованных моделей ожидаемых образовательных результатов, может привести к непредсказуемым последствиям цифровой трансформации образования. Необходим переход к иному, системному, научно обоснованному представлению об ожидаемых образовательных результатах

в цифровой образовательной среде, в основу которого предлагается положить идею БМК — *базовой модели компетенций цифровой экономики*². Методологической основой БМК выступают, с одной стороны, общая теория деятельности (А.Н. Леонтьев [14]), с другой — компетентностный подход, разработанный трудами Д. МакКлеланда [15], Дж. Равена [16] и др. Структура и содержание БМК, а также возможные способы её использования для проектирования образовательных результатов, представляют собой обширную и сложную проблематику, которая должна стать предметом отдельной публикации.

БМК включает универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции и характеризует требования к результатам всех уровней образования. Это инструмент, обеспечивающий формирование и непрерывное обновление образовательного заказа социальной и экономической сферы. При этом необходимо учитывать, что значительную часть универсальных компетенций, а также основы некоторых общепрофессиональных компетенций необходимо формировать уже на различных этапах общего образования. Механизмы интеграции БМК и С(Ц)ОС, в настоящее время ещё не созданные, призваны обеспечить трансляцию образовательного заказа со стороны цифровой экономики в пространство заданных образовательных результатов начального общего, основного общего и среднего общего образования.

Вторым шагом в направлении проектирования образовательного процесса в условиях его цифровой трансформации должна стать *разработка требований к содержанию образования*. В нормативное поле эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды введено понятие «цифровой образовательный контент», определяемое как «материалы и средства обучения и воспитания, представленные в цифровом виде, включая информацион-

ные ресурсы..., а также средства, способствующие определению уровня знаний, умений, навыков, оценки компетенций и достижений учащихся, разрабатываемые и (или) предоставляемые поставщиками контента и образовательных сервисов для организации деятельности» в цифровой образовательной среде [9]. Синкретичность определения делает его малоприспособленным для решения организационно-педагогических, дидактических и организационно-методических задач в рамках цифровой трансформации образования. По нашему мнению, под «контентом» следует понимать исключительно ту составляющую С(Ц)ОС, которая соответствует известному дидактическому понятию «содержание образования». Содержание образования в рамках С(Ц)ОС определяется, с одной стороны, заданными результатами образования, с другой — комплексом принципов цифровой дидактики, диктующих способы отбора и структурного построения содержания.

С учетом сказанного, мы предлагаем следующее определение: *содержание образования* — информация, представленная в конвергентной образовательной среде в структурированной и дидактически адаптированной форме и выступающая основой для формирования и развития знаний, умений, навыков, компетенций, ценностей в соответствии с заданными требованиями к образовательным результатам и персональными образовательными потребностями обучающихся.

В целом, требования к содержанию образования, реализуемого с использованием возможностей С(Ц)ОС, должны отвечать принципам конвергентности, научности (метапредметности, междисциплинарности и трансдисциплинарности), избыточности и структурированности, модульности, практикоориентированности. При этом в содержании образования необходимо выделить:

— *ядро образования* — базовое конвергентное содержание образо-

² Базовая модель компетенций — нормативный документ, устанавливающий систему единых требований к формированию, непрерывному и преемственному наращиванию компетенций цифровой экономики в течение всей жизни человека (включая этапы освоения образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования). Необходимость разработки БМК установлена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

вания, отбор и формирование которого основаны на принципах междисциплинарности и трансдисциплинарности, практикоориентированности, социальной и личностной значимости, системы ценностей и этики, разнообразия форм и видов образовательной деятельности. Ядро образования должно обеспечивать комплексное моделирование процессов и явлений окружающего мира в совместной деятельности и продуктивном взаимодействии;

- *оболочки* — вариативное содержание образования, формирующееся вокруг ядра в процессе формирования индивидуальных образовательных маршрутов самим обучающимся при поддержке педагога (а в перспективе — и искусственного интеллекта).

Отдельную, чрезвычайно значимую и масштабную методологическую задачу представляет собой разработка новых подходов к выделению дидактических единиц и структурированию учебного содержания, представленного в электронной форме. Здесь, с одной стороны, может оказаться полезной идея блочно-модульного представления учебной информации (П. Юцявичене [17]), с другой — современная модель «микрообучения», в настоящее время активно разрабатываемая в секторе корпоративного образования и постепенно выходящая за его пределы [18].

Третий шаг — *разработка системы организации образовательного процесса*, реализуемого в С(Ц)ОС. Широкий комплекс задач, подлежащий решению в рамках данного шага, требует как минимум отдельной статьи, здесь же отметим лишь наиболее значимые направления научно-методологического и практического поиска. Необходима разработка:

- моделей образовательных организаций общего образования, реализующих образовательный процесс в С(Ц)ОС, которые, по нашему мнению, будут кардинальным образом

отличаться от сегодняшней модели средней общеобразовательной школы;

- нормативных описаний эффективных моделей организации дистанционного, смешанного и гибридного³ обучения с использованием возможностей С(Ц)ОС (для различных возрастных групп обучающихся, для особых категорий обучающихся, включая одарённых детей и подростков, часто болеющих обучающихся, обучающихся с ОВЗ; для решения различных классов образовательных задач; для различных ресурсных условий) и соответствующие методические рекомендации для руководителей образовательных организаций и для педагогов;
- модель построения персонализированного образовательного процесса на основе индивидуальных образовательных маршрутов и индивидуальных учебных планов обучающихся;
- комплекса дидактических требований к гибкой сетевой системе обучения⁴, использующей возможности искусственного интеллекта и обеспечивающей автоматизированную настройку образовательных сервисов на индивидуальные особенности обучающихся (в среднесрочной перспективе);
- системы многоуровневого мониторинга образовательных достижений обучающихся, обеспечивающей автоматизированное проведение независимых диагностик качества образования в общеобразовательных организациях, с использованием технологий искусственного интеллекта, цифрового следа и управления большими объёмами данных (в среднесрочной перспективе).

Четвёртый шаг — *разработка комплекса базовых требований к образовательным технологиям и методам обуче-*

³ Гибридное обучение – форма организации учебного процесса, предполагающее, что одна часть обучающихся присутствует на определённом учебном занятии очно, другая часть – онлайн.

⁴ В современной международной практике используется термин «адаптивная система обучения», под которой понимается система онлайн-обучения, обеспечивающая персонализированную подстройку образовательного процесса под особенности конкретного обучающегося [13, с. 95].

ния в условиях использования С(Ц)ОС. В частности, необходимо системное описание новых и существенно модернизированных («цифророждённых») педагогических технологий, использование которых опирается на возможности цифровой образовательной среды, включая их дидактическое назначение и способы работы с ними в образовательном процессе дистанционного, смешанного, гибридного типа. Особую группу составляют образовательные технологии, обеспечивающие новые способы работы с содержанием образования, в том числе созданным самими обучающимися в процессе проектной, исследовательской и иной деятельности, и соответствующие методические рекомендации.

Опыт реализации дистанционного обучения, накопленный в 2020 г. в условиях пандемического периода, показал, что одним из ключевых условий эффективности учебного процесса в С(Ц)ОС является наличие у обучающихся адекватной учебной мотивации. В связи с этим на первый план выходит задача, которая прежде ощущалась как второстепенная — выработка методов и приёмов управления учебной мотивацией обучающихся на различных этапах учебного процесса, в том числе в условиях использования дистанционных технологий, с использованием возможностей разнообразных цифровых средств, ресурсов и сервисов. Параллельная задача — поиск способов формирования учебной самостоятельности обучающегося как готовности самостоятельно, активно и эффективно использовать возможности С(Ц)ОС для своего обучения, развития, социально-профессионального самоопределения.

Пятый шаг — *уточнение подходов к организации процессов воспитания, сопровождения социализации и самоопределения личности обучающегося* в условиях С(Ц)ОС. Исходной точкой здесь должна стать, на наш взгляд, разработка научной характеристики образовательно значимых ценностей, регулирующих жизнедеятельность человека и социальных групп в контексте цифровой экономики и информационного общества, взаимодействие участников образовательных отношений, образовательную деятельность в цифровой среде. На этой основе возможна разработка

основных положений «цифровой этики», в том числе связанных с обеспечением информационной безопасности всех участников образовательного процесса, реализуемого в С(Ц)ОС.

Вместо популярного в определённой части педагогических кругов простого отрицания возможности «воспитания в Интернете», с гипертрофированным акцентом на ограничениях и рисках, представляется целесообразным масштабное исследование возможностей С(Ц)ОС для решения задач духовно-нравственного, патриотического, гражданского воспитания обучающихся, сопровождения процессов их личностного развития, социально-профессионального самоопределения, самоидентификации на основе образовательно значимой деятельности в сетевой образовательной среде.

В современном глобальном, конвергентном мире значимость задач, связанных с формированием и управлением идентичностью, существенно повышается. При этом нужно учитывать, что глобальный Интернет и развитие социальных сетей привели к появлению новой самоидентификации человека — «онлайновой» или сетевой идентичности. Современные исследователи рассматривают в качестве одной из функций социальных сетей идентификационную функцию. Она обеспечивает возможность формирования социального «Я», индивидуального «Я». При этом, отмечает автор, пространство социальных сетей, дает возможность экспериментировать с разыгрываемыми ролями и идентичностью, самоопределяться в этом процессе [19]. Таким образом, виртуальное сетевое пространство создает более широкое поле для построения собственной идентичности, чем физическая реальность, следовательно, сетевая коммуникация может иметь большой потенциал в раскрытии новых качеств личности человека. Индивид, вступающий в сетевую коммуникацию, имеет высокую степень свободы для конструирования собственного «Я», которое складывается из множества виртуальных образов. Здесь, безусловно, есть определённый риск, связанный с утратой собственной аутентичности. Однако ряд авторов указывает, что исполнение множества социальных ролей в сетевом пространстве не

всегда приводит к потере аутентичности, а напротив, помогает раскрыть глубинные стороны «Я» [20].

Таким образом, приоритетной задачей становится формирование модели педагогического сопровождения процессов сетевой социализации и сетевой идентификации детей и подростков, с учётом их возрастных, поколенческих и типологических особенностей (включая задачу формирования компетенции критического мышления, осмысления и оценки информации на основе нравственных и культурных ценностей, а также компетенции управления собственной сетевой самоидентификацией и репутацией).

Наконец, шестой шаг на пути проектирования образовательного процесса в С(Ц)ОС — *обновление подходов к организации процесса непрерывного профессионального образования педагогических и административных работников* системы общего образования в цифровой образовательной среде. Здесь, с одной стороны, должен быть сформирован новый образ профессиональной деятельности педагога, обеспечивающего эффективность процесса учения в С(Ц)ОС, например, в форме постоянно обновляемого «стандарта цифровых компетенций педагога» как аналога нынешнего профессионального стандарта учителя. С другой стороны, возможности С(Ц)ОС должны быть максимально использованы в процессе повышения квалификации педагогических кадров. Нам представляется, что лучшим решением стало бы создание специализированной профессиональной сети как особого элемента С(Ц)ОС, обеспечивающей взаимодействие педагогов с целью взаимного повышения квалификации и обмена актуальным опытом работы в ЦОС, с различными цифровыми ресурсами и сервисами. Подобная модель в настоящее время уже достаточно широко используется в корпоративном образовании, где получила название «we-learning» или «обучающейся организации» [21].

В качестве ключевого результата проектирования образования в контексте цифровой трансформации можно рассматривать построение такой сетевой (цифровой) образовательной среды, которая может полноценно выполнять роль *конвергент-*

ной социокультурной среды развития личности. Очевидно, что построение такой среды — длительный, многоэтапный и, по-видимому, открытый процесс, оценивая состояние которого, вряд ли можно будет когда-либо констатировать его «завершённость». В рамках данной статьи наше внимание было зафиксировано на первом этапе этого процесса и, кроме того, ограничено рамками общего образования. Как нам представляется (и в этом мы солидарны с многими известными прогнозами), на последующих этапах становления С(Ц)ОС существующие ныне пространства основного, профессионального, дополнительного образования будут стираться. С(Ц)ОС будет формироваться как новая социокультурная среда, объединяющая пространства реального и виртуального образовательно значимого взаимодействия и обладающая рядом характеристик:

- многовекторная, вариативная и разнообразная, информационно избыточная и тем самым обеспечивающая информационно-методическое сопровождение для любых адекватных образовательных запросов;
- мотивирующая к познанию, различным видам деятельности, инновациям, взаимодействию и сотрудничеству, самоорганизации, самоактуализации и саморефлексии, самообразованию, активной интеллектуальной деятельности;
- основанная на горизонтальных, равноправных отношениях участников, предполагающих взаимное уважение и сотрудничество всех категорий участников: обучающихся и обучающихся, начинающих, продвинутых и экспертов, «техников» и «гуманитариев» и т.д.;
- содействующая формированию системного самостоятельного, творческого, критического мышления в процессе решения различных, в том числе новых классов образовательных задач;
- обеспечивающая успешную самоидентификацию и социализацию в современной социальной среде — конвергентную (образовательную, социально-профессиональную

и личностную, жизненную и сетевую) успешность человека в меняющемся мире.

Подводя итоги, обобщим нашу позицию по отношению к процессу цифровой трансформации образования.

Понимание сетевой образовательной среды как среды обитания нового поколения «цифровых аборигенов» уже является общепризнанным. (Ср.: «общение современных школьников, несмотря на тот факт, что они по несколько часов в день проводят в школе, происходит в основном не в форме живого общения, а посредством глобальных сетей» [22, с. 135]). По нашему мнению, такая трактовка является верной, но далеко не полной. На протяжении последних веков люди неоднократно меняли среду своего обитания. В нашей стране те же процессы, в масштабах исторического времени, оказались уплотнены. На протяжении XX в. основная часть наших соотечественников, сохраняя основы своей национально-государственной идентификации, сменила сельскую среду обитания на коммунальную городскую, затем — на индивидуализированную городскую среду. Сетевое пространство Интернета — наша новая среда обитания, и мы уже перешагнули её порог.

Как реагировать образовательному обществу на эту новую данность?

Стратегии избегания, блокировки, запрета представляются нам непродуктивными. Не бояться новой среды обитания, а поступать с ней так, как всегда поступал человек, попадая в неизведанное пространство, как диктует ему его человеческое начало — обживать, облагораживать, одухотворять эту новую среду. Перед нами — достойная миссия педагогического сообщества в цифровом мире.

Список литературы

1. Малкин В.М. Виртуальная личность как объект и как субъект сетевых коммуникаций // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. — 2017. — № 2. — С. 112–117.
2. Кондаков А.М., Сергеев И.С. Образование в конвергентной среде: постановка проблемы // Педагогика. — 2020. — № 12.

3. Будущее образования: глобальная повестка: Доклад / Re-engineering futures / Оператор проекта: Skoltech. Сколковский институт науки и технологий. — М.: Skoltech, АСИ, 2014. — 56 с.
4. Ключевые тезисы концепции профессионального самоопределения в условиях постиндустриальной эпохи / В.И. Блинов, Е.Ю. Есенина, Н.Ф. Родичев и др.; науч. рук. И.С. Сергеев. — М.: Перо, 2019. — 20 с.
5. Образование для сложного общества: Доклад Global Education Futures / Под ред. П. Лукши, П. Рабиновича, А. Асмолова. — М., 2018. — 211 с.
6. Россия 2025: от кадров к талантам / The Boston Consulting Group; Сбербанк; В. Бутенко, К. Полуни, И. Котов, Е. Сычева, А. Степаненко и др. — 2017. — 69 с.
7. Кондаков А.М., Сергеев И.С. Базовые ценности российской цивилизации и их трансформация на этапе перехода к цифровому обществу // Педагогика. — 2020. — № 6. — С. 5–23.
8. Солдатова Г.У. Цифровое поколение, или главный гуманитарный вызов взрослым в XXI веке // Академический вестник Академии социального управления. — 2017. — № 3(25). — С. 3–6.
9. О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды: постановление Правительства РФ от 7 декабря 2020 г. № 2040.
10. Ганский П.Н. Интернет-пространство как особая коммуникационная среда и его влияние на современные общества // Теория и практика общественного развития. — 2015. — № 17. — С. 118–121.
11. Вишневецкий А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. — М.: ОГИ, 1998. — 432 с.
12. Культура сетевых коммуникаций и цифровая грамотность / Науч. ред. А.П. Глухов. — Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. — 106 с.
13. Педагогическая концепция цифрового профессионального образования и обучения: монография / В.И. Блинов, И.С. Сергеев, Е.Ю. Есенина, П.Н. Биленко, М.В. Дулинов, А.М. Кондаков; под науч. ред. В.И. Блинова. — М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2020. — 112 с.
14. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. — 2-е изд. — М.: Политиздат, 1977. — 304 с.
15. McClelland D.C. Testing for competence rather than for intelligence // American Psychologist. — 1973. — No. 28. — P. 1–14.

16. *Равен Д.* Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация. — М.: Когито-Центр, 2002. — 396 с.
17. *Юцявичене П.* Теория и практика модульного обучения. — Каунас: Швиеса, 1989. — 277 с.
18. *Золотухин С.А.* Микрообучение как центральная концепция электронного обучения // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2020. — № 4(56). — С. 246–250.
19. *Садыгова Т.С.* Социально-психологические функции социальных сетей // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. — 2012. — № 3(10). — С. 192–194.
20. *Богданова В.О., Александрова Л.Д.* Игры с идентичностью в мире сетевых коммуникаций // Социум и власть. — 2019. — № 6(80). — С. 39–45.
21. *Захарова О.А.* Развитие корпоративного обучения: от «e-Learning» до «we-Learning» // Образовательные технологии и общество (Educational technology & society). — 2013. — Т. 16. — № 2. — С. 529–546.
22. *Вачкова С.Н.* Особенности сетевых форм коммуникации современных школьников // Социальная психология и общество. — 2014. — Т. 5. — № 4. — С. 135–144.

УДК 327.83

В.А. Москаленко,

соискатель степени кандидата политических наук по специальности «23.00.04. Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития» при кафедре мировых политических процессов, МГИМО (У) МИД РФ, Москва

**РОЛЬ ТУРЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ВЕКТОРЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ С ПОЗИЦИЙ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКОГО СТАТУСА
И ОСОБЕННОСТЕЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ СТРАН**

V.A. Moskalenko,

applicant degree of candidate of political Sciences, specialty «23.00.04. Political problems of international relations, global and regional development» at the Department of world political processes, MGIMO (U) MID RF, Moscow
E-mail: moskalenkoolga@mail.ru

**THE ROLE OF TURKEY IN THE MODERN VECTOR OF INTERNATIONAL RELATIONS
IN CENTRAL ASIA FROM THE PERSPECTIVE OF POLITICAL STATUS ANALYSIS
AND THE PECULIARITIES OF THE FOREIGN POLICY CONCEPTS OF THE CENTRAL ASIAN COUNTRIES**

Аннотация. Привлекательность государств Центральной Азии для стран всего мира выражается в географии расположения, а также наличии большого количества ресурсов. Эту привлекательность усиливают для Турции мусульманский и тюркский аспекты. *Целью исследования* выступило выявление особенностей внешнеполитических концепций центральноазиатских стран и роль Турции в формировании этих концепций. В исследовании были поставлены и решены *задачи*: проанализировать политический статус центральноазиатских стран, выявить особенности внешнеполитических концепций центральноазиатских стран, показать роль Турции в формировании этих концепций. Методы исследования — документальное исследование печатных и электронных материалов, публичных записей (архивные источники), правительственные документы; личные наблюдения за социально-экономическими и политическими процессами, происходящими в ТР во время посещения (2010, 2012, 2018–2020), углубленные интервью, анализ бесед.

Результатами исследования выступают выявленные особенности внешнеполитических концепций центральноазиатских стран: самоидентификационная, особогеполитическая, природно-ресурсная, многовекторная, взаимозаинтересованная, монополитичная, позитивно-динамическая, регионализация международных отношений и усиление роли местных игроков во внешней политике и «гибридизации». Эти особенности активно использует Турция, которая с каждым годом наращивает свое присутствие в Центральноазиатском регионе. *Перспективами исследования* является анализ внешнеполитической деятельности Турецкой Республики по укреплению влияния в странах Центральной Азии.

Ключевые слова: Турция, страны Центральной Азии, политический статус, внешнеполитические концепции, международные отношения.

Abstract. The attractiveness of Central Asian states for the whole world lies in extensive resources availability as well as geographical location. Muslim and Turk aspects strengthen this attractiveness for Turkey. The purpose of the research was to reveal peculiarities of Central Asian foreign policy concepts and Turkey's impact on shaping them. The research set and solved such tasks as to analyze political status of Central Asian countries, to identify specifics of Central Asian foreign policy concepts and to show Turkey's role in shaping those concepts. Research methodologies are documentary study of printed and electronic materials, public sources (archival sources), government documents; personal observations of social-economic and political processes occurring in the Turkish Republic during visit (2010, 2012, 2018–2020), in-depth interview and conversation analyzes.

Research results are revealed specifics of Central Asian foreign policy concepts: self-identification, particularly geopolitical, natural-resource, multiple-vector, mutually interested, monopolistic, positive-dynamic, regionalization of international relations and strengthening role of local actors in foreign policy and “hybridization”. Turkey, which strengthens its presence in Central Asian region by every year, actively uses those specifics. Research perspectives are the analysis of foreign policy conducted by Turkey to strengthen influence in Central Asian countries.

Key words: Turkey, Central Asian countries, political status, foreign policy concepts, international relations.

В настоящий момент Центральная Азия (ЦА) с точки зрения своего географического положения и транспортного, энергетического, минерально-ресурсного потенциалов становится наиболее важным регионом с позиций безопасности, прежде всего, для России, а для стран мира — максимально привлекательным регионом для решения задач различного рода, во благо собственных интересов, которые часто противоречат внешнеполитическим целям России.

Традиционно Турция направляла свою «мягкую силу» на воспитание лояльных элит, которые ориентировались на выстраивание внешней политики с учетом активно развивающихся отношений с Турцией. Присутствует и экономический вектор внешней политики Турции: наличие большого количества объектов турецкого среднего и мелкого бизнеса, инвестиции в национальные предприятия, функционирующие в ЦА. Так же развиты методы укрепления культурно-гуманитарных связей — интенсификация обменов в образовательной сфере и создание образовательных учреждений, организация религиозных, культурных, спортивных мероприятий, развитие туризма.

Все это было опробовано представителями из политических и экономических кругов Турции в 90-х годах XX века — 10-х годах XXI века в странах ЦА (E. Efegil, P. Akçalı [14], K.H. Karpat [16], A. Şahin, M. Özçalık [18], S. Yılmaz[20]). Но с изменением ситуации в начале 20-х годов XXI века во всем мире — в результате пандемии, обострения международной ситуации из-за роста беженцев из стран Ближнего Востока и Африки, мирового экономического кризиса — все громче звучат из Турции призывы неоосманизма и пантюркизма [17; 19]. Это, в свою очередь, приводит к активизации турец-

ких политических и экономических элит в странах ЦА.

Особенно это заметно с позиций анализа политического статуса стран Центральной Азии.

До 1991 года по статье 70 Конституции СССР 1977 года [6] устанавливалось национальное и государственное устройство Союза, равенство всех союзных республик во главе с КПСС, которая играла руководящую и направляющую роль, выступала ядром политической системы СССР, а также закреплялось право республик Союза на свободный выход из состава СССР. Данное положение сыграло заметную роль в распаде СССР в 1991 году. Союзные республики подчинялись центру — политическим и государственным органам СССР, но при этом по Конституции СССР было реализовано федеративное устройство СССР, что и сохранило суверенные права союзных республик как субъектов СССР. Союзные республики имели конституционный статус (У.А. Садыков [11]).

Политический статус союзных республик возник после выхода этих республик из СССР в 1991 году и приобретения статуса независимого государства. Изменение политического статуса повлекло за собой формирование внешнеполитических концепций стран ЦА, которые, по мнению исследователей, имеют ряд особенностей.

Первая особенность — *самоидентификационная*, что выразилось в стремлении к самоидентификации, к разрыву с советским прошлым, обеспечению себе достойного места в международной политике (Е.Г. Гарбузарова [3, с. 13]). Это было продемонстрировано во внешней политике стран ЦА в 90-е годы XX века — перенос центра активного сотрудничества на другие страны мира, в первую очередь — США, страны Европы и Азии, а не с РФ, как правопреемницей СССР. Слабое со-

трудничество с РФ привело к значительному снижению уровня социально-экономического развития этих стран (по данным Всемирного банка и Международного Валютного фонда Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан (соответственно, 127, 148 и 157 из 185) [Цит. по 3, с. 31].

Вторая особенность внешнеполитических концепций стран ЦА — *наличие особого геополитического статуса и богатые природные ресурсы* (Е.Г. Гарбузарова [3, с. 13], П.П. Семенов-Тянь-Шанский [12, с. 145], Зб. Бжезинский [2, с. 150–151]). Занимая положение между Севером и Югом, Западом и Востоком, РФ и КНР, центральноазиатский регион выступает «мостом» между ними (Р.Б. Голден [15]), выполняя транзитную функцию (по выражению Х. Маккиндера, Хартленд (Heartland) [8, с. 144], а по мнению Н. Спайкмена, зона Римленд [9, с. 161; 5, с. 97]).

В качестве важного примера использования геополитического положения стран ЦА — это размещение военных объектов, в первую очередь авиационных баз (аэродромов) для дозаправки и обслуживания военного транспорта при перелетах в Афганистан и другие азиатские страны. Американские авиационные базы заработали в 2001 году в Узбекистане (Карши-Ханабад, закрыта в 2005 г.) и Киргизии (Бишкек, перепрофилирована в Центр транзитных перевозок в 2009 г. и закрыта в 2014 г.).

Эту особенность страны ЦА используют достаточно эффективно. Однако ни особое геополитическое положение, ни наличие больших запасов полезных ископаемых не позволили странам ЦА за последние тридцать лет стать экономически развитыми странами, так как удаленность Центральноазиатского региона от ведущих центров развития мировой экономики не была решена с помощью регионального транспортного сообщения внутри и вне региона.

Третья особенность внешнеполитических концепций стран ЦА — *многовекторность направлений внешней политики стран ЦА* — ориентация не только на тесные отношения с глобальными державами (США, страны ЕС, КНР, РФ), но и со странами-соседями — Афганистаном, Ираном, и другими странами — региональными

державами — Саудовской Аравией, Японией, ОАЭ, Катаром. Многовекторность внешней политики стран ЦА на протяжении 90-х годов XX века — десятых годов XXI века носила не всегда логичный и последовательный характер. При этом, только Казахстан на протяжении тридцати лет последовательно вел многовекторную внешнюю политику и достиг определенных результатов на этом пути. Узбекистан, как и Туркменистан, ориентируются на нейтральную, внеблоковую внешнюю политику. Таджикистан пытается поддерживать отношения одновременно с РФ, США и КНР, чего не смогла сделать Киргизия в 2005–2020 гг.

Четвертая особенность внешнеполитических концепций стран ЦА — *взаимная заинтересованность стран Центральной Азии и глобальных держав — США, КНР и РФ — в обеспечении стратегической безопасности и стабильности в этих странах как оплоте безопасности и стабильности всего региона*. Но глобальные державы при этом стремятся обеспечить лидирующие позиции в центральноазиатском регионе, включая борьбу за природные и геополитические ресурсы, транспортно-коммуникационные маршруты. Это объясняется нехваткой страны — лидера региона и межгосударственными спорами и несогласием по ряду региональных вопросов между странами ЦА.

Это связано с **пятой особенностью** внешнеполитических концепций стран ЦА — *монополитичность и наличие советского управленческого опыта лидеров стран ЦА* — первоначально на протяжении первых десяти–двадцати лет независимости этих государств их внешнюю политику формировали лидеры, которые состоялись как лидеры советских социалистических республик и имели большой опыт работы в советское время на разных уровнях партийно-административной работы. Это часто мешало договориться главам стран ЦА между собой по ряду региональных проблем и по вопросу поиска своей национальной идентичности, самостоятельности во внешнеполитической деятельности. Поэтому так велико тяготение стран ЦА к глобальным державам в силу их тотального превосходства — США, странам ЕС,

КНР, в последнее десятилетие — к РФ. Также страны ЦА пытаются найти сближение с исламским миром и, прежде всего, с Турцией в силу тюркской общности происхождения их языков, традиций и культуры (кроме Таджикистана). Но сближение с другими странами мира в рамках многовекторности внешней политики происходит достаточно медленно и робко — практически нет контактов со странами Юго-Восточной Азии, кроме КНР, Ближнего Востока (за редким исключением), Африки, Латинской Америки.

Шестая особенность внешнеполитических концепций стран ЦА — *реализация особого характера государственности стран ЦА во внешней политике стран ЦА* (И.Д. Звягельская [7, с. 4–5]). Главной характеристикой государственности в странах ЦА выступает *этнонационализм* как выражение национализма (С.Н. Абашин [1, с. 362]), при котором особое внимание придается национальному языку, древней истории народа, культуре. Этот вектор приобретает и решающее значение в политике элит страны, провозглашающих формирование идентичности народа через традиционные для данного народа ценности, что, в свою очередь, связано с религией, ведущей для этого региона — исламом, и консервативным сознанием, связанным с этноисторическими мифами (С.А. Панарин [10, с. 25]).

В развитии государственности стран ЦА большое внимание уделяется обращению к прошлому и к историческим корням (В.А. Тишков [13, с. 498]), созданию псевдоисторических мифов, приукрашивающих историю страны и народа и восстановление утраченных или не существовавших ранее древних цивилизационных связей (Л.М. Дробижина [4]).

Вот этот последний фактор активно используется ТР как восстановление связей тюркоязычного мира на территории всей ЦА, а вместе с этим возрождение неоосманства во главе с основной ТР как наследницей Османской империи.

Седьмая особенность внешнеполитических концепций стран ЦА — *позитивная динамика разрешения проблем национального суверенитета как основа укрепления политического статуса стран ЦА*.

Проблемы национального суверенитета возникают в результате угрозы со стороны внешних сил — межграничный терроризм и преступность, деятельность негосударственных акторов (религиозных, этнических, финансовых, культурных, образовательных, экономических и др.), борьба за влияние глобальных и неглобальных держав и различных центров силы (И.Д. Звягельская [7, с. 47–50]).

Эти проблемы за девяностые годы XX века — десятые годы XXI века проявлялись в различных формах:

- гражданская война в Таджикистане (1992–1997 гг.);
- обострения отношений между странами ЦА;
- непоследовательный характер внешней политики стран ЦА (кроме Казахстана), неумелое лавирование между РФ, КНР и США, ЕС, что бросило тень на их авторитет на международном уровне;
- стремление руководящих элит стран ЦА извлечь максимальную выгоду, прежде всего — финансовую, из отношений с глобальными державами;
- проведение странами ЦА политики «открытых дверей» — установление сотрудничества со всеми странами, у которых имеются конструктивные цели и намерения в их отношении, при этом приглашались абсолютно все инвесторы, без выявления истинных целей (например, в Киргизии существует сеть международных образовательных организаций сторонников Ф. Гюлена «Себат» (ныне — «Сапат»), что порождает конфликт с ТР;
- «перегибы» многих Президентов стран ЦА в виде провозглашения концепций превосходства своего (киргизского, таджикского, туркменского, узбекского) народа; проведение неадекватной кадровой политики на вытеснение этнических меньшинств (прежде всего, русского) из различных сфер в пользу титульной нации; и как результат массовый отъезд некоренного населения из стран ЦА и т.д., и т.п.

Восьмая особенность внешнеполитических концепций стран ЦА — *дальнейшая регионализация международных отно-*

шений и усиление роли местных игроков во внешней политике стран ЦА (И.Д. Звягельская [7, с. 4–5]).

Девятая особенность внешнеполитических концепций стран ЦА — *размытость и зыбкость привычных понятий, выражающихся в явлении «гибридизации» во внешней политике стран ЦА* (И.Д. Звягельская [7, с. 94–95]).

Таким образом, изменение политического статуса стран ЦА и получение независимости после распада СССР привело к тому, что во всех странах ЦА стали формироваться внешнеполитические концепции для организации эффективного и взаимовыгодного сотрудничества со странами мира как акторами этого сотрудничества.

В этих внешнеполитических концепциях проявились как финансовые, так и политические запросы стран ЦА и их руководящих элит.

При этом, как было отмечено выше, эти концепции имеют определенное своеобразие и оригинальность, так как их формирование происходило за очень короткий период и в процессе деятельности — «с колес».

Динамика политического статуса стран ЦА показывает, что за тридцать лет своей независимости страны ЦА приобрели свой особый характер государственности, испытали различные формы кооперации, партнерства и взаимной деятельности с разными государствами и глобальными державами, выбрали свои приоритеты в кооперации и партнерстве, увидели в реальном мире их «плюсы» и «минусы». В своих поисках кооперации и партнерства страны ЦА раскрылись с новых сторон и для стран мира. Несмотря на всеобщую тенденцию к международной кооперации, некоторые страны и глобальные державы непоследовательно стали взаимодействовать со странами ЦА. Но остались государства, которые все больше заинтересованы во взаимодействии со странами ЦА. Одно из ведущих мест занимает Турция, которая с каждым годом наращивает свое присутствие в Центральноазиатском регионе.

Список литературы

1. *Абашин С.Н.* Зарождение и современное состояние среднеазиатских национализмов // Вестник российской нации. — 2009. — № 3(5). — С. 133–162.
2. *Бжезинский Зб.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы: Учеб. пособие. — М.: Международные отношения. 2010. — 256 с.
3. *Гарбузарова Е.Г.* Центральная Азия в современных мирополитических процессах: Учеб. пособие. — М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2020. — 192 с.
4. *Дробижева Л.М.* Возможен ли конструктивный национализм? // Россия в глобальной политике. — 2008. — Ноябрь-декабрь. — Т. 6. — № 6. — URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1229672160> (дата обращения 10.04.2020 г.).
5. *Духина Т.Н.* Геополитика: Учеб. пособие. — Ставрополь: Ставропольский государственный аграрный университет, 2013. — 168 с.
6. Закон СССР от 7 октября 1977 г. № 6367-IX «О порядке введения в действие Конституции (Основного Закона) СССР» // URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения 10.04.2020 г.).
7. *Звягельская И.Г.* Ближний Восток и Центральная Азия: Глобальные вызовы в региональном исполнении: Учеб. пособие. — М.: «Аспект Пресс», 2019. — 224 с.
8. *Маккиндер Х.Д.* Демократические идеалы и реальность / Х.Д. Маккиндер // Полис. Политические исследования. — 2011. — № 2. — С. 134–144.
9. *Мухаев Р.Т.* Геополитика: Учеб. пособие. — М.: Юнити, 2016. — 839 с.
10. *Панарин С.А.* Центральная Азия: интеграционный потенциал и перспективы миграции // Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы / Под ред. Г. Витковской // Научные доклады. Вып. 11. — М.: Московский центр Карнеги, 1996. — 280 с. — С. 20–28.
11. *Садыхов У.А.* Конституционный статус союзной республики: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. — Ташкент, 1984. — 196 с.
12. *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии // Пространственная экономика. — 2008. — № 2. — С. 140–148.
13. *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии: Учеб. пособие. — М.: Наука. 2003. — 544 с.

14. *Efegil E., Akçalı, P.* Social Cultural Problems of Central Asia: Identity, Islam, Nationality and Ethnicity. — İstanbul, 2013. — Gündoğan Yayınları. — 240 p. (in Turkish).
15. *Golden P.B.* The Terminology of Slavery and Servitude in Medieval Turkic // Studies on Central Asian History in Honor of Yuri Bregel / Ed. D. DeWeese. — Bloomington, Ind.: Research Institute for Inner Asian Studies, 2001 (Uralic and Altaic series. — Vol. 167). — P. 27–56.
16. *Karpat K.H.* Turkey and Central Asia. — İstanbul, 2014. Timaş Yayınları. — 304 p. (in Turkish).
17. *Kemal İnat, Ali Aslan, Burhanettin Duran* — Fifteen Years of Foreign Policy of Justice and Development Party. — İstanbul, 2017. Seta. — 552 p. (in Turkish).
18. *Şahin A., Özçalık M.* Central Asian Republics and Turkey. — Bursa: Ekin Basım Yayın Dağıtım, 2014. — 92 p. (in Turkish).
19. *Yazıcı B.* — Hot point Central Asia Hot Spot: Central Asia Reconstruction And Terror in Central Asia. — İstanbul: Ozan Yayıncılık, 2003. — 152 p. (in Turkish).
20. *Yılmaz S.* Nazarbayev's Kazakhstan, The Eagle Flying High In The Asian Steppes. — Ankara — Astana: Yayınları, 2019. — 280 p. (in Turkish).

Ю.В. Синчук,

доктор политических наук, профессор,
 заведующий кафедрой теории и истории международных отношений,
 Московский государственный лингвистический университет,
 профессор кафедры теории и методологии государственного управления,
 Академия управления МВД Российской Федерации, Москва,
 профессор кафедры международных отношений,
 Дипломатическая академия МИД России, Москва

Б.Е. Власов,

кандидат юридических наук, доцент,
 начальник кафедры теории и методологии государственного управления,
 Академия управления МВД Российской Федерации, Москва

УСИЛИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО ПРОЕКТА В ЦЕЛЯХ СОХРАНЕНИЯ МИРА В АРКТИКЕ

Yu.V. Sinchuk,

Doctor of political Sciences, Professor,
 head of Department of theory and history of international relations,
 Moscow state linguistic University,
 Professor of the Department of theory and methodology of public administration,
 Academy of Management of the MIA of the Russian Federation, Moscow,
 Professor of international relations,
 Diplomatic Academy of the MFA of Russia, Moscow
 E-mail: sinchukjv@mail.ru

B.E. Vlasov,

PhD in Law, Associate Professor,
 Head of the Theory and Methodology Department of Public Administration,
 Academy of Management of the MIA of the Russian Federation, Moscow
 E-mail: b.e.vlasov@mail.ru

EFFORTS OF THE RUSSIAN FEDERATION ON THE IMPLEMENTATION OF GLOBAL PROJECT TO PRESERVE PEACE IN THE ARCTIC

Аннотация. Российская Федерация в целях сохранения мира в Арктике, выступая ответственной за управление Арктической зоной, готова к сотрудничеству, совместной деятельности со всеми мировыми державами на равных правах по реализации проекта развития зоны Арктики, сохранению на ее территории международной зоны научного сотрудничества, которая будет соответствовать национальным интересам Российского государства. РФ стоит на том, что все проблемы, возникающие на арктической территории, должны решаться коллегиальным образом.

Россия руководствуется важнейшими документами стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности по данному региону — «Об основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» и «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». Территория Арктики является сосредоточением всех аспектов национальной безопасности. Она с легкостью может стать ареной международного соперничества, центром политического раскола и источником новых угроз международному сотрудничеству, экономической и военной безопасности.

Российская Федерация прилагает усилия по недопущению попыток ряда иностранных государств, воспрепятствующих хозяйственной деятельности РФ в Арктике, пересмотреть базовые положения международных соглашений по Арктической зоне, наращивания военного потенциала в данном регионе.

Ключевые слова: Россия; Арктика; Заполярье; стратегия развития Арктической зоны; США; НАТО; сотрудничество.

Abstract. In order to preserve peace in the Arctic, the Russian Federation, being responsible for the management of the Arctic zone, is ready to cooperate and work together with all world powers on equal terms to implement the project for the development of the Arctic zone, to preserve on its territory an international zone of scientific cooperation that will meet the national interests of the Russian state. The Russian Federation insists that all problems arising in the Arctic territory should be resolved in a collegial manner.

Russia is guided by the essential strategic planning documents in the sphere of ensuring national security in this region — “On state policy of the Russian Federation in the Arctic for the period up to 2035 and “On the strategy of the Arctic zone of the Russian Federation and national security for the period up to 2035.” The territory of the Arctic is the focus of all aspects of national security. It can easily become an arena of international rivalry, a center of political division and a source of new threats to international cooperation, economic and military security.

The Russian Federation is making efforts to prevent attempts by a number of foreign states that hinder the economic activity of the Russian Federation in the Arctic, to revise the basic provisions of international agreements on the Arctic zone, and to build up military potential in this region.

Key words: Russia; Arctic; Polar; Arctic zone development strategy; USA; NATO; cooperation.

Россия, преследуя цели внешней политики, придерживается стратегического курса, выходящего за рамки конъюнктуры, который носит специфический характер продвижения национальных интересов, определяющих ее роль на мировой политической карте и в развитии цивилизационных аспектов.

Президент Российской Федерации В.В. Путин в 2017 году отметил значение Арктической зоны для России: «Арктика, безусловно, неотъемлемая часть Российской Федерации, находящаяся под нашим суверенитетом в течение нескольких веков. Так оно и будет оставаться во все последующие времена» [1]. Россия в обеспечении национальной безопасности государства руководствуется основными положениями документов системы государственного стратегического планирования Российской Федерации. РФ обеспечивает комплексное наращивание конкурентных преимуществ Арктической зоны в целях укрепления позиций России в Арктике, упрочения международной безопасности, поддержания мира и стабильности, активизации международного сотрудничества. Нельзя допустить, чтобы этот регион стал новой ареной международного соперничества, источником новых угроз для региональной и международной безопасности [4].

Важнейшие документы РФ по данному региону — основы государственной поли-

тики в Арктике и стратегия политики развития в Арктике до 2035 года. Территория Арктики является сосредоточением всех аспектов национальной безопасности. Она с легкостью может стать ареной международного соперничества, центром политического раскола и источником новых угроз международному сотрудничеству, экономической и военной безопасности. РФ стоит на том, что все проблемы, возникающие на арктической территории, должны решаться коллегиальным образом [5].

В современном мире Арктика имеет колоссальное стратегическое значение и остается зоной противоречий. Первозданная территория Заполярья Арктики обладает невероятными запасами природных ресурсов нефти и газа, различных драгоценных металлов таких как золото, платина, алмазы [8]. Российское научное сообщество ведет исследования в этой области, а промышленные хозяйства добывают сжиженный природный газ. На территории Ямало-Ненецкого автономного округа находится $\frac{3}{4}$ всего газа РФ. Здесь активно развивают научно-исследовательские базы, а Заполярное месторождение может давать до 130 млрд кубометров газа в год.

Вопрос взаимодействия в Арктической зоне для России актуален, в особенности для обеспечения безопасности и обороноспособности страны: протяженность границы длиной около 20 тыс. км проходит вдоль Северного Ледовитого океана и

пяти приарктических государств: России, США, Дании, Норвегии и Канады [6].

В числе вызовов, с которыми сталкивается РФ в Арктической зоне — попытки ряда иностранных государств пересмотреть базовые положения международных положений, незавершенность разграничения морских пространств, воспрепятствование хозяйственной деятельности РФ, наращивание военного потенциала в Арктической зоне. Что касается попыток пересмотра базовых положений международных соглашений по арктической зоне, то РФ, согласно международному праву, как приарктическое государство обладает особыми правами и ответственностью за положение дел в Арктике, и именно арктическим государствам, в соответствии с целями устойчивого развития арктического региона, надлежит взять ответственность за управление Арктической зоной. Это право и эта ответственность реализуется, помимо национальных политик и программ действий, через Арктический совет, который легитимизирует права этих государств через коллективное взаимодействие, осуществляется возможностями и ответственностью, которые на них возложены, на основании Илулиссатской декларации от 28 мая 2008, подписанной на встрече министров иностранных дел «арктической пятерки», в которой приарктические государства согласились решать все проблемы политическим путем, действовать согласно международно-правовой основе.

Мировые державы планомерно увеличивают свое присутствие в арктическом регионе, чтобы занять лидирующие позиции в Арктике [2]. Так, 9 июня 2020 года Президент США Дональд Трамп подписал указ о создании Арктического ледокольного флота в США. В документе также отмечено, что США будут создавать 4 арктические базы, 2 из которых будут находиться на территории США, а другие на территории их союзников.

Международные партнеры РФ, в активном стремлении присвоить Арктический шельф и закрепиться в Арктическом регионе, относят себя к около-арктическим государствам. Американский политик, дипломат Майк Помпео, выступая 6 мая 2019 в Рованиеми, указал на то, что есть 2 кате-

гории государств в Арктике — арктические и неарктические, ссылаясь, скорее всего, на Китай, который причисляет себя к около-арктическим государствам, с чем Россия в корне не согласна.

Для урегулирования вопросов по изучению Арктического региона необходимо нацелиться на поиск формулы «win-win», беспроигрышной ситуации для всех сторон. В целях сохранения международного сотрудничества в Арктической зоне необходимо выполнять ряд следующих мер:

- обеспечение выгодного многостороннего сотрудничества РФ с приарктическими государствами с применением международных соглашений и договоров, увеличение роли внешнеэкономической активности РФ в этом регионе;
- тесное сотрудничество РФ с приарктическими государствами для поддержания стабильности, безопасности и соблюдения прав прибрежного государства в Арктическом регионе, в особенности затрагивающих вопросы континентального шельфа, ресурсов и определения внешних границ;
- консолидация приарктических государств для создания организации сотрудничества по спасению и поиску, по предупреждению катастроф, а также ликвидации их последствий;
- упрочение в рамках двусторонних соглашений и региональных организаций доброкачественных взаимоотношений России с приарктическими государствами с целью увеличения экономического, научно-технического, культурного сотрудничества;
- помощь в создании и успешном использовании транзитных маршрутов в Арктике, эксплуатации Северного морского пути под юрисдикцией РФ согласно международным договорам для международного судоходства и торговли;
- участие российских общественных и государственных объединений, учреждений и организаций в форумах, посвященных международному сотрудничеству в Арктике;

- постоянный обмен данными о состоянии природы Арктики, флоры и фауны региона, динамике климата, непрерывная работа по улучшению мониторинга климатической обстановки;
- организация целого ряда мер, обеспечивающих благополучные научно-исследовательские тенденции в развитии международного сотрудничества с целью изучения Арктической зоны, влияние на нее человеческой деятельности;
- усиление роли многостороннего сотрудничества в рамках туризма, рекреационного, научного, культурно-познавательного сотрудничества.

Надо заметить, что время от времени выдвигаются инициативы по созданию механизмов для выработки решений в отношении Арктики. Если посмотреть на Датский доклад 2020 года, то можно определить, что в нем сочетаются «мягкая и жесткая» безопасность. Сейчас проблематика военно-политической безопасности выпадает из повестки Арктического совета согласно Оттавской декларации Арктического совета от 19 сентября 1996, где прописано, что Арктический совет не занимается военно-политическими вопросами. Но, тем не менее, Россия поддерживает своих датских партнеров. Однако стоит уточнить, что ни СССР, ни РФ никогда не размещали на территории других приарктических государств свои военные базы и никогда не предоставляли территории для размещения воинского контингента. Единственным прецедентом был заход на территорию Норвегии в 1944 году с освободительной миссией от фашистской Германии.

Россия успешно может сохранить лидирующие позиции устойчивого развития в Арктическом регионе при решении трех составляющих проблем Арктики: социальных, экономических и экологических. РФ самостоятельно, используя исключительно свои силы, в состоянии обеспечить себе место в мировой геополитической системе, место мирового центра, консолидирующего цивилизации евро-азиатского блока [7].

Одна из ключевых позиций для выполнения следующего — это переход к эко-

номике замкнутого цикла. Плюсы подобной экономики в том, что она не наносит ущерба окружающей среде. Ведь основные силы научного сообщества сосредоточены на ликвидации экологического ущерба.

Министерство обороны РФ с 2017 по 2020 г. поставило и выполнило ряд задач, обеспечивающих безопасность Российской Федерации в Арктической зоне и Северного Морского коридора:

- произведена развертка и содержание радиолокационных станций для разведки и осуществления контроля на воздушном пространстве РФ в Арктике;
- образована целая цепь — комплекс станций ПВО от Кольского полуострова до Чукотки;
- развернуто звено истребителей и сооружены аэропорты;
- безопасность обеспечивается российской военной техникой от береговых ракетных комплексов до современных кораблей и подводок, имеющих на своих бортах «калибр» и «оникс»;
- регулярно проводятся в акваториях Белого и Баренцева моря масштабные учения Северного флота.

Программы модернизации являются необходимой мерой на современном этапе, без которых нельзя гарантировать безопасность национальных интересов РФ в Арктике, так как военное давление со стороны наших партнеров постоянно возрастает, наблюдается стремление подорвать лидирующие позиции РФ в Арктическом регионе. Как неоднократно заявляли главы правительственных ведомств, представляющие РФ за рубежом, Россия не пытается вести «двойную игру» [3]. Главная задача для РФ — устойчивое развитие Арктического региона и безопасность государства и его национальных интересов. Россия всегда готова к взаимодействию не только в этом регионе, но и в целом к взаимовыгодному равноправному сотрудничеству со всеми государствами мира [9].

Список литературы

1. Путин: передача Арктики под международное управление — «полная глупость» // Газета.

- ru — URL: <http://www.gazeta.ru> (дата обращения: 10.11.2020).
2. Синчук Ю.В. Арктика в современном мире // Образование. Наука. Научные кадры. — 2017. — № 4. — С. 128–132.
 3. Синчук Ю.В. Российская Арктика: политологический анализ // Управление инновационным развитием Арктической зоны Российской Федерации: сборник избранных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, [14–16 сентября 2017 г., г. Северодвинск: 16+]/ М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. автоном. образоват. учреждение высш. образования «Сев. (Аркт.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова»; сост.: Е.Н. Богданова, И.Д. Нефедова. — Архангельск: КИРА, 2017. — С. 33–37.
 4. Синчук Ю.В., Журавель В.П. Арктика: НАТО contra Россия // Геополитика и безопасность. — 2017. — № 3. — С. 113–120.
 5. Синчук Ю.В., Журавель В.П. Силовые структуры России в Арктике: состояние и перспективы развития // Управление инновационным развитием Арктической зоны Российской Федерации: сборник избранных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, [14–16 сентября 2017 г., г. Северодвинск: 16+]/ М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. автоном. образоват. учреждение высш. образования «Сев. (Аркт.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова»; сост.: Е.Н. Богданова, И.Д. Нефедова. — Архангельск: КИРА, 2017. — С. 37–41.
 6. Синчук Ю.В., Синчук И.Ю. К вопросу об укреплении национальной безопасности государства в контексте «мягкой силы» // Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве: Монография / Академия военных наук, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, кафедра информационной аналитики и политических технологий МГТУ им. Н.Э. Баумана. — М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. — С. 245–271.
 7. Форум «Развитие Арктики», Архангельск, 29 марта, 2017.
 8. Чадаев А. Арктика и глобальное потепление // За развитие науки и производства. — 2011. — 1 Ноябрь. — № 5634(258). — URL: <http://www.rg.ru> (accessed: 11.10.2020).
 9. <http://arctic-centre.com/ru/novosti/itemlist/tag/%D0%B1%D0> (дата обращения: 11.10.2020).

А.И. Элез,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник,
 Центр изучения стран Тропической Африки Института Африки
 Российской академии наук, Москва

ВЫБОРЫ КАК ОДИН ИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ УРОВНЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СТРАНАХ ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ

A.J. Elez,

PhD in Philosophy, Senior Research Fellow,
 Centre for Tropical African Studies, Institute for African Studies,
 Russian Academy of Sciences, Moscow
 E-mail: aelez@yandex.ru

ELECTIONS AS AN INDEX OF THE LEVEL OF POLITICAL CULTURE IN TROPICAL AFRICAN COUNTRIES

Аннотация. Значение выборов как показателя политической культуры в странах Тропической Африки рассматривается в статье на примере предвыборной борьбы основных политических партий Ганы в период между всеобщими выборами 2016 и 2020 гг. в этой стране. Показаны преимущества сформировавшейся после принятия в 1992 г. действующей конституции Ганы либеральной демократической политической системы в этой стране под углом зрения буржуазной демократии. Вместе с тем показана на примере Ганы историческая отсталость механизмов этой демократии, в связи с сущностным однообразием программ, манифестов и принципов политической деятельности сколь угодно многочисленных политических партий, лишаящих общество возможности реального выбора политического курса страны.

Ключевые слова: политическая культура, политические партии, выборы, избирательная кампания, Тропическая Африка, Гана.

Abstract. The importance of elections as an indicator of political culture in the countries of Tropical Africa is considered in the article on the example of the pre-election struggle of the main political parties of Ghana in the period between the general elections of 2016 and 2020 in the country. The advantages, from the point of view of bourgeois democracy, of the liberal democratic political system in this country formed after the adoption of the current constitution of Ghana in 1992 are shown. At the same time, the article shows, on the example of Ghana, the historical backwardness of the mechanisms of that democracy which, due to the essential uniformity of programs, manifestos and principles of political activity of political parties regardless of their number deprives society of the possibility of a real choice of the country's political course.

Key words: political culture, political parties, elections, election campaign, Tropical Africa, Ghana.

На общем фоне африканского континента вообще и Тропической Африки в частности одним из оазисов демократии может показаться Гана, которая именно по этой причине представляется нам достойным особого внимания примером того, как политическая культура, считающаяся во многом соответствующей современным идеалам гражданского общества, консервирует его исторические недостатки и не позволяет даже в стране, где общественное сознание до сих пор во многом опосредовано идеями К. Нкрумы, прорасти семенам социального прогресса. Подавля-

ющее большинство исследователей политической жизни Африки сходятся сегодня на том, что Гана ныне обладает достаточно стабильной демократической политической системой и достаточно высоким по африканским меркам уровнем политической культуры избирателей. В качестве одного из критериев стабильности демократии зачастую используют модный в наши дни показатель: число идущих подряд мирных смен руководства страны на выборах. Поэтому типичным для работ, посвященных политической жизни Ганы, — причем независимо от позиции автора — стало напо-

минание вроде следующего: «С 1992 года в стране состоялись уже восемь выборов подряд в ее четвертой республике. Эти выборы привели к успешной трехкратной передаче власти между двумя основными политическими партиями в стране» [4, р. 1].

В предлагаемой В. Штуппертом классификации типов политических режимов в странах Африки к югу от Сахары Гана относится к числу стран *либеральной демократии* (режим же в Нигерии, скажем для сравнения, В. Штупперт квалифицирует как *конкурентно авторитарный*) [5, р. 12]. Народные массы Ганы, как отмечает ряд исследователей, неизменно демонстрируют доверие к демократии и принимают ее как единственный законный способ правления. «Политическая элита в стране также научилась соблюдать правила, регулирующие практику демократии, в то время как выборы признаны единственным средством получения доступа к власти. Две доминирующие политические партии в стране — Национальный демократический конгресс (НДК) и Новая патриотическая партия (НПП) — теперь признают тот факт, что, проигрывая выборы, вынуждены дожидаться новых всеобщих выборов, чтобы вернуть себе власть. Таким образом, кампания по проведению следующих всеобщих выборов в Гане начинается практически сразу после объявления результатов выборов» [1, р. 71].

Оценивая силу и жизнеспособность демократии, политические аналитики обычно не забывают указать на то, что одним из важнейших показателей демократии является консолидация общества. В этом отношении Гана также получает в литературе весьма высокие (по африканским меркам) оценки, ибо считается, что и ее руководящие круги, и народ уже в немалой мере научились соблюдать правила, регулирующие практику демократии, уважать конституцию страны как основу демократического порядка качеств. «Эти впечатляющие демократические возможности отличают Гану от других стран Африки. Другими словами, Гана смогла преодолеть некоторые антидемократические формы поведения и ожесточенное политическое соперничество, которые часто ввергают многие африканские страны в избиратель-

ное насилие и заставляет их демократию оставаться на стадии зарождения. Поэтому, учитывая приверженность Ганы идеалам демократии, можно однозначно сказать, что эта страна является маяком надежды в отношении демократической консолидации в Африке» [1, р. 75].

С другой стороны, в пользу Ганы говорит и частое в последние годы *отсутствие* Ганы в поле зрения авторов, исследующих столь распространенные (не только в Африке) бедствия, как коррупция, нестабильность, конфликты, неразвитые институты и т.п. Скажем, в недавней статье «Коррупция в Африке к югу от Сахары — препятствие экономическому росту» содержатся весьма удручающие общие оценки: «Страны Африки к югу от Сахары страдают от слабых политических институтов и большого числа непредсказуемых лидеров, что для политических элит служит стимулом к несправедливому накоплению богатства, поскольку они сталкиваются с постоянной неопределенностью и страхом перед неизвестным будущим. Этот ошеломляющий уровень оппортунизма, пронизывающего экономику стран Африки к югу от Сахары, обретших независимость, — прежде всего результат плохо выстроенного, недействительного и негодного институционального порядка. Идея коррупции, это — не только привходящее явление для данного региона, но и позор, глубоко укоренившийся в культурных нормах и моральных кодексах с обычно снисходительным отношением к ней. Для ИВК (индекса восприятия коррупции) за 2017 г. «Transparency International» обследовала около 180 стран, и результаты показали, что половина из 25 стран в низу списка, т.е. имеющих наибольший уровень коррупции, находится в Африке, в то время как среди первых 25 стран из этого списка, т.е. наименее коррумпированных ее стран — 0» [3, с. 19–20]. При этом в статье содержатся не более оптимистичные характеристики и *конкретных* стран Африки к югу от Сахары в аспекте коррупции (особенно достается, конечно, Нигерии), но Гана в этой статье не упоминается вообще!

В Гане основными политическими институтами, пребывающими в отношении взаимной конкуренции, являются, раз-

умеется, политические партии. Но интерес африканистов к современной межпартийной борьбе в Гане куда меньше, чем их интерес к межпартийной борьбе, скажем, в Нигерии, и отнюдь не только потому, что Гана занимает гораздо более скромное место в мировой экономике и в мировой политике, чем Нигерия, но и благодаря относительной политической стабильности Ганы, о политических потрясениях в которой в последние десятилетия даже при очень большом внимании к ней не скажешь и малой доли того, о чем никак нельзя умолчать в отношении политической жизни в Нигерии. Эта относительная политическая стабильность Ганы очевидна сегодня не только в международных, межплеменных и межконфессиональных отношениях, но и в отношениях партийной жизни, прежде всего межпартийных и внутривнутрипартийных. Но, отдав должное уже сложившейся традиции признания прогресса Ганы на пути демократизации и т.п., попытаемся взглянуть пристальнее на современное положение ее основных политических партий.

На 2020 г. в Гане были зарегистрированы 29 политических партий, крупнейшие из которых — правящая Новая патриотическая партия — НПП (New Patriotic Party — NPP) и оппозиционный Национально-демократический конгресс — НДК (National Democratic Congress — NDC). Нет нужды доказывать, что реальных программ в количестве 29 штук не найти ни в одном обществе; вместе с тем, от многих других стран Африки современная Гана несколько отличается, во-первых, в среднем сравнительной левизной партийных установок (воспроизводящей сохраняющееся в общественном сознании наследие идей К. Нкрумы) и, во-вторых, тем, что в идеологических постулатах ее партий — прежде всего двух основных, — некоторую специфику усмотреть при большом желании можно. Правда, в политической практике партии зачастую «меняются» своей спецификой, что вынуждает исследователей признавать, что «у двух основных партий отсутствует четкая партийная идеология. НДК взял за опору социал-демократическую идеологию, поскольку верит в вовлечение маргинализированных,

обездоленных и бедных в основное русло данного социально-экономического строя. С другой стороны, НПП придерживается либерально-демократического принципа свободной экономики, предполагающего обеспечение необходимых благоприятных условий для процветания частного сектора. Но при пристальном наблюдении за теми программами, которые обе стороны реализовывали в разное время, можно было бы увидеть, что НДК осуществлял некоторые неолиберальные экономические программы — такие, как приватизация, — точно так же, как НПП осуществлял некоторые программы социального вмешательства — такие, как схема расширения прав молодежи, бесплатная охрана здоровья матерей и программы борьбы с бедностью... Это отсутствие приверженности к какой-либо партийной идеологии может влиять на силу политических партий, а следом уже и на демократическую консолидацию» [1, р. 72].

Мы полагаем, что отсутствие четко выраженной идеологии в партийных программах может влиять на силу той или иной партии по-разному, и уж тем более не согласны с тем, что это отсутствие в какой-либо мере мешает «демократической консолидации» в Гане или где бы то ни было еще. И искусственное (в свифтовском духе), и уж давно реальное разнообразие партийных программ отдаляет общество от какой бы то ни было *общеобщественной* консолидации и способно укреплять лишь собственную консолидацию отдельных взятых партий. Возможно, относительным спокойствием политической жизни и «демократической консолидацией» Гана в последние десятилетия обязана, помимо прочего, как раз отсутствию большого разнообразия «партийной идеологии». Реальная конкуренция партий в Гане — не конкуренция партийных программных установок, а конкуренция конкретных организационных структур и конкуренция конкретных политиков с их собственными биографиями и предвыборными обещаниями.

Отнюдь не все оценки, которые получает политическая жизнь Ганы в современной литературе, исчерпываются общими комплиментами; подчас даже автор,

начинающий текст за здравие, дальнейшим изложением приводит хорошо если не к успокоительным выводам. В той самой статье К. Овусу, к которой мы обратились первой, позиция автора не сводится к удовлетворению длительным опытом мирной смены руководства страны на выборах: «В связи с этими примерами такие ученые, как Гьима-Боади (2008), Оджие-ло (2007) и др., как правило, соглашаются с международным сообществом в том, что Гана — мирная страна, в которой проводятся свободные и справедливые выборы, и что в этом отношении она резко контрастирует со многими своими аналогами в Африке. Но это предположение не совсем верно, если критически изучить политическую культуру Ганы, а также ее избирательный процесс...» [4, р. 2]. Гана, напоминает К. Овусу, пережила в прошлом ряд государственных переворотов, видела многочисленные конфликты; кроме того, в большинстве районов наблюдались земельные споры с применением насилия, конфликты по поводу вождей, а также избирательное насилие.

Именно поэтому, утверждает К. Овусу, Гана не застрахована от *гражданских войн*, с которыми-де сталкиваются другие африканские страны; он согласен с теми, кто считает, что «успешные выборы и передача власти в Гане не должны использоваться для прикрытия существования, как представляется, долгой истории злоупотреблений на выборах в стране» [4, р. 2] и что «...подтасованные результаты голосования в стране превратились в опасную бомбу замедленного действия, состоящую из неурегулированных конфликтов, которые могут в будущем во время выборов детонировать. Следовательно, то, что мы видим мир и стабильность, не может использоваться в качестве гарантии долгосрочного мира, особенно когда то и дело поступают сообщения о бесчисленных конфликтах на общинном и местном уровне, относящиеся к гражданским и трудовым спорам, вождям, земельным спорам, внутренним и внешним политическим конфликтам и прочему» [4, р. 2]. С точки зрения К. Овусу, если игнорировать все эти частности, можно проморгать приближение вполне возможного взрыва

насилия в национальном масштабе, ибо выборы в Гане неизменно сопровождаются не только фальсификацией результатов, но и разного рода нарушениями в самом избирательном процессе, прежде всего такими, как повторное голосование, кража так называемыми «мачо» урн для голосования, а также различные акты устрашения, совершаемые по отношению к избирательным штабам конкурирующих партий их конкурентами. «У страны — долгая история мошеннических голосований, блокового голосования и фальсификаций, сложившихся в практику избирательных злоупотреблений. Эти избирательные злоупотребления и факты избирательного насилия часто порождают страх в обществе и угрожают стабильности страны» [4, р. 3], — констатирует К. Овусу.

Очередные всеобщие выборы в Гане назначены на 7 декабря 2020 г., и, хотя избирательные бюллетени были сформированы только в октябре, можно сказать, что в Гане предвыборная конкуренция основных партий начинается сразу после окончания выборов. В бюллетене к выборам президента страны — 12 кандидатов, включая одного беспартийного и 11 партийных. Основная предвыборная борьба разворачивается между нынешним президентом Н. Акуфо-Аддо (НПП) и его предшественником на президентском посту Д.Д. Махамой.

Вряд ли следует считать чем-то необычным для современной политической культуры буржуазных обществ то, что бюллетень, подготовленный избирательной комиссией для президентских выборов, на несколько дней стал в Гане объектом математических упражнений. Из порядкового места своего кандидата каждая партия пыталась извлечь какую-то символику, причем непременно выгодную для данной партии. Если оказавшийся на второй строчке НДК объявлял, что цифра 2 символизирует второе пришествие ее кандидата, то занимающая первую строчку НПП утверждала, что тот, кто проголосует за нее, проголосует за один шаг вперед, а тот, кто проголосует за НДК, проголосует за два шага назад. О том, сколько шагов и в каком образом вычисленном направлении обеспечит стране тот, кто проголосует за какую-либо из нижестоящих строк,

можно было только гадать, ибо стоящие на этих строках партии сами изощрались в символизме счастливых сочетаний цифр, используя уже только что не логарифмы. Даже единственный независимый кандидат, который автоматически оказался на последнем месте, внес свою лепту в достойную претендентов на высший государственный пост Ганы полемику, заявив, что, поставив рядом номера НПП и НДК (1 и 2), получаешь 12, и поэтому его позиция — выигрышная. Из всех частных комментариев, которые эти разговоры получили во всемирной электронной сети, процитировать прилично разве что слова одного из политических обозревателей, заявившего, что ганцы знают, как найти то, что им нужно, поэтому, «если предпочтительный для них кандидат указан даже на обратной стороне бюллетеня, они найдут его (или ее) и проголосуют».

Впрочем, конкурс красоты номеров в избирательном бюллетене — самая мирная составляющая межпартийной предвыборной борьбы в целом. По всем остальным составляющим жизнь показала в очередной раз, чего стоит в условиях гражданского общества предвыборное партийное миролюбие. 19 декабря 2019 г. Комитет межпартийного диалога (КМПД) при Национальной комиссии по гражданскому просвещению (НКГП), образованный в целях обеспечения поддержки мира в стране до, во время и после всеобщих выборов 2020 г., начали работу: региональное отделение НКГП Большой Аккры встретилось в Аккре с членами комитета. В комитет вошли представители Национального совета мира, Регионального координационного совета Большой Аккры, политических партий, Управления главного национального имама, Полицейской службы Ганы и ИК. Обращаясь к участникам совещания, председатель КМД преподобный каноник Окаиджа Бортиер сказал, что цель комитета состоит в том, чтобы содействовать миру среди жителей Ганы и принять меры для того, чтобы трения, которые могут нарушить этот мир, пресекались в зародыше. Люсиль Хьюлетт Аннан — региональный директор НКГП — заявила, что «комитеты должны гарантировать, что политические партии будут вести себя надлежащим

образом». КМПД уже начал составлять свой план действий к всеобщим выборам 2020 г., сообщила Л.Х. Аннан, главное в котором — обучение электората и сторонников политических партий правилам выборной кампании.

Но менее чем через две недели избирательная комиссия Ганы объявила о своем окончательном решении о создании к выборам 2020 г. нового реестра избирателей, после чего НДК на многие месяцы превратил весьма склочную борьбу против избирательной комиссии в основное содержание своей предвыборной кампании. Предварительное же решение о новом реестре принималось и даже обсуждалось гораздо раньше; во всяком случае, НДК, прежде всего устами своего лидера, уже летом 2019 г. высказывался против этого решения избиркома. Примеров того, как партии вместо агитации за свои программы раздували склоки, можно привести множество, и большинство их относится к заслугам НДК. Скажем, средства массовой информации сообщили, что 25 апреля 2020 г. Высокий суд города Темы наложил временный запрет на запланированный семинар избирательной комиссии по обучению своих сотрудников предстоящей регистрации избирателей. Оказывается, суд получил заявление члена парламента от НДК Сэма Нарты (избирательный округ Нинго Прампрам), озабочившегося соблюдением карантина в связи с пандемией. Суд указал, что единственным исключением для собраний является право собрания 25 человек исключительно ради частных похорон, а в число государственных учреждений, освобожденных от введенных президентом карантинных ограничений, избирательная комиссия не входит. Впрочем, вынесенное к удовлетворению представителя НДК решение не помешало председательствующему судье Юджину Ньянте Ньяду заявить: «Однако я должен сразу добавить, что собрание в офисах комиссии-ответчика ее сотрудников, соблюдающих протоколы социального дистанцирования, не нарушит Распоряжения 64 от 2020 г., измененного Распоряжением 67 от 2020 г., потому что не будет, в моем понимании, публичным собранием», и тем самым вернуть ситуацию в русло здраво-

мыслия, ибо ИК и не требовала для себя права нарушать протоколы социального дистанцирования.

С чем бы мы ни сталкивались в предвыборной кампании политических партий Ганы, мы не можем не признать, что кое в чем политическая культура нынешней кампании может послужить примером и для многих других стран. *Правящая партия*, агитируя за переизбрание своего кандидата на второй (всего лишь на второй) подряд президентский срок, не считала возможным ограничиваться пространными публикациями о том, какие славные прожекты зреют в голове кандидата (или в головах его литературных подмастерьев) и как хорошо *потом* будет стране, если она проголосует за него. В газетах не появлялись подписанные кандидатом от этой партии статьи по различным вопросам общественной жизни, призванные заменить отчет (о выполнении намеченного в статьях, опубликованных тем же кандидатом к предыдущим выборам) и показывающие даже слепому, что никакой реальной ответственности за исполнение взятых на себя обязательств кандидат ни в какой перспективе нести не собирается. Напротив, правящая НПП считала важнейшим компонентом агитации не словесные обещания на будущее, а отчет о реальных делах, призванный показать на уже достигнутых за истекающий президентский срок результатах, что на исполнение ее кандидатом обязательств избиратели могут твердо рассчитывать. Насколько объективно эти достижения изображались в предвыборных речах — вопрос для детального разбора, но в плане тактики кампании безусловным достоинством такой партии было то, что в ее агитации отчет по прошлым обещаниям *сосуществовал* с очередными обещаниями, а не заменялся ими. Вообще предвыборная кампания НПП создавала впечатление уверенности в ее победе на президентских выборах, предвыборная же кампания НДК не позволяла допустить возможность его победы на этих выборах при условии внутригосударственного определения политического будущего страны.

В последние дни октября 2020 г. вице-президент Махамуду Бавумия предпринял турне по Восточному региону. Выступая

в ходе этого турне перед гражданами, он заявил, в частности, что ни одна партия не может состязаться с НПП, когда речь идет о социальной политике и о борьбе за повышение благосостояния народа Ганы. «Мы — партия масс. Партия народа. Партия равных возможностей и партия всех жителей». Правительство Акуфо-Аддо, напоминает М. Бавумия, создало эти равные возможности благодаря продуманным мероприятиям и всеобъемлющей программе развития. Выделяются пособия на стажировку учителей и младшего медперсонала, выделяется автомобильная техника для скорой медицинской помощи в округах, создаются новые фабрики, обеспечивается бесплатное образование для старших классов школ. В последующем предполагается предоставление более высоких ссуд на получение высшего образования для всех.

В этом предвыборном выступлении М. Бавумия, разумеется, упомянул и НДК. В ходе нынешней кампании ее кандидат в президенты Д.Д. Махама обещал всем ганцам *равные возможности* в случае, если будет во второй раз избран президентом. М. Бавумия, припомнив эти обещания, призвал Д.Д. Махаму показать ганцам, где же та *равная возможность*, которую он создал для жителей Ганы за годы своего пребывания на президентском посту. «Не могут они сказать вам, какие равные возможности они предоставили нашей молодежи. Безработица — не равные возможности. Думсор — не равные возможности. Отмена пособия на стажировку учителей — не равные возможности. SADA Akonfem — не равные возможности. Отмена пособия на стажировку медсестер — не равные возможности». Поясним в скобках, что Dumsor — подача электроэнергии с длительными перебоями, вынуждающая потребителей ограничивать пользование электричеством определенными часами либо вообще не имеющая графика, аналог блэкаута; дело «SADA Akonfem» — известная в Гане коррупционная афера, в которой большинство средств массовой информации считает замешанным тогдашнего президента страны Д.Д. Махаму; «akonfem» в выступлении М. Бавумии употреблено как ганский аналог «панамы».

В ходе той же предвыборной поездки

М. Бавумия выступил и перед избирателями округов Северного Афрама Плейнс и Южного Афрама Плейнс. Оба этих округа на протяжении всей истории Четвертой республики голосовали за НДК как на парламентских, так и на президентских выборах. М. Бавумия обратил внимание аудитории на то, что при такой верности однажды избранной партии оба округа весьма сильно отстали в развитии от остальной части страны: «В течение 28 лет вы голосовали за НДК и были ему лояльны, но здесь нет ничего, что можно было бы показать как результат всей той поддержки, которую вы им оказывали, несмотря на то даже, что они много лет пребывали у власти. Все эти 28 лет депутаты были членами парламента от НДК, и они не смогли заставить свои контролируемые НДК правительства способствовать развитию жителей Афрама Плейнс, особенно при последнем правительстве НДК, 8 лет находившемся у власти. НДК ничего не сделал для Афрама Плейнс, и он не сможет указать на какие-либо существенные сдвиги, которые они обеспечили людям». НПП же распростирила проекты развития на многие части страны, включая Афрама Плейнс, где в сельские общины провели электричество, а районному собранию были предоставлены трактора, которые смогут арендовать по доступным ценам фермеры, составляющие большинство населения. Кроме того, напомнил М. Бавумия, НПП осуществляет национальные программы, связанные с обеспечением населения продовольствием, с созданием рабочих мест, с укреплением служб скорой медицинской помощи, с бесплатным средним образованием и т.п. (поясним, что в проекте «Free SHS» — «Бесплатные средние школы» — под бесплатным средним образованием подразумевается освобождение от платы за обучение, поступление, учебники, библиотечное обслуживание, доступ к научным центрам, информационно-компьютерное обеспечение, экзамены, коммунальные услуги, проживание при школе и питание). От реализации этих проектов, подчеркнул вице-президент, выигрывают все, и пора избирателям в Афрама Плейнс сказать наконец НДК «нет». «Это были 28 лет пренебрежения со стороны НДК и разочарова-

ния в нем. В этом году скажите НДК, что с вас хватит. Мы призываем вас дать шанс НПП, и вы увидите разницу между НДК и НПП. Вам нужен член парламента, который сможет достойно представлять вас и проводить для вас дальнейшие проекты. Поэтому я призываю вас проголосовать за Нана Акуфо-Аддо и за члена парламента от НДК ради столь насущного для Афрама Плейнс развития».

Исследователи не подвергают сомнению тот факт, что на посту президента Д.Д. Махама оказался самым коррумпированным президентом в истории Ганы; утверждают, в частности, что «он передал 70% всех запасов бокситов в стране на колоссальные 180 миллиардов долларов компании, принадлежащей его брату Ибрагиму Махаме. Оба брата утверждали, что сделка была честной, но конфликт интересов очевиден... было несколько обвинений в том, что государственные деньги, вложенные в проекты, буквально испаряются» [2, р. 42]. Кроме этого, период президентства Д.Д. Махамы ознаменовался двумя серьезными проблемами, бороться с которыми более или менее результативно начало лишь правительство Н. Акуфо-Аддо: проблемой нелегальных китайских и местных добытчиков золота и алмазов, а также проблемой Думсора (когда в течение ряда лет граждане не имели стабильного доступа к электронергии). Обе проблемы были связаны с коррупцией. «За президентом Джоном Махамой последовал нынешний президент Нана Акуфо-Аддо, имеющий репутацию неподкупного президента. Тем не менее, президент Акуфо-Аддо в настоящее время подвергается критике — не из-за своей собственной коррупции, поскольку доказательств этого нет, а из-за предполагаемой (даже если не доказанной) коррупции его назначенцев — таких, как бывший директор Налоговой службы Ганы (НСГ), министр спорта и один из заместителей министра спорта в 2019 г.» [2, р. 42].

В своих предвыборных выступлениях Д.Д. Махама не скупился на обещания, подчас не только связанные с очередными социально значимыми проектами, но и такие, которые можно истолковать, как скрытые угрозы или как скрытый подкуп. В частности, он пообещал, что, если

выиграет выборы 7 декабря, то *не уволит М. Амиду*. Со ссылкой на «Daily Mail» новостное агентство «Ghana Web» в разделе политики выставило 20 октября аж целый баннер: «Махама: Я не уволю Мартина Амиду, если одержу победу». То же агентство в тот же день в разделе общих новостей со ссылкой на радиостанции Starr FM и Class FM поместило соответственно материалы: «Махама: Я предупрежу моих назначенцев, чтобы не ссорились с Амиду» и «Махама: Я предупрежу моих назначенцев, чтобы не ссорились с Амиду, вмешиваться в его работу я не стану». М. Амиду счел такие предвыборные заявления Д.Д. Махамы недопустимыми: «Как Специальный прокурор, который олицетворяет Управление специального прокурора, я считаю такие заявления покровительственными и ненужными при тех целях, полномочиях и функциях, которые предоставлены Управлению в соответствии с Законом о Специальной прокуратуре от 2017 г. (Закон 959). Эти заявления представляют собой вмешательство и попытку повлиять на независимый мандат этого Управления на расследование и судебное преследование определенных избирательных правонарушений, отнесенных к ведению этого Управления в соответствии с законом, которые содержат состав коррупции и связанных с коррупцией правонарушений, согласно четкому указанию раздела 79 Закона 959. Любому ганскому гражданину, который достоин того, чтобы выдвинуться кандидатом в президенты на предстоящих выборах, следует уже знать содержание Закона о Специальной прокуратуре от 2017 г. (Закона 959). К настоящему времени он должен знать, что в соответствии с разделом 4 Закона 959, за исключением особых случаев, предусмотренных Конституцией 1992 г., Управление не подлежит руководству или контролю со стороны какого-либо лица или органа при выполнении функций Управления, даже если Управление действует на основании полномочий генерального прокурора для возбуждения и судебного преследования коррупции или связанных с ней преступлений».

Между строк заявления Специального прокурора читалось, что, даже если

можно надеяться на то, что Д.Д. Махама не уволит его после своей победы на выборах, то уж никак не стоит опасаться, что Д.Д. Махама каким-то образом сумеет это сделать в случае своего поражения, в котором прокурор не сомневается. А чтобы развеять последние сомнения граждан в том, что чистых намерений в обещаниях Д.Д. Махамы искать не приходится, М. Амиду напомнил: «Каждый взрослый ганский гражданин знает, кто подал в суд на кандидата на должность Специального прокурора в январе 2018 г. — даже до того, как эта кандидатура могла быть рассмотрена парламентом на предмет одобрения. В протоколе судебного разбирательства и в средствах массовой информации публиковались имена когорты адвокатов, поддерживавших и отстаивавших дело против генерального прокурора и Мартина Аламиси Амиду, пока имя Мартина Аламиси Амиду не было исключено из иска. Нет ни одного разумного ганца, который не знал бы тех, кто осуждал в средствах массовой информации тогдашнее решение Верховного суда и продолжает это делать. Верховный суд уладил этот вопрос своим окончательным и авторитетным решением в пользу генерального прокурора. До решения Верховного суда еще возможны были фантазии на тему о том, кто что может позволить Управлению делать или не делать. В толковании Верховного суда Закон о Специальной прокуратуре 2017 г. (Закон 959) не подлежит обсуждению, и никто не может мешать этому Управлению, пока Специальный прокурор не откажется от собственной независимости и не уступит функции своего Управления политикам».

Такая реакция М. Амиду на адресованные ему в контексте предвыборной агитации НДК и Д.Д. Махамы против НПП и Н. Акуфо-Аддо обещания выглядела принципиальной и бескомпромиссной; фактически на заигрывающее «Я вас знаю, и я вам гарантирую» был дан ответ: «Зато я вас давно знаю и насквозь вижу, и я вам, самое мягкое, ничего не гарантирую, а там еще и посмотрим». Ведь в заключительной части заявления М. Амиду не только напомнил о том, что против коррупции он боролся и до получения должности Специального прокурора, но и констатировал,

что «воры опасаются опытных, заслуживающих доверия и проверенных следователей, на которых не могут повлиять», а также дал понять, что бессмысленно рассчитывать на то, что он позволит кому бы то ни было использовать Гану как «дойную корову».

Разумеется, хроника предвыборной кампании не обходилась и без криминальных новостей, и без сообщений о проявлениях политического насилия (в основном сепаратистами Западного Тоголенда в регионе Вольта). Проявления насилия конкурирующими партиями и их сторонниками именно в связи с предвыборной борьбой настолько незначительны на общеафриканском фоне, что комментаторы в других странах (вроде Нигерии) реагируют на эти проявления фразами вроде «нам бы ваши заботы». В воскресенье 25 октября в избирательном округе Одододиодио (в Джеймстауне в Большой Аккре) местные члены НДК вышли с утра пораньше на пешую оздоровительную (sic!) прогулку под руководством депутата парламента от этого округа Эдвина Нии Ланте Вандерпуийе и при участии основных местных партийных функционеров, а также сторонников партии. Между участниками мероприятия и местными сторонниками НПП произошло, как сообщили средства массовой информации, кровавое столкновение (оппоненты забрасывали друг друга камнями и бутылками), по итогам которого примерно десять раненых были доставлены на дополнительное оздоровление в учебную больницу Корле Бу. Что касается повреждений имущества, то в этот раз пострадал, как сообщали, один-единственный мотоцикл с коляской.

О нем-то и рассказал подробности кандидат в депутаты от НПП от того же округа Эдвард Патрик Нии Ланте Баннерман на следующий день на пресс-конференции: мотоцикл принимал участие в оздоровительной прогулке активистов и сторонников НДК и был наполнен пустыми бутылками. Э.П.Н.Л. Баннерман добавил также к ранее сообщенной в новостях информации, что еще до столкновения на шоссе Атта Миллс некоторые сторонники НДК осадили и разгромили канцелярию партии НПП, располагавшуюся поблизости,

и задал риторический вопрос: «Если этот инцидент не был запланирован заранее, почему они везли пустые бутылки и что именно они собирались делать с этими предметами?» Организатором провокации он объявил Э.Н.Л. Вандерпуийе. А новостной ресурс «Graphic Online», который в течение ближайших дней после инцидента не смог связаться с прячущимся от звонков Э.Н.Л. Вандерпуийе, просто со ссылкой на информацию «очевидца» сообщил на всякий случай в первый же день, что «прогулки» в то воскресенье запланировали обе партии, а конфликт явился результатом *неразберихи*, возникшей при столкновении двух «прогулок». Стоит ли говорить, что «Graphic Online» не назвал этого информатора, умудрившегося быть очевидцем принятия решений *обеими партиями*, но почему-то не заметившего, что *неразберихе* предшествовал разгром канцелярии НПП...

Джеймс Оппонг-Боану, генеральный инспектор полиции Ганы, 4 ноября 2020 г. заявил на брифинге в Аккре, что в связи с беспорядками в Одододиодио арестованы уже пять человек и дело их уже передано в суд. Днем ранее местные отделения НПП и НДК заключили мирное соглашение между партиями и с инстанцией, контролирующей оборот легких вооружений и стрелкового оружия в стране (!), на период до, во время и после выборов 7 декабря. Это говорит о том, что в сравнении, скажем, с Нигерией Гана может считаться оазисом предвыборного мира и спокойствия, но всё же невозможно считать демократической избирательную кампанию, в ходе которой сначала противоборствующие стороны наносят друг другу увечья камнями и бутылками, а потом усаживать эти стороны за стол переговоров должны те, кто контролирует оборот отнюдь не камней и бутылок. Кстати, именно в Одододиодио жестокие столкновения между сторонниками НДК и сторонниками НПП происходили и раньше, в том числе в январе 2020 г. прямо на площади перед полицейским участком. О демократической избирательной кампании не придется говорить там, где законы сами по себе настолько недостаточны, что нужны (да и тоже без реальных гарантий) специ-

альные договоренности между теми или иными организациями о том, что они не будут попирали закон. С другой стороны, упорное умолчание ответственных инстанций о том, с чьей стороны арестованы те самые пятеро, лишней раз подтвердило готовность правящей партии стерпеть многое ради того, чтобы не накалять предвыборные страсти именно в отношениях с НДК. Не только Национальный совет мира (НСМ) и другие организации осудили столкновения в Одододиодио, с осуждением выступил и президент Н. Акуфо-Аддо, заявивший, что «эти действия были совершены легкомысленными умами, у которых не было никаких идей и хорошей репутации на выборах», но ни НСМ, ни президент никого конкретно не обвиняли.

К числу проявлений насилия в Гане, зачастую явно связанного с межпартийной конкуренцией, можно было бы отнести и нередкие случаи недозволенного обращения солдат, полицейских и служб безопасности с журналистами, да вот только информация о таких происшествиях зачастую, мягко говоря, оставляет вопросы. Летом 2019 г. один из арестованных службой национальной безопасности журналистов Эммануэль Аджафор Абугри (редактор новостного агентства Modern Ghana) в ряде интервью после своего освобождения из-под стражи заявил даже, что его пытали и избивали, чтобы вынудить признать свою вину. Обвинение касалось киберпреступности (sic!), хотя большинство средств массовой информации не считало случайным то, что Э.А. Абугри и его коллега из того же агентства были арестованы вскоре после опубликования ими новостных статей о министре национальной безопасности. Секретариат Совета национальной безопасности отверг обвинения в применении пыток и потребовал от журналиста пройти медицинское обследование для отыскания следов этих пыток. Разумеется, и без всяких следов тут как тут оказалась Международная федерация журналистов, потребовавшая расследования по факту насилия над журналистами и нарушения свободы прессы, а сам журналист подал в суд. Но вся эта история с Э.А. Абугри уместилась в несколько дней, а после 15 июля 2019 г. она внезапно перестала интересовать но-

востные агентства, ориентирующиеся на НДК (т.е. как раз те, которые ее раздували до названной даты), и вряд ли потому, что врачи до сих пор ищут следы пыток на теле журналиста...

Говоря о роли насилия в межпартийных отношениях, именно в случае с Ганой нельзя умолчать о таком явлении, как использование собственных дружинников (в каких-то случаях можно даже сказать: карателей) политическими партиями, называемое термином «вигилантизм», изначально обозначающим исполнителей внеправовых наказаний в отношении людей, совершивших или якобы совершивших те или иные проступки. Для Ганы использование дружинников политическими партиями давно уже стало серьезной проблемой, хотя на сегодняшний день в стране действует принятый в 2019 г. закон о вигилантизме и связанных с ним правонарушениях (закон 999). То, что в период правления НПП был принят этот закон, можно поставить ей в заслугу, а встречающиеся иной раз замечания о том, что запрет использования дружинников политическими партиями в большей мере ослабляет оппозицию, чем правящую партию, у которой и так в руках весь государственный аппарат, не отвечают на вопрос о том, что же мешало НДК в период его пребывания у власти провести такой же законодательный запрет — ведь не демократизм же, если речь идет о лицах и группах лиц, явно и с использованием силы подменяющих собой закон государства.

Взаимоотношения политических партий, в первую очередь в ходе предвыборной конкуренции, совокупность используемых ими в этой конкуренции средств и степень реального разнообразия партийных программ являются важнейшими факторами развития политической культуры гражданского общества не только сами по себе, но и постольку, поскольку опосредованы общественным мнением, на которое и призвана влиять партийная пропаганда. Эти факторы имеют особенное значение в обществах вроде Ганы, где они во многом обусловлены сохранением традиционных институтов и экономических связей, а также традиционным экономическим, правовым и моральным сознанием.

Список литературы

1. *Akin P.M., Ade O.F.* Democratic Consolidation in Africa: The Ghanaian Paradigm // International Journal of English Literature and Social Sciences (IJELS). — 2018. — Vol. 3. Issue 1: February. — P. 69–77.
2. *Armah S.* Nurturing Sustainable Prosperity in West Africa: Examples from Ghana. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. — XVIII. — 106 p.
3. *Ceesay L.* Corruption in Sub-Saharan Africa — An Impediment to Economic Growth // European Scientific Journal. — 2019. — Vol. 15. — No. 10: April. — P. 16–26.
4. *Owusu K.* A Decade of National Infrastructure for Peace: Assessing the Role of the National Peace Council in Ghanaian Elections. Master's thesis in Peace and Conflict Transformation. [Tromsø]: The Arctic University of Norway — University of Tromsø, 2017. — XVI. — 84 p.
5. *Stuppert W.* Political Mobilizations and Democratization in Sub-Saharan Africa. [Cham]: Springer, c2020. (Advances in African Economic, Social and Political Development). — VIII. — 161 p.

*И.С. Бондаренко,*кандидат технических наук, доцент,
НИТУ «МИСиС», г. Москва**ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОСНОВНЫХ ЗАДАЧ ОПТИМАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ
В УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ***I.S. Bondarenko,*PhD in technical Sciences, Associate Professor,
NUST «MISiS», Moscow**APPROACHES TO DETERMINING THE MAIN TASKS OF OPTIMAL PLANNING
IN THE COAL INDUSTRY OF RUSSIA**

Аннотация. За последние несколько десятилетий угольная промышленность России, как одна из значимых отраслей народного хозяйства, претерпела много изменений, связанных и с территориальными, и с экономическими трансформациями. Со времени разработки первых оптимальных планов в угольной промышленности минуло уже около полувека. Расширение масштабов производства, техническое перевооружение отрасли, структурные изменения в способах добычи, с одной стороны, ухудшение горно-геологических условий разработки угольных месторождений и усложнение экономической конъюнктуры использования угля в хозяйстве страны, с другой — явились объективными причинами поиска новых форм и методов управления в угольной промышленности.

В статье освещены основные вопросы и задачи оптимального планирования и управления в угольной промышленности, рассмотрены области эффективного использования оптимизационных расчетов при решении плановых и технико-экономических задач, требующие автоматизированного подхода в решении, и коротко изложена сущность этих задач. Представлена схема этапов реализации оптимальных планов и выработки управленческих решений на производствах угольной промышленности, подробно рассмотрены подходы, необходимые для постановки оптимизационных задач планирования и управления. Приведена классификация типов постановки оптимизационных задач в зависимости от признаков: времени, от способа разбиения оптимизируемой системы на отдельные подсистемы, от количества видов продукции, от способа описания множества альтернатив и т.д. В качестве рекомендации предложено решение автоматизированной реализации рассмотренных подходов в виде имитационной модели для формирования вариантов развития угольных предприятий.

Ключевые слова: угольная промышленность, оптимальное планирование, управление, автоматизация, технико-экономические показатели, экономико-математические модели, имитационная модель, оптимизация, задачи оптимального планирования, развитие предприятий, структурный анализ.

Abstract. Over the past few decades, the coal industry in Russia, as one of the most important sectors of the national economy, has undergone many changes associated with both territorial and economic transformations. About half a century has passed since the development of the first optimal plans in the coal industry. Expansion of the scale of production, technical re-equipment of the industry, structural changes in mining methods, on the one hand, the deterioration of the mining and geological conditions for the development of coal deposits and the complication of the economic conjuncture of the use of coal in the country's economy, on the other hand, were objective reasons for the search for new forms and methods of management in coal industry.

The article highlights the main issues and tasks of optimal planning and management in the coal industry, discusses the areas of effective use of optimization calculations when solving planned and technical and economic problems that require an automated approach to solving, and briefly outlines the essence of these tasks. A diagram of the stages of the implementation of optimal plans and the development of management decisions in the coal industry is presented, the approaches necessary for the formulation of optimization planning and management problems are considered in detail. A

classification of the types of setting optimization problems is given depending on the characteristics: time, on the method of dividing the optimized system into separate subsystems, on the number of types of products, on the way of describing the set of alternatives, etc. As a recommendation, a solution to the automated implementation of the considered approaches in the form of a simulation model for the formation of options for the development of coal enterprises is proposed.

Key words: coal industry, optimal planning, management, automation, technical and economic indicators, economic and mathematical models, simulation model, optimization, optimal planning problems, enterprise development, structural analysis.

Разработка оптимальных планов на предприятиях угольной промышленности — одна из ключевых и постоянно актуальных задач. Со времени разработки первых оптимальных планов в угольной промышленности в нашей стране минуло уже около полувека. За это время произошли крупные перемены в системе управления угольной отраслью и в технологиях и механизации добычи угля.

Изменения масштабов производства, техническое перевооружение отрасли, структурные изменения в способах добычи, ухудшение горно-геологических условий разработки угольных месторождений и другие факторы являются постоянными объективными причинами поиска новых форм и методов управления предприятиями угольной промышленности, где основная часть задач лежит в области совершенствования методов планирования.

Следует выделить основные направления, по которым шло развитие этих методов:

- 1) повышение комплексности разработки планов и обеспечение их сбалансированности;
- 2) обеспечение оптимальности плановых решений;
- 3) обеспечение надежности планов;
- 4) автоматизация всех этапов разработки решений.

Развитию оптимального планирования в угольной промышленности, как одному из основных направлений совершенствования методов управления экономикой отрасли, придается важное значение. Естественно, что в наш век информационных технологий, искусственного интеллекта и больших данных четвертый метод стал не просто ключевым, а вобрал в себя все остальные.

Анализ опыта применения экономико-математических методов в угольной

промышленности показывает, что здесь сформировались определенные области эффективного использования оптимизационных расчетов при решении плановых и технико-экономических задач (табл. 1), которые требуют автоматизированного подхода в решении.

На современном этапе особенно востребованы в плане решений задач автоматизации области технико-экономических расчетов производственных процессов на шахтах и группа задач, входящая в область проектирования угольных предприятий.

Совершенствование методов оптимизации и их практической реализации в АСУ связаны с необходимостью создания общей системы оптимального планирования в угольной промышленности, охватывающей весь комплекс плановых задач для различных уровней управления и периодов планирования. Предпосылкой для создания этой системы является возможность обеспечения функционального взаимодействия различных оптимизационных задач путем взаимосвязи их входных и выходных параметров.

Совершенствование методов планирования производства в отрасли во многом связано с преодолением специфических трудностей, порождаемых особенностями угольного производства. Остановимся на главных из них и укажем на последствия, к которым они приводят. Во-первых, необходимо отметить сильное проявление динамики в развитии угледобывающих предприятий, из-за чего на верхних уровнях управления затруднена оценка производственного потенциала этих предприятий. Нестабильность производственного потенциала угледобывающих предприятий объясняется ограниченным сроком их действия из-за отработки запасов месторождений, а также спецификой производственных процессов на шахтах и разрезах [5].

Таблица 1

Области эффективного использования оптимизационных расчетов

№	Области использования оптимизационных расчетов	Сущность задач
1	Долгосрочные программы комплексного развития угольных бассейнов	Выбор приоритетных вариантов развития угольных месторождений
2	Схемы развития и размещения предприятий отрасли на перспективу	Определение наилучших технических вариантов развития и размещения предприятий, выбор схемы взаимного прикращения добывающих, перерабатывающих и использующих угольное сырье предприятий
3	Планирование развития отдельных производств отрасли	Распределение объемов и основных ресурсов между производствами по добыче угля и установление основных технико-экономических показателей по каждому
4	Технико-экономические расчеты производственных процессов на шахтах	Определение эксплуатационно-технических характеристик комбайнов (возможная производительность, режим работы); построение графиков организации работ в лавах; определение основных показателей очистных работ (численность рабочих в бригадах, расстановка рабочих, длительность цикла и нагрузка на лаву) и параметров транспортного обслуживания (маршруты движения составов, объем бункеров и резервных емкостей); составление календарных планов очистных и подготовительных работ и т.д.
5	Проектирование угольных предприятий	Определение оптимальных технических и экономических параметров производственных угольных предприятий (шахт, разрезов и обогатительных фабрик) для новых, реконструируемых и действующих предприятий

Для угледобывающих предприятий характерны периоды освоения производственной мощности, нормальной эксплуатации и постепенного затухания. Длительность каждого периода нельзя предсказать точно, так как оценка горно-геологических условий и запасов месторождений может быть сделана лишь с известной степенью приближения.

Для шахт характерны периодическое изменение структуры предприятия, вызванное выбытием старых и вводом новых лав, непрерывное перемещение рабочих мест и коммуникаций в пространстве, подвигание фронта очистных и подготовительных работ, переход на новые горизонты, изменение длины транспортных линий и положения погрузочных пунктов. Изменчивость производственной ситуации на шахтах приводит к необходимости часто пересматривать их производственную мощность.

Следующей особенностью угледобывающей отрасли является зависимость от природных условий. По мере эксплуатации месторождений отчетливо проявляет-

ся тенденция к усложнению горно-геологических условий, которая объясняется увеличением глубины разработки и протяженности горных выработок, а также первоочередностью отработки благоприятно расположенных участков.

С ростом глубины повышается газообильность, ухудшается состояние почвы и кровли, усиливается опасность внезапных выбросов угля и газа [3]. Ухудшение горно-геологических условий является существенным препятствием повышения производительности труда и снижения себестоимости.

Серьезной проблемой развития угольной промышленности исторически является диспропорция между запасами угольных месторождений страны и наличием трудовых ресурсов на территории этих месторождений.

В этих условиях множества неопределенностей актуализируется и проблема совершенствования системы управления производственным предприятием угольной промышленности. В условиях, когда происходит переориентация методов

планирования и управления, в основном, нормативного, на целевое и ситуационное повышается роль управленца (лица, принимающего решения — ЛПР). При изменяющейся экономической ситуации управленец может менять процесс управления производством, изменяя цели и условия своей деятельности [7]. Конечно, главным в выборе управляющего воздействия являются опыт и знания ЛПР, учет им влияния внешней среды, собственные установки, их временной горизонт. Для сопоставления управляющего решения с ресурсными возможностями предприятия, для согласования с заинтересованными сторонами, заказчиками управленец должен иметь возможность всесторонне обосновать свой выбор, в том числе дать ему количественную оценку.

ЛПР, обосновывая свой выбор, с одной стороны, стремится к тому, чтобы количественная оценка управляющего решения

была получена с учетом максимально возможной информации о ходе производственного процесса, а с другой стороны, ему нужно получить количественную оценку в максимально короткий срок. Таким образом, необходимо при помощи автоматизированной среды обеспечить мобильность следующих процессов:

- принятия управляющих решений,
- поиска их альтернативных вариантов,
- выбора наилучшего варианта,
- количественной оценки производственного выбора.

Анализ разработок в области оптимального планирования и управления в отрасли позволил выделить основные этапы реализации автоматизированного подхода в построении оптимальных планов и выработки управленческих решений на производствах угольной промышленности (рис. 1).

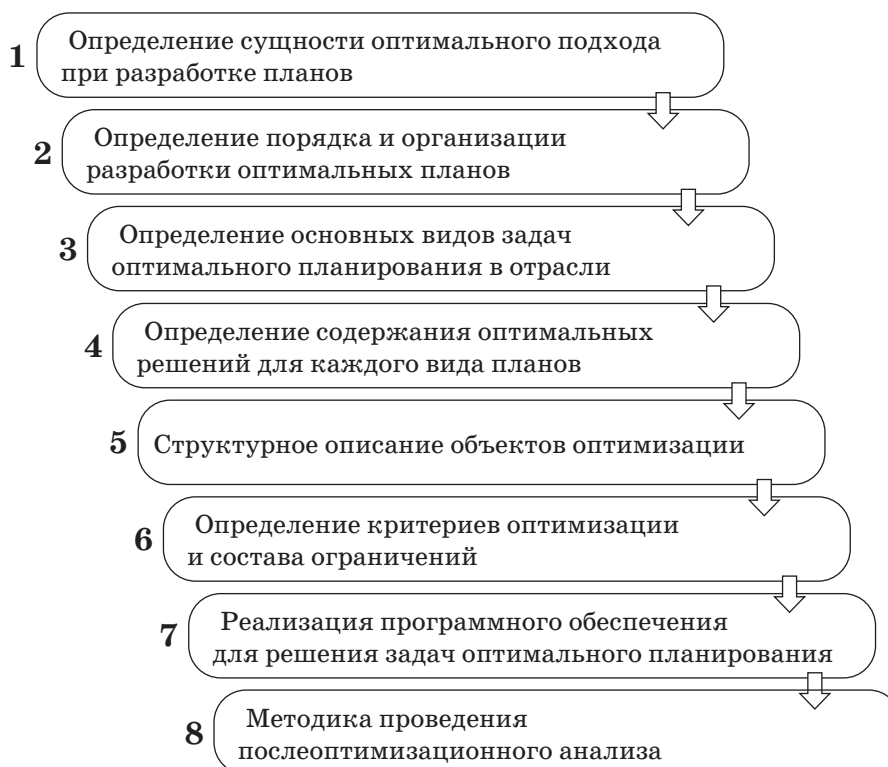

Рис. 1. Схема этапов реализации оптимальных планов и выработки управленческих решений на производствах угольной промышленности

В задачу данной статьи не входит подробное описание всех этапов. Здесь нам интересно рассмотреть подходы, необходимые для постановки оптимизационных задач планирования и управления, которые могут быть реализованы на третьем

этапе.

В настоящее время роль оптимального планирования в угольной промышленности, так же как и в других отраслях, четко не регламентирована. Этим в известной степени объясняется наличие различных

типов постановок одинаковых по характеру задач. Поэтому, говоря о видах задач оптимального планирования в отрасли, необходимо отметить наиболее важные особенности, определяющие различные типы их постановок.

Каждая задача оптимального планирования в принципе должна соотноситься с каким-либо определенным видом планов (или проектов), реализуемых в принятой в отрасли системе планирования. Поэтому, так же как и для традиционных планов, основным структурным признаком каждой

задачи оптимального планирования, определяющим ее место в системе планирования, является указание периода планирования, для которого предназначена данная задача. Таким образом, оптимальные планы могут быть долгосрочными, среднесрочными, текущими и оперативными. А для того, чтобы можно было обеспечить более строгое согласование планов по времени, составление оптимальных планов организуют обычно по схеме непрерывного (скользящего) планирования (рис. 2).

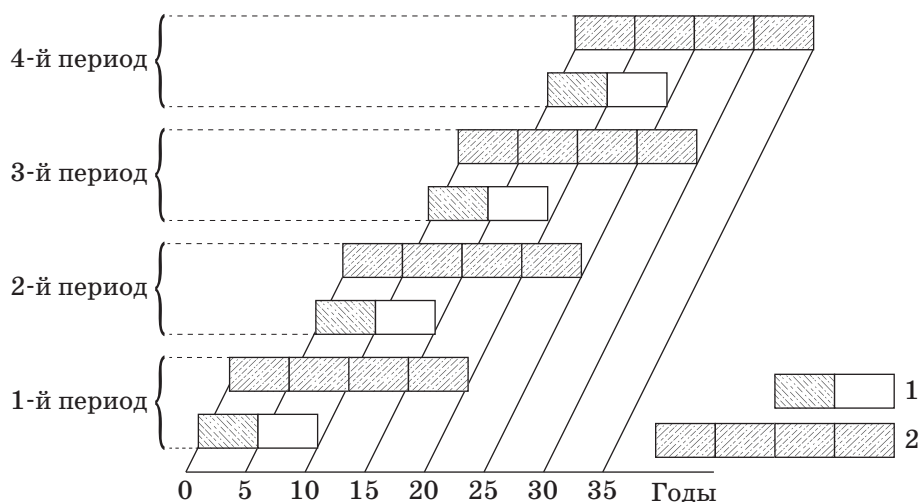

Рис. 2. Схема скользящего планирования: 1 — проекты экономического развития; 2 — комплексная программа научного, программно-технического развития

Тип постановки оптимизационной задачи характеризуется рядом признаков. В зависимости от того, к какому периоду (отрезку) времени относится решение, задачи оптимального планирования и управления формулируются в *статической* и *динамической* постановке. При статической постановке значения всех оптимизируемых показателей делятся на последний год периода планирования. Динамическая постановка задач оптимального планирования требует согласования во времени последовательных этапов развития и функционирования рассматриваемых объектов [6].

В зависимости от способа разбиения оптимизируемой системы на отдельные подсистемы задачи оптимального планирования и управления могут формулироваться как *одноступенчатые*, так и *многоступенчатые* (двух, трех и более ступеней). При одноступенчатой поста-

новке оптимальное решение достигается на основе единой оптимизационной модели, а при многоступенчатой модель разбивается на отдельные блоки и оптимизация осуществляется поблочно. Примером многоступенчатой задачи является один из вариантов оптимизации общей схемы развития компании и размещения ее предприятий, при которой оптимизация осуществляется по отдельным бассейнам. Одноступенчатые и многоступенчатые задачи оптимального планирования и управления обладают противоположными преимуществами и недостатками. При одноступенчатой постановке непосредственно обеспечивается оптимальное решение в результате комплексного охвата всей системы, однако сбор и подготовка исходных данных, а также реализация программного решения сопряжены с серьезными трудностями из-за больших размеров задачи. Напротив, многоступенчатые задачи про-

ще в реализации, однако здесь возникает проблема получения точного оптимума по всей системе в целом.

По характеру учета связей с другими системами задачи оптимального планирования делятся на *закрытые* и *открытые*. Закрытая постановка основывается на предположении об изолированности объекта планирования от внешней среды. В качестве примера закрытой задачи оптимального планирования можно привести распределительную задачу, в которой рассматривается случай, когда суммарный объем наличных ресурсов равен общей потребности в них. При открытой постановке учитываются те или иные внешние воздействия, которые может испытывать рассматриваемая оптимизируемая система. Та же распределительная задача в открытой постановке учитывает, что имеющиеся ресурсы и потребности в них могут не совпадать [8]. В этом случае решение задачи заключается не только в наилучшем распределении ресурсов, но и в отборе тех потребностей, которые нужно и можно удовлетворить (когда ресурсов не хватает), или же в исключении тех видов ресурсов, без которых можно обойтись (когда ресурсы в избытке).

В зависимости от количества видов продукции, фигурирующих в условиях задачи, они могут быть *однопродуктовые* и *многопродуктовые*. В однопродуктовых задачах уголь не подразделяется на виды, марки и сорта, в то время как в многопродуктовой постановке угольная продукция представляется своими видами, марками и сортами.

В зависимости от способа описания множества альтернатив задачи оптимального планирования могут быть сформулированы в *дискретной* или *непрерывной* постановке. При дискретной постановке по каждому из рассматриваемых первичных объектов оптимизации составляется несколько вариантов их развития и совершенствования, которые различаются техническими и организационными решениями, а также значениями технико-экономических показателей. В результате оптимизации для каждого объекта выбирается какой-либо один из представленного множества вариантов или же не выбирается ни один. Варианты развития предприя-

тий составляются заранее, для чего министерством к этой работе привлекаются научно-исследовательские и проектные институты. Существует довольно много направлений развития предприятий, поэтому число вариантов, представляющих собой сочетание любых из этих направлений, может быть чрезвычайно большим.

Формирование вариантов развития предприятий — трудоемкий процесс, требующий обширной исходной информации и серьезной проработки предлагаемых проектных решений по каждому рассматриваемому объекту и в том числе расчета технико-экономических показателей их функционирования. Это, с одной стороны, усложняет контроль подготовки вариантов, увеличивает число ошибок и время проведения оптимизационных расчетов. С другой стороны, стремление сократить число вариантов связано с опасностью «пропустить» вариант, который обеспечит лучшее знание критерия оптимальности. Таким образом, следует рассматривать только такие варианты, которые имеют друг перед другом какие-либо преимущества (по экономичности, объему добычи, производительности труда, качеству выпускаемой продукции, срокам осуществления капитальных мероприятий), и исключать варианты неконкурентоспособные.

Составление вариантов является в большинстве случаев неформализованным и в известной мере субъективным процессом, зависящим от многих факторов, в том числе от экспертных знаний и заинтересованности их авторов.

При непрерывной постановке не требуется заранее задавать варианты развития предприятий. Если, например, в качестве переменной величины выбрать производственную мощность предприятия и допустить, что она может принимать любое значение в определенных пределах, то в этом случае как бы стираются границы между вариантами и в результате они будут представлены в виде непрерывной совокупности. При этом в безвариантную модель должны быть включены зависимости, которые позволяют учитывать изменения технико-экономических показателей от производственной мощности [2]. Такие модели более компактны, для их реализации,

как правило, требуется меньший объем исходных данных и они позволяют в определенной мере преодолеть субъективизм при подготовке вариантов. Однако эти модели недостаточно полно описывают изменение структуры производства в зависимости от определяемой в ходе решения величины затрат. Поэтому сфера безвариантных моделей охватывает, как правило, верхние уровни управления [4]. На тех уровнях, где участвуют непосредственно предприятия и рассматриваются конкретные альтернативные мероприятия, использование безвариантных моделей практически неэффективно.

В заключение следует отметить, что в такой сложной системе, как угольная промышленность, объединяющей в себе множество производственных объектов, практически нельзя выработать уникальную для всех систему централизованного управления и подготовки вариантов оптимальных планов, используя определенные виды рассмотренных подходов, так как состояние местных условий и производственных возможностей каждого объекта может быть разным. Поэтому, применяя методы оптимального планирования, необходимым решением проблемы формирования вариантов является внедрение автоматизации процесса разработки вариантов развития предприятий на основе имитационных моделей. В рамках исследовательской работы гранта Российского научного фонда (проект №17-11-01353) была разработана имитационная модель для усовершенствования системы управления основным производственным процессом разреза «Победный». Усовершенствование системы управления предполагало интеграцию системы управления на всех стадиях производства [1]. Описание имитационной модели системы поддержки принятия решений объединяет описание объекта,

системы управления и системы экономического анализа и будет подробно рассмотрено в следующих работах.

Список литературы

1. *Кривоножко В.Е., Форсунд Ф.Р., Лычев А.В.* Улучшение эффективного фронта в методологии анализа среды функционирования // Доклады Академии наук. — 2016. — Т. 471. — № 4. — С. 398–402.
2. *Куприянов В.В.* Компьютерные системы поддержки принятия решений: учеб. пособие. — М.: МГТУ, 2010. — 98 с.
3. *Куприянов В.В., Мацкевич О.А., Бондаренко И.С.* Параметрические и непараметрические модели прогнозирования нештатных ситуаций в подземных горных выработках // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). — 2018. — № 3. — С. 200–207.
4. *Курносоев А.М., Кудин И.Б.* Безвариантный метод оптимизации комплексного развития угольного бассейна. — М.: Изд. ИГД им. А.А. Скочинского, 1999.
5. *Мальшев Ю.Н., Зыков В.М.* Угольная промышленность в России в XXI веке // Российский уголь (www.rosugol.ru). — М, 2019.
6. Принципы создания системы оптимального планирования производства в угольной промышленности. Модели оптимизации, их методическое и математическое обеспечение / А.С. Астахов, Э.И. Гойзман, М.К. Ерохина и др. // Науч. труды ЦНИЭИуголь. — 1975. — Вып. 22. — С. 3–73.
7. *Фролов Д.Л., Фролова А.Ю., Бондаренко И.С.* Оптимизация процесса выбора электрооборудования при проектировании строительства промышленных объектов // Горный информационно-аналитический бюллетень. — 2017. — № 6. — С. 177–182.
8. *Modern American coal mining: methods and applications / Ed. by C.J. Bise.* — Englewood, Colorado: SME, 2014. — 576 p.

В.А. Дадалко,
 доктор экономических наук, профессор,
 действительный член (академик) Академии военных наук РФ,
 советник ректора,
 Институт мировых цивилизаций, Москва,
 профессор кафедры теории и методологии государственного управления,
 ФГКОУ ВО «Академия управления МВД РФ», Москва

А.В. Назарчук,
 аспирант,
 кафедра экономики и менеджмента,
 Международный университет «МИТСО», Республика Беларусь, Минск

ТРАНЗИТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

V.A. Dadalko,
 Doctor of Economics, Professor,
 Full Member (Academician) Academy of Military Sciences of Russia,
 Advisor to the Rector,
 Institute of World Civilizations, Moscow,
 Professor of the Department of State Management Theory and Methodology,
 Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow
 E-mail: antikrizis1@bk.ru

A.V. Nazarchuk,
 Postgraduate Student,
 Economic and Management Department,
 International University "MITSO", Republic of Belarus, Minsk
 E-mail: a.v.nazarchuk@yandex.by

TRANSIT CAPACITY AND ECONOMIC SECURITY OF THE STATE: CONCEPTS INTERRELATION

Аннотация. Статья посвящена исследованию места развития транзитного потенциала в системе обеспечения национальной безопасности и имеет своей основной целью определение специфики его влияния на ее экономическую составляющую. Предметом изучения выступает транзитный потенциал Республики Беларусь, который рассматривается как комплексное явление в рамках применения такого метода научного познания, как системный анализ. Рассматриваются предпосылки необходимости обращения к транзитному потенциалу как неотъемлемому ресурсу государства в связи с его функциональными особенностями, обуславливающими приток денежных средств в доходную часть бюджета. Исследуются существующие подходы к определению понятия, делается заключение об их преимущественно логистической направленности и превалировании восприятия транзитного потенциала как явления поддерживающего характера. В рамках обоснования особенностей экономического развития на современном этапе формируется авторская дефиниция термина, отражающая его корреляцию с системой обеспечения национальной безопасности государства. Обозреваются особенности транзитного потенциала Республики Беларусь, резюмируются положения о его субъективном характере в контексте подверженности влиянию многих факторов. В заключении делаются выводы о возможностях и специфике аналитического исследования транзитного потенциала как средства обеспечения экономической безопасности государства, которые совокупно определяют новизну проведенного исследования.

Ключевые слова: транзит, транзитный потенциал, национальная безопасность, экономическая безопасность, логистика, транспорт, международная торговля, товарно-транспортные потоки.

Abstract. The article deals with the study of the position of transit capacity enhancement in the system of ensuring national security and is purposed to identify the specifics of its impact on its economic

component. The subject of the study is the transit capacity of the Republic of Belarus, which is considered as a complex phenomenon within the application of such a method of scientific knowledge as system analysis. The article considers the prerequisites for the need to address the transit capacity as an integral resource of the State in connection with its functional features that cause the inflow of funds to the budget revenue. Approaches to the definition of the concept are researched, the conclusions about their mainly logistical orientation and the predominance of the perception of transit capacity as a supporting phenomenon are drawn. The author's definition of the term reflecting its correlation with the system of ensuring national security of the State is formed within the framework of substantiating the features of current economic growth. The features of the transit capacity of Belarus are reviewed, the provisions on its subjective nature in the context of exposure to the influence of many factors are summarized. In conclusion, the scope and peculiarities of analytical study of transit capacity as a means of ensuring the economic security of the State are resumed which collectively determine the novelty of the study.

Key words: transit, transit capacity, national security, economic security, logistics, transport, international trade, commodity and transport flows.

Введение. В условиях интенсификации процессов глобализации, характеризующихся такими позитивными явлениями, как углубление международного разделения труда, эффективное распределение мировых и национальных ресурсов, снижение цен на продукцию, мотивация к созданию новых технологий, увеличение количества финансовых инструментов на рынке, создание базы для решения глобальных проблем человечества [2, с. 63–64] и пр., все чаще можно констатировать становление новых и усложнение уже существующих рисков и угроз.

Очевидно, что глубокая взаимосвязь мировых экономик, объективно обусловленная глобализацией по причине сформированности прочных торговых и производственных связей, становится причиной их чувствительности к кризисным явлениям различного характера, которые оказывают воздействие на состояние национальной безопасности государств. Указанное воздействие может проявляться практически во всех сферах, поскольку риски и угрозы национальной безопасности носят комплексный и взаимосвязанный характер. При этом достаточно четко определенной представляется специфика рассматриваемого воздействия, которая проявляется в общем угнетении темпов инклюзивного развития, одной из составляющих которого является устойчивый экономический рост, достижимый через планомерное обеспечения достаточного уровня экономической безопасности государства, механизмы и средства которого, находясь в перманент-

ном исследовательском поле, в настоящее время приобретают особую актуальность.

Среди обширной совокупности средств обеспечения экономической безопасности особого внимания заслуживает развитие транзитного потенциала государства, связанное с тем фактом, что, несмотря на достаточно обширное освещение данной категории в научных источниках, а также закрепление связи экономической безопасности и транзитного потенциала на правовом уровне в программных документах, в отечественной исследовательской практике почти отсутствует опыт изучения данных понятий в комплексе или взаимной корреляции.

Таким образом, необходимым представляется разрешение вопроса определения влияния транзитного потенциала на систему национальной безопасности государства, который является целью данной работы и исследуется в ее рамках на примере Республики Беларусь.

Цель работы достигается посредством реализации следующих задач:

- раскрытие понятия «транзитный потенциал» и установление его места в системе национальной безопасности государства;
- систематизация национальных особенностей транзитного потенциала Республики Беларусь;
- осуществление анализа показателей, характеризующих категории «транзитный потенциал» и «экономическая безопасность» в Республике Беларусь.

Поставленная цель и выбранные задачи обуславливают выбор в качестве основного гносеологического инструмента такого направления методологии научного исследования, как системный подход, что, прежде всего, связано с его универсальностью, возможностью наделения специфическими особенностями, присущими той или иной области применения [8, с. 38], необходимыми для изучения многомерности категории «транзитный потенциал», открытого множества ее элементов, а также восприятия данного понятия как самостоятельной подсистемы собственно экономической безопасности.

Результаты исследования. В целом, понятие «транзитный потенциал» не представляется принципиально новым. Его комплексным изучением занимаются такие белорусские исследователи, как Р.Б. Ивуть, А.С. Зиневич, Н.Г. Кудряшов. Рассмотрению некоторых аспектов описываемой категории также посвящены работы А.Д. Молоковича, П.А. Дроздова, А.А. Королевой, А.А. Дутиной, И.А. Елового, Т.В. Романьковой, Д.М. Антюшени и пр. Тема транзитного потенциала также получает развитие в работах российских авторов О.Н. Ларина, Э.В. Альметовой и др.

Так, Р.Б. Ивуть, А.Ф. Зубрицкий, А.С. Зиневич отмечают, что «...понятие «транзитный потенциал» означает совокупность внешних и внутренних факторов, определяющих возможности данной страны (региона) по оказанию транспортно-логистических услуг и иных сопутствующих услуг в целях обслуживания международных транзитных потоков грузов и пассажиров, следующих по ее территории» [4, с. 20].

П.А. Дроздов предлагает этимологический подход к феномену транзитного потенциала. Приводя этимологию составляющих его терминов, автор называет транзитный потенциал совокупностью «...всех имеющихся у страны возможностей и ресурсов по обеспечению прохождения через ее территорию грузо- и пассажиропотоков третьих стран» [1, с. 53].

Н.Г. Кудряшов и А.А. Нечай пишут, что транзитный потенциал следует воспринимать «как экономический ресурс, имеющий свою структуру, особенности и возможности

реализации». Он «включает в себя предельно возможную совокупность внутренних средств и способностей по обслуживанию международных потоков грузов и пассажиров, следующих по территории страны при условии нахождения пунктов отправления и назначения за пределами национальной границы» [5, с. 92–93].

Приведенные определения позволяют констатировать, что общее семантическое направление существующих работ связывается с логистическим значением понятия «транзитный потенциал» и в большей мере тяготеет к его рассмотрению исключительно как фактора социально-экономического развития без оперирования категориями в рамках теории безопасности. Также стоит отметить, что понятие транзитного потенциала, преимущественно, наделяется поддерживающими чертами и рассматривается как факультативный ресурс, что подтверждается формированием его смыслового поля через такие лексемы как «обслуживание», «обеспечение», «оказание услуг».

При этом, однако, малочисленные попытки исследовать особенности взаимосвязи транзитного потенциала и системы национальной безопасности предпринимались ранее и условно дифференцируются по двум направлениям.

Первое направление связано с изучением экономической безопасности транзитного потенциала, которое фактически подразумевает рассмотрение транспортно-логистического комплекса как макросубъекта хозяйствования, анализ рисков и угроз его функционированию и выработку мер для обеспечения эффективности, стабильности его деятельности, т.е. фактически сводится к экономической безопасности предприятия. Данное направление представлено трудами таких исследователей, как С.Л. Сазонов, В.А. Цветков, К.Х. Зоидов, А.А. Медков.

Второе направление исходит из принятия развития транзитного потенциала как средства обеспечения экономической безопасности государства. Основы указанного направления прослеживаются в исследованиях Г.Г. Рахматулиной.

Обращение именно ко второму направлению является исходным моментом в раз-

работке проблематики, определенной авторами данной работы.

Для формулировки альтернативного определения понятия «транзитный потенциал», в первую очередь, необходимо обратиться к базовым основам необходимости его включения в современные системы обеспечения национальной безопасности.

По мнению авторов, данная необходимость сопряжена с двумя основными факторами.

Первый фактор базируется на функциональных особенностях транзитного потенциала. Как отмечают В.И. Яковчук и А.В. Рудюк, «развитие транзитного потенциала способствует увеличению прямых денежных поступлений в виде оплаты транспортных и сопутствующих услуг, которые получает транзитная страна...» [10, с. 227]. Кроме этого, по мнению И.В. Жука и В.С. Миленко, «дополнительные доходы, полученные от развития транзита, могут значительно повлиять на увеличение занятости населения в сфере услуг» [3, с. 131].

Очевидно, что указанные преимущества напрямую коррелируют с целью обеспечения экономической безопасности.

Второй фактор связан с доминирующими тенденциями в развитии систем национальной безопасности, упор в развитии которых делается на положения, включающие стремление к переходу в эпоху инновационных экономик, одним из свойств которых является превалирование принципов интенсивного экономического роста в противовес экстенсивному экономическому росту.

Будучи по своей первоприроде «врожденным» ресурсом, транзитный потенциал большинства государств на данный момент описывается как находящийся на стадии материальной сформированности транспортно-логистического комплекса, что, в свою очередь, обуславливает специфику его развития не с помощью количественного увеличения факторов производства, а на основании внедрения инновационных управленческих практик.

Следовательно, в рамках теории безопасности транзитный потенциал можно описать как средство обеспечения экономической составляющей национальной безопасности, заключающееся в способности субъектов транзита и субъектов ре-

ализации транзитного потенциала гарантировать следование объектов транзита через территорию транзитного государства, сопряженной с получением экономических выгод за оказанную услугу. При этом стремление к максимизации указанных выгод в данном контексте видится авторами как доминантное направление совершенствования транзитного потенциала.

Проблематике транзитного потенциала в Республике Беларусь уделяется особое внимание. Транзитный потенциал воспринимается как один из главных драйверов экономического роста ввиду отсутствия массивной ресурсной базы. Придание транзитному потенциалу значимости связано и с достаточно выгодным географическим положением Республики Беларусь, укрепляемым ее членством в Евразийском экономическом союзе и участием в инициативе «Один пояс, один путь», что в совокупности является предпосылкой для трансформации государства в основной транспортный хаб между Востоком и Западом.

В рассматриваемом контексте интерес представляет оценка динамики развития транзитного потенциала, доступная через анализ статистических показателей, характеризующих объем логистических и транспортно-экспедиционных услуг. Обзор указанных показателей приведен в табл. 1.

Приведенный материал указывает на то, что предоставление транзитных услуг не оказывает значительного влияния на ВВП: на протяжении 2017–2019 гг. доля логистических услуг по обработке транзитных грузов не достигала 1% от общего объема ВВП.

Отношение объемов логистических услуг, связанных с обработкой транзита, к общему объему логистических услуг, при этом остается практически на одинаковом уровне, не превышая максимума 2017 г. — 26%.

Интерес представляет то, что, несмотря на предпринимаемые меры в сфере развития транзитного потенциала, объем логистических услуг, связанных с обработкой транзита, в 2019 г. уменьшился на 34% по сравнению с 2017 г.

В отношении данного явления авторы, ссылаясь на мнение экспертов [7], полагают, что сам объем транзита представляет

собой экзогенную величину, которая во многом зависит от интенсивности товаропотоков, чувствительной к любым изменениям рынка и общей экономической ситуации в мире.

Учитывая изложенное, целесообразной представляется оценка влияния транзитного потенциала на состояние экономической безопасности через показатели объема перевозок грузов на основании проведения корреляционного анализа, который, как пишет К.Э. Плохотников, «имеет своей задачей количественное определение тесноты связи между двумя признаками (при парной связи) и между результативным и множеством факторных признаков (при многофакторной связи)» [6, с. 61]. Корреляционный анализ также призван

установить направление связи между оцениваемыми показателями.

Для реализации корреляционного анализа выбраны следующие показатели (табл. 2):

- объем ВВП как обобщенный индикатор экономической безопасности по причине его отнесения к важнейшим макроэкономическим показателям, применяемым для оценки темпов развития производства, характеристики структуры народного хозяйства и других макроэкономических пропорций [9, с. 69];
- объемы перевозки грузов, объемы оказываемых логистических услуг как показатели, характеризующие транзитный потенциал.

Таблица 1

**Логистические услуги по обработке транзитных грузов
в общем объеме логистических услуг^{1,2}**

Показатель	2017	2018	2019
Объем ВВП, млн USD	54730	60030	63080
Объем оказанных логистических услуг, млн USD	153,6	148,4	106,9
Объем оказанных логистических услуг по обработке транзитных грузов, млн USD	39,6	26,7	26,3
Оказанные логистические услуги по обработке транзитных грузов к объему ВВП	0,07%	0,04%	0,04%
Оказанные логистические услуги по обработке транзитных грузов к объему оказанных логистических услуг	26%	18%	25%

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа^{1,3,4}

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019
Объем ВВП, млн BYN (а)	89909,8	94949	105748	122320	134732
Объем перевезенных грузов, тыс. т (б)	447212	417643	439471	455503	427849
Общий объем логистических услуг, тыс. BYN (в)	—	—	296720,5	302218,3	223575,6
Коэффициент корреляции (б) к (а)	0,07				
Коэффициент корреляции (в) к (б)	0,85				

¹ Отчет о логистической транспортно-экспедиционной деятельности по форме 1-логистика (Минтранс)/ Минтранс Республики Беларусь. [Минск], 1999–2019. — URL: <https://www.mintrans.gov.by/ru/r2/> (дата обращения: 08.01.2021).

² GDP (current US\$) — Belarus/ The World Bank Group. 2021. — URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=BY&name_desc=true (дата обращения: 08.01.2021).

³ О второй оценке валового внутреннего продукта/ Белстат. [Минск], 1998–2021. — URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/natsionalnye-scheta/operativnye-dannye/> (дата обращения: 09.01.2021).

⁴ Транспорт. Годовые данные. Перевозки грузов по видам транспорта / Белстат. [Минск], 1998–2021. — URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/transport/> (дата обращения: 09.01.2021).

Накладывая результаты проведенного анализа на интерпретирующую шкалу Чеддока, авторы считают целесообразным заключить, что:

- между приведенными показателями имеется связь различной интенсивности, однако во всех случаях она носит прямой характер (т.е. при увеличении одного из показателей происходит увеличение второго);
- корреляция между объемом перевезенных грузов и объемом ВВП практически отсутствует, что, вероятно, связано с некоторой разнородностью приведенных показателей и методологической невозможностью установления непосредственной прямой связи между конкретным стоимостным показателем транзитного потенциала и ВВП в силу субъективности первого, что уже упоминалось ранее;
- связь между объемом оказываемых логистических услуг и объемом перевезенных грузов оценивается как сильная, что определяет указанные показатели как значительно взаимообусловленные.

Выводы. По итогам проведенного исследования можно утверждать, что транзитный потенциал представляет собой многомерную категорию, исследование которой производится в различных ракурсах, одним из которых является плоскость теории безопасности.

Рассмотрение транзитного потенциала как средства обеспечения экономической составляющей национальной безопасности обусловлено трансформацией модели современной государственности, связанной со стремлением к формированию инновационных экономик, основным направлением развития которых является интенсивный экономический рост, в поле которого и находится массивное применение транзитного потенциала.

Основная сложность, сопряженная с развитием транзитного потенциала как средства обеспечения экономической безопасности, установленная при проведении математических расчетов, — его зависимость от большого числа разнохарактерных факторов, которые, во-первых, могут не поддаваться корректному количествен-

ному описанию, во-вторых, по причине своей случайности или хаотичности воздействия непригодны для включения в аналитические системы, в-третьих, из-за своей субъективной отдаленности могут быть не учтены при его оценке.

Таким образом, при рассмотрении транзитного потенциала в теории безопасности его необходимо исследовать как систему в системе, т.е. принимая во внимание динамику взаимодействия элементов, а также цели, сущность и специфику функционирования каждой из них.

Список литературы

1. Дроздов, П.А. Транзитный потенциал Республики Беларусь: состояние и развитие [Текст] / П.А. Дроздов // Логистические системы и процессы в условиях экономической нестабильности: материалы V Международной заочной научно-практической конференции, Минск, 06–07 декабря 2017 г. / Белорусский государственный аграрный технический университет; редкол.: В.В. Апанасович [и др.]. — Минск, 2017. — С. 52–62.
2. Дюдеева, Е.А. Глобализация: факторы и последствия [Текст] // Природа, противоречия и перспективы процессов глобализации начала XXI века: монография / Под ред. М.Л. Альпидовской, Д.П. Соколова, Н.В. Цхададзе. — Майкоп: Издательство «Электронные издательские технологии», 2020. — С. 62–73.
3. Жук, И.В. Транзитный потенциал Беларуси: оценка ближайшей перспективы [Текст] / И.В. Жук, В.С. Миленский // Белорусский экономический журнал. — 2011. — № 1. — С. 131–137.
4. Ивуть, Р.Б. Развитие транзитного потенциала Республики Беларусь в условиях формирования ее транспортно-логистической системы [Текст] / Р.Б. Ивуть, А.Ф. Зубрицкий, А.С. Зиневич // Новости науки и технологий. — 2015. — № 1. — С. 19–33.
5. Кудряшов, Н.Г. Транзитный потенциал: сущность, факторы реализации, подход к оценке [Текст] / Н.Г. Кудряшов, А.А. Нечай // Журнал международного права и международных отношений. — 2012. — № 3. — С. 92–99.
6. Плехотников, К.Э. Статистика [Электронный ресурс]: учеб. пособие / К.Э. Плехотников, С.В. Колков. — 4-е изд., стер. — М.: ФЛИНТА, 2012. — 288 с.

7. *Пустовит, В.* Что мешает развитию транзитного потенциала Беларуси?: [беседа с С. Дубиной, С. Федоровым, Н. Верховцом, Б. Фрициным, А. Скачковским]// Газета «Звезда». [Минск]. — 1998–2021. — <http://zvezda.by/be/news/20161010/1476113243-chto-meshaet-razvitiyu-tranzitnogo-potenciala-belarusi> (дата обращения: 09.01.2021).
8. *Тюрина, Ю.Г.* Теоретические аспекты применения системного подхода в научных исследованиях [Текст]/ Ю.Г. Тюрина// Научные вести. — 2019. — № 3. — С. 33–38.
9. *Экономическая безопасность: теория, методология, практика* [Текст]/ Под науч. ред. П.Г. Никитенко, В.Г. Булавко; Институт экономики НАН Беларуси. — Минск: Право и экономика, 2009. — 394 с.
10. *Яковчук, В.И.* Развитие транзитного потенциала Республики Беларусь [Текст]/ В.И. Яковчук, А.В. Рудюк// Среднерусский вестник общественных наук. — 2012. — № 2. — С. 227–234.

В.В. Земсков,доктор экономических наук, доцент,
Финансовый университет, Москва**НОРМА НАКОПЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ****V.V. Zemskov,**Doctor of Economics Sciences, Associate Professor,
Financial University, Moscow
E-mail: VVZemskov@fa.ru**THE RATE OF ACCUMULATION AS A FACTOR OF ENSURING ECONOMIC SECURITY**

Аннотация. Основной целью статьи является анализ существующих проблем, возникающих в процессе повышения эффективности инвестиционной привлекательности, соотношений инвестиционной отдачи и нормы накопления с учетом анализа произведенных затрат и полученного эффекта. В качестве задач исследования определены анализ существующих тенденций инвестиций в основной капитал, определения механизмов экономического стимулирования, повышения нормы прибыли. В данной работе рассматривается роль инвестиционной привлекательности, влияющая на норму накопления как фактора обеспечения экономической безопасности страны.

Лучшая мировая практика показывает, что оптимальная норма накопления колеблется от 10% до 40% от валового внутреннего продукта. Это означает, что развитые страны наиболее эффективно используют имеющиеся источники накоплений, начиная от создания добавленной стоимости на различных этапах бизнес процессов до внедрения новых механизмов экономического стимулирования, базирующиеся на притоке объема инвестиций.

Сделан вывод, что существующая норма накопления в стране в полной мере не обеспечивает достижения стратегических целей по устойчивому развитию экономики. В настоящее время одним из риск-факторов, оказывающих негативное влияние на норму накопления, является пандемия коронавируса COVID-19, а также резкое снижение курса национальной валюты из-за падения цен на мировом рынке на углеводородное сырье.

В целях повышения нормы накопления рекомендуется эффективно использовать достижения научно-технического прогресса, которые должны обеспечивать внедрение высокотехнологичных производств. Здесь в числе основных направлений можно отметить широкое внедрение технологий возобновляемых источников энергии, в частности, технологию Power-to-Heat, которая ведет к созданию безуглеродной экономики на основе производства водородного и синтетического топлива для различных отраслей экономики, начиная от отрасли жилищно-коммунального хозяйства до использования синтетического топлива для заправки автотранспорта. Однако в рамках данного исследования преимущества использования технологии Power-to-Heat не будут рассматриваться.

Ключевые слова: инвестиции в основной капитал, инвестиционная привлекательность, норма накопления, норма прибыли, обеспечение экономической безопасности.

Abstract. The main purpose of the article is analysis of existing problems in the process-CE improve the efficiency of investment attraction, ratio of investment return and accumulation rates, based on the analysis made of costs and effects. The objectives of the study are to analyze the existing trends of investment in fixed assets, to determine the mechanisms of economic incentives, to increase the rate of profit. This paper examines the role of investment attractiveness, which affects the rate of accumulation as a factor in ensuring the economic security of the country.

The best world practice shows that the optimal rate of accumulation ranges from 10% to 40% of the gross domestic product. This means that developed countries make the most effective use of available sources of savings, ranging from creating added value at various stages of business processes to introducing new mechanisms of economic stimulation based on the inflow of investment.

It is concluded that the existing rate of accumulation in the country does not fully ensure the achievement of strategic goals for sustainable economic development. Currently, one of the risk

factors that has a negative impact on the accumulation rate is the COVID-19 coronavirus pandemic, as well as a sharp decline in the national currency due to falling prices on the world market for hydrocarbon raw materials.

In order to increase the rate of accumulation, it is recommended to effectively use the achievements of scientific and technological progress, which should ensure the introduction of high-tech industries. Here, among the main directions, we can note the widespread introduction of renewable energy technologies, in particular, the Power-to-Heat technology, which leads to the creation of a carbon-free economy based on the production of hydrogen and synthetic fuels for various sectors of the economy, ranging from the housing and utilities sector to the use of synthetic fuels for refueling vehicles. However, the advantages of using Power-to-Heat technology will not be considered in this study.

Key words: investment in fixed assets, investment attractiveness, the rate of accumulation, the rate of profit, ensuring economic security.

Введение. Понятие «экономическая безопасность» охватывает весь комплекс мероприятий, на основе которых обеспечивается поступательное развитие экономики страны, хозяйствующих субъектов, целью которых является соблюдение баланса интересов государства, общества и личности, т.к. именно соблюдение данного баланса обеспечивает эффективность экономики.

В качестве источников экономического роста выступают различные финансовые механизмы экономического стимулирования. В последние годы роль внешних источников экономического роста заметно увеличилась в связи с введением против нашей страны различных механизмов санкционного давления, включая внешние источники заимствования и уменьшение объемов инвестиций. Подтверждением этого тезиса является публикация Центральным банком России статистических данных по итогам 2018 года. Так, чистый отток капитала из России в 2018 г. вырос с 25,2 млрд долл. в 2017 г. до 67,5 млрд долл. в 2018 г. или почти в 2,7 раза¹. Следовательно, основными источниками экономического роста становятся внутренние факторы, к которым можно отнести проведение сбалансированной денежно-кредитной политики, повышение инвестиционной привлекательности, внедрение новых механизмов экономического стимулирования, повышение нормы накопления как на уровне макроэкономики, так и на микроуровне до оптимального уровня.

Как отмечено выше, в экономической теории норма накопления определяется как для сферы макроэкономики, так и для микроуровня. Далее рассмотрим сущность и роль нормы накопления на уровне макроэкономики.

Результаты исследования. В соответствии с Большим энциклопедическим словарем под нормой накопления понимается отношение инвестируемого капитала к действующему капиталу на макроуровне доли национального дохода, используемого на накопление². Иными словами, норма накопления — это доля инвестиций в валовом внутреннем продукте страны.

На рис. 1 приведена сравнительная динамика нормы накопления в мире.

Как видно из рис. 1, в 2017–2018 годах в России и Китае наблюдается снижение нормы накопления из-за замедления экономического роста, в то же время в развитых странах она остается почти неизменной.

В научных дискуссиях, посвященных экономическому росту, постоянно рассматриваются условия и факторы, ограничивающие норму накопления в стране. Следует согласиться с мнением, что экономические условия повышения нормы накопления всегда соотносятся с существующей нормой прибавочной стоимости. К. Маркс под прибавочной стоимостью понимает приращение стоимости над первоначально авансированной суммой денег [5].

Таким образом, всегда необходимо найти оптимальную норму накопления,

¹ Электронный ресурс. http://www.ng.ru/economics/2018-11-25/1_7447_return.html.

² Большой энциклопедический словарь. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1988. — 1456 с.

так как слишком низкая, так и слишком большая доля накопления в национальном богатстве способны оказать негативное влияние на экономический рост [1]. В первом случае будет наблюдаться недостаток объема инвестиций, что, в конечном счете, тормозит развитие бизнеса, во втором случае — национальные финансовые ресурсы будут аккумулироваться в соответствующих фондах (например, в России это Фонд национального благосостояния), которые в ближайшей перспективе не будут участвовать в экономической жизни страны и, следовательно, являются угрозой экономической безопасности.

Норма накопления является основным индикатором, характеризующим темпы развития экономики страны. В качестве основного индикатора обычно выступает величина привлеченных инвестиций в экономику страны, на основе которого обеспечивается устойчивость экономического развития страны и модернизация секторов экономики.

Пороговое значение основного индикатора нашло свое отражение в Указе Президента Российской Федерации³, до конца 2024 года объем капиталовложений необходимо увеличить до 25% от ВВП. В табл. 1 приводятся данные об объеме инвестиций в экономику страны.

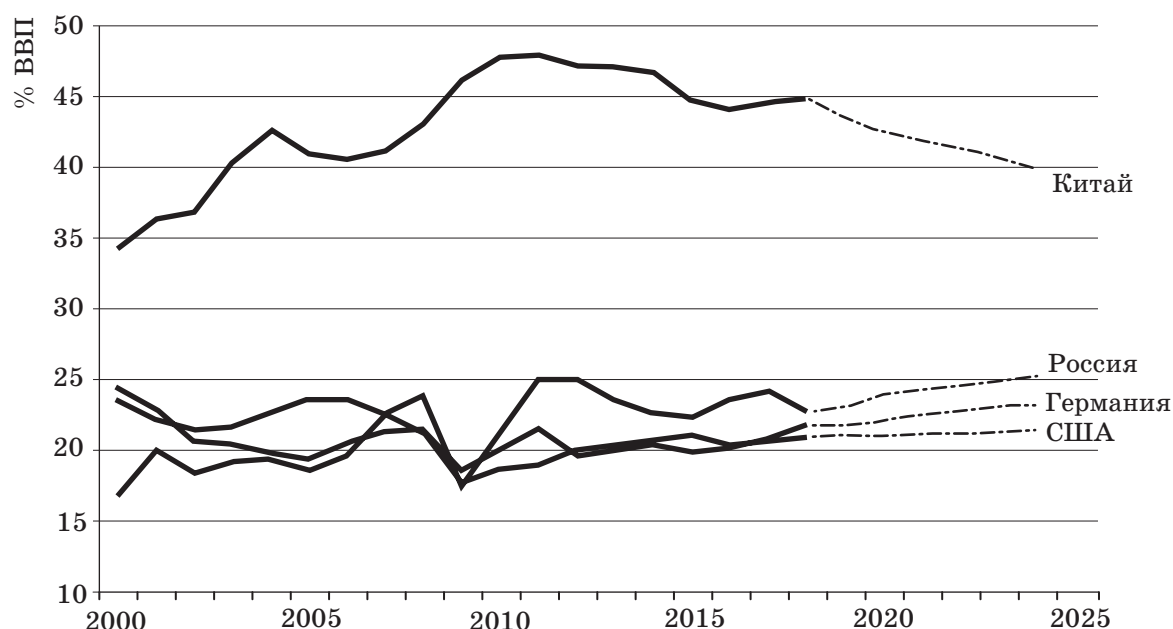

Рис. 1. Динамика нормы накопления

Источник: составлено на основании данных⁴.

Таблица 1

Источники и объем инвестиций

	І кв. 2018	І кв. 2019	І полугодие 2018	І полугодие 2019	
	Доля, %	Млрд руб.	Доля, %	Млрд руб.	Доля, %
Инвестиции в основной капитал, всего	100	2011,5	100	5041,5	100
Собственные средства	62,9	1287,2	59,7	3032,5	60,2
Заемные средства	37,1	724,3	40,3	2009,0	39,8

Источник: составлено на основании данных Росстата.

³ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». — URL: <https://base.garant.ru/71937200/>.

⁴ Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. Ноябрь 2019. — URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/26142.pdf>.

Как видно из табл. 1, сегодняшнее состояние экономики страны свидетельствует о наличии системных рисков, тормозящих положительную динамику развития экономики. Так, в 2018 году по сравнению с 2014 годом доля инвестиций в ВВП сократилась в 1,4 раза. По итогам 9 месяцев 2019 года инвестиции в основной капитал выросли лишь на 0,7% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года⁵. Таким образом, основным источником увеличения капиталовложений является прибыль хозяйствующих субъектов, в том числе нераспределенная прибыль прошлых лет.

Следует согласиться с мнением Л.М. Григорьева, Е.А. Макаровой о том, что в целях ускоренного развития экономики страны необходимо привлекать как государственные, так и частные инвестиции, что должно обеспечить получение синергетического эффекта от их комплексного использования [2].

Заслуживающей внимания является позиция известного экономиста В. Мау. По его мнению, пределы повышения нормы накопления в стране наталкиваются на объективно существующие ограничения в виде удешевления инноваций, т.к. быстрое удешевление инноваций негативно сказывается на формальной статистике ВВП⁶. Как отмечено выше, в целях противодействия удешевлению инноваций необходимо использовать новые технологии безуглеродной экономики, которые существенно уменьшают выбросы двуокиси углерода в окружающую среду от деятельности хозяйствующих субъектов.

Следовательно, на нормы накопления в стране существенную роль оказывают такие факторы, как развитие научно-технического прогресса, темпы роста национальной экономики, снижение жизненного уровня населения, пренебрежение которыми может привести к сокращению темпов экономического роста.

Следует отметить, что в 2018 году в развивающихся странах норма накопления составляла, по данным МВФ, 33% от ВВП, в развитых странах — 22%.

Является фактом, что достижение пороговых значений нормы накопления в России является труднореализуемой задачей.

В работе [6] анализируются проблемы экономической эффективности наращивания капитала, зависящие от инвестиционной отдачи, и рекомендуется определять пороговые значения инвестиционной нагрузки на экономику страны.

При этом некоторые исследователи ставят под сомнение необходимость наращивания инвестиционных ресурсов для экономического роста [7].

На уровне хозяйствующего субъекта основным индикатором, характеризующим процессы накопления капитала, выступает норма прибыли.

Как отмечено выше, основным источником увеличения инвестиций в экономику страны является прибыль хозяйствующих субъектов. В целях определения эффективности хозяйственной деятельности, при проведении сравнительного финансового бенчмаркинга всегда рассчитывают норму прибыли, которая определяется делением объема чистой прибыли на величину дохода [8]. Данный финансовый индикатор показывает, сколько копеек прибыли получает хозяйствующий субъект с каждого рубля выручки, т.е. оценочный индикатор отражает соотношения произведенных затрат и полученной выгоды.

Таким образом, данный финансовый индикатор позволяет принимать управленческие решения, сколько денежных средств направить на накопление (капиталовложения) и сколько на потребление (использование) в операционной деятельности. Причем размеры пропорции распределения величины прибыли на капиталовложение и использование зависят от стратегических целей, а также рентабельности бизнеса.

Конечной целью развития любого хозяйствующего субъекта является получение максимальной суммы прибыли за счет оптимизации бизнес-процессов, снижения затрат, повышения конкуренто-

⁵ Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. Ноябрь 2019. — URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/26142.pdf>.

⁶ Владимир Мау: ускоренные темпы роста ВВП РФ при снижении благосостояния не дадут эффекта. — URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10914348>.

способности продукции, которые ведут к увеличению нормы прибыли как фактора обеспечения экономической безопасности. В свою очередь, увеличение нормы прибыли означает переосмысление существующих бизнес-процессов под цели хозяйствующего субъекта.

Важнейшим методом повышения нормы прибыли выступают налоговые расходы, которые можно эффективно использовать на развитие.

В экономической теории первенство использования термина «налоговые расходы» принадлежит С. Сюррею, который внедрил в практику налогового администрирования заполнение чек-листов и выявление необоснованного получения налоговых льгот физическими лицами [4].

В прикладных экономических науках понятие «налоговые расходы» применяется как в широком, так и узком смыслах. Так, Федеральная налоговая служба России под налоговыми расходами в широком смысле понимает недополученные бюджетной системой Российской Федерации доходы из-за предоставления различных налоговых льгот, освобождений от налогообложения, применения ставки 0% и др.

Таким образом, налоговые расходы в широком смысле позволяют использовать методы экономического стимулирования инвестиций, основанные на использовании налога на прибыль. Действующее законодательство о налогах и сборах выделяет следующие меры стимулирования:

- освобождение от исполнения обязанностей налогоплательщика хозяйствующему субъекту, который выполняет НИОКР в соответствии с поручением инновационного центра «Сколково»;
- применение налоговой льготы по отдельным видам доходов;
- применение ставки 0%;
- применение механизма ускоренной амортизации основных средств и др.

По мнению Минфина России, с 2014 г. выпадающие доходы бюджета из-за разнообразных налоговых льгот выросли с 2,19 трлн руб. до 2,4 трлн руб. в 2016 г., а к 2020 г. они увеличатся до 2,8 трлн руб.

Под налоговыми расходами в узком смысле понимаются эффективное использование в финансово-хозяйственной деятельности всего объема налоговых льгот с целью получения экономической выгоды, а также обоснованные и документально подтвержденные расходы.

Следует отметить, что бизнес-процессы присутствуют во всех сферах хозяйственной деятельности любого хозяйствующего субъекта. Так, Дж. Харингтон под управленческим процессом понимает создание добавленной стоимости на основе преобразования входной информации в выходную информацию, необходимую для внутренних и внешних пользователей [10]. Как видим из приведенного определения, основной сутью бизнес-процесса является получение добавленной стоимости, которую можно получить за счет снижения издержек производства, повышения производительности труда и, конечно, за счет рациональной организации бизнес-процессов.

Как показывает опыт высокоразвитых стран, основным драйвером роста, влияющим на эффективное и результативное ведение хозяйственной деятельности, выступает рациональная организация бизнес-процессов, соответствующая установленным целям на основании внедрения риск-ориентированного подхода. Воздействие рациональной организации бизнес-процессов на норму прибыли состоит из следующих аспектов:

- эффективное использование потенциала конкурентного преимущества;
- повышение ликвидности предприятий и, как следствие, повышение их финансовой устойчивости;
- снижение непроизводительных потерь при использовании жизненного цикла продукции.

Далее рассмотрим основные направления снижения непроизводительных потерь. Так, в качестве основных направлений можно отметить выявление резервов рациональной организации бизнес-процессов. Взаимосвязь формы использования ресурсов и соответствующие им резервы представлена в табл. 2.

**Взаимосвязь формы использования ресурсов
и соответствующие им резервы**

№	Форма использования ресурсов	Типы резервов эффективности
1.	Не участвующие в производственном процессе ресурсы (простаивавшие)	Резерв от ликвидации простоев
2.	Ресурсы, использованные непроизводительно	Резерв от ликвидации непроизводительного расхода ресурсов
3.	Ресурсы, израсходованные сверх нормы	Резерв от ликвидации нерациональных норм расхода
4.	Ресурсы, израсходованные в пределах нормы	Резерва нет
5.	Ресурсы, израсходованные на выпуск некачественной продукции	Резерв от ликвидации непроизводительных потерь

Ухудшение потребительских свойств товаров негативно влияет на финансовую устойчивость хозяйствующих субъектов и, следовательно, на их экономическую безопасность. Это ухудшение может произойти при хранении, транспортировке и использовании, в результате чего возникает обязанность по переоценке стоимости товара в сторону понижения. Следовательно, между качеством товаров и конкурентоспособностью продукции существует прямая зависимость, т.к. качество товаров должно соответствовать определенным требованиям технических условий и стандартов, которые регламентируют безопасность товаров для потребителей. В этом случае резерв от ликвидации непроизводительных потерь можно определить по следующей формуле:

$$P = C_n - C_{пк} \times П,$$

где P — резерв от ликвидации непроизводительных потерь;

C_n — отпускная цена продукции, соответствующая всем требованиям;

$C_{пк}$ — отпускная цена продукции ухудшенного качества;

$П$ — величина продукции ухудшенного качества.

Продукция, соответствующая всем требованиям технических регламентов, является обязательным условием достижения стратегических задач любого хозяйствующего субъекта, т.к. это обеспечивает повышение нормы прибыли за счет эффективного использования имеющихся ресурсов.

Вывод. В целом антироссийские санкции оказали негативное влияние на экономическое развитие страны. Как отмечает

Зельднер, это проявилось в стремлении иностранных инвесторов к выходу из финансового рынка России с отъемом значительной суммы инвестиций, что повлияло на ужесточение экономических условий кредитования, в поиске внутренних источников экономического роста [3]. На макроуровне следует добиваться повышения нормы накопления как фактора экономической безопасности страны с учетом существующих экономических пределов повышения этой нормы. Как известно, низкая норма накопления является тормозом экономического развития.

На микроуровне в качестве внутренних источников экономического роста выступает чистая прибыль хозяйствующих субъектов. Основным методом увеличения объемов чистой прибыли являются рациональная организация бизнес-процессов, которые обеспечивают получение добавленной стоимости, направляемые как на капиталовложения, так и на текущее использование в процессе производства.

Важное место в увеличении нормы прибыли отводится бизнес-процессам по эффективному использованию налоговых расходов, в результате которых появляются возможности увеличения нормы прибыли как фактора финансовой устойчивости хозяйствующих субъектов.

Как отмечено выше, в рыночных условиях объем получаемых инвестиционных вложений прямо пропорционален процессу обеспечения экономической безопасности, но если хозяйствующий субъект не может поддерживать соответствующую технологическую дисциплину, обеспечи-

вающую высоколиквидную продукцию, то отдача полученных инвестиций сводится к нулю. Следовательно, настало время для широкого внедрения технологий безуглеродной экономики, основной чертой которой является переход на новый технологический уклад, характеризующий качество промышленной политики государства и дальнейшее социально-экономическое развитие страны в интересах государства, общества, личности.

Список литературы

1. *Володько П.Л.* Влияние нормы накопления основного капитала на развитие экономики. Тезисы доклада на конференции «Банковская система: устойчивость и перспективы развития», Пинск, 27–28 апреля 2017 года.
2. *Григорьев Л.М., Макарова Е.А.* Норма накопления и экономический рост: сдвиги после Великой рецессии // Вопросы экономики. — 2019. — № 12. — С. 24–46.
3. *Зельднер А.Г.* Дестабилизирующие факторы развития экономики: санкции и их инвестиционные последствия // Вопросы экономики и права. — 2019. — № 1. — С. 49–54.
4. *Земсков В.В.* Оценка рисков налоговых расходов // Российский экономический интернет-журнал. — 2019. — № 4. — <http://www.e-rej.ru/Articles/2019/Zemskov.pdf/>.
5. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. — 2-е изд. — Т. 23. — С. 632.
6. *Комков В.* Закон убывающей отдачи и национальная инвестиционная политика // Банковский вестник. — 2016. — С. 12–17.
7. *Лавровский Б.Л., Горюшкина Е.А., Шильцина Е.А.* Инвестиционный ресурс экономическое роста: не только количество. Российские инвестиции: интеллектуальная недостающая // Всероссийский экономический журнал. — 2019. — Т. 49. — № 12.
8. *Савкина Г., Кукин И.* Основные тенденции накопления и потребления в сельском хозяйстве: региональный аспект // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. — 2020. — № 1. — С. 88–95.
9. *Фомин Д.А.* Российские инвестиции: интеллектуальная недостающая // Всероссийский экономический журнал. — 2020. — Т. 50. — № 6.
10. *Харингтон Дж.* Совершенство управления процессами. — М.: Стандарты и качество, 2007.

А.В. Мохов,

доцент,

Севастопольский государственный университет,
директор Черноморского информационно-аналитического центра, Севастополь**Н.Н. Муравьева,**

кандидат экономических наук, доцент,

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И ИНДИИ:
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ****A.V. Mokhov,**

Associate Professor,

Sevastopol State University,

Director of the Black Sea Information and Analytical Center, Sevastopol

N.N. Muravieva,

PhD in Economic Sciences, Associate Professor,

Southern Federal University, Rostov-on-Don

E-mail: Natasha_2009@inbox.ru

**RELATIONSHIPS OF RUSSIA AND INDIA:
ECONOMIC AND SOCIAL AND POLITICAL ASPECTS**

Аннотация. Российско-индийские отношения имеют многовековую историю. На сегодняшний день с уверенностью можно говорить о том, что и Индия, и Россия стали играть весьма важную роль на мировой арене. Страны совместно вносят существенный вклад в процесс формирования взаимосвязанного и многообразного мира. Характерной особенностью российско-индийских взаимоотношений является интенсивность социально-экономических контактов (встречи, переговоры, на которых обсуждают ключевые области сотрудничества, актуальные международные проблемы).

Государства тесно связаны по нескольким векторам сотрудничества: экономическое партнерство (Индия занимает ведущую позицию на рынке сбыта российской оборонной промышленности); политический диалог (на площадках консульств, посольств); осуществление взаимодействия в рамках международных структур.

Цель исследования — анализ взаимодействия России и Индии, которое охватывает значительный объем направлений — это политическое, стратегическое сотрудничество государств, взаимодействие в военной сфере, в сфере безопасности, а также экономики, энергетики, промышленности, науки.

В работе был использован метод качественно-количественного анализа изучения документов в их социальном контексте — контент-анализ, а также системный анализ с учетом междисциплинарного подхода к решению сложных проблем, которые являются объектом исследования, а именно, проблемы билатерального взаимодействия в сотрудничестве государств России и Индии.

Выявлены характерные особенности двустороннего взаимодействия: если сотрудничество по вопросам культуры, образования проходит весьма эффективно, то по некоторым экономическим и политическим аспектам, в ряде случаев межстрановых отношений, сложно найти компромисс.

Исследование позволит сделать общие выводы относительно взаимоотношений России и Индии.

Ключевые слова: стратегическое партнерство, билатеральное взаимодействие, индийско-российское социально-экономическое сотрудничество, глобализация.

Abstract. Russian-Indian relations have a long history. Today, we can say with confidence that both India and Russia have begun to play a very important role in the world arena. Countries together make significant contributions to the process of shaping an interconnected and diverse world. A characteristic feature of Russian-Indian relations is the intensity of socio-economic contacts

(meetings, negotiations at which key areas of cooperation, pressing international problems are discussed).

The states are closely linked in several vectors of cooperation: economic partnership (India occupies a leading position in the sales market for the Russian defense industry); political dialogue (at the sites of consulates, embassies); implementation of interaction within the framework of international structures.

The aim of the study is to analyze the interaction between Russia and India, which covers a significant amount of areas — this is political, strategic cooperation between states, interaction in the military sphere, in the field of security, as well as the economy, energy, industry, science.

The work used the method of qualitative and quantitative analysis of the study of documents in their social context — content analysis, as well as system analysis, taking into account an interdisciplinary approach to solving complex problems that are the object of research, namely, the problems of bilateral interaction in cooperation between the states of Russia and India.

The characteristic features of bilateral interaction have been revealed, if cooperation on cultural and educational issues is very effective, then in some economic and political aspects, in some cases of inter-country relations, it is difficult to find a compromise.

The study will allow drawing general conclusions about the relationship between Russia and India.

Key words: strategic partnership, bilateral interaction, Indian-Russian social and economic cooperation, globalization.

Введение. Основопологающим документом в российско-индийских отношениях является «Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Индией от 28.01.1993 года»¹. Следующим немаловажным документом является «Декларация о стратегическом партнерстве между Россией и Индией»² (октябрь 2000 г.).

Кроме этого, сотрудничество России и Индии базируется также на «Договоре о мире, дружбе и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Индией» (09.08.1971 г.); совместном заявлении 2010 года «Об отношениях между двумя государствами на уровне особо привилегированного стратегического партнерства» [2, с. 415–428; 3, с. 33–47].

Большая часть исследователей придерживаются позиции о том, что отношения, существующие между Россией и Индией, оцениваются как зрелые, прочные [1, с. 52; 6, с. 47–78; 7, с. 366–373; 8, с. 45].

Однако, в 2014 году произошли кардинальные изменения в российско-индийских взаимоотношениях. Эти обстоятельства объясняются событиями на

международной арене. Так, во-первых, после того, как в 2014 году к России присоединен Крым, отмечается обострение отношений Российской Федерации со странами Запада. Именно поэтому у российского правительства возникла необходимость искать союзников на Востоке. Такая мера была необходима для того, чтобы минимизировать последствия санкций США и стран Европейского Союза. В этот же период в Индии произошла смена правительства, что существенно отразилось на внешней политике, проводимой в стране. Данные обстоятельства как раз и отразились на взаимоотношениях двух государств и были зафиксированы в двусторонних соглашениях [10, с. 10].

Результаты исследования. После краха биполярного периода Российская Федерация и Республика Индия осознавали необходимость сближения в условиях, когда идут интенсивные преобразования на международной арене. В целом политические взаимоотношения между странами в XXI веке можно обозначить как своеобразное стратегическое партнерство. На сегодняшний день проводятся саммиты, имеются площадки международного

¹ Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Индией от 28 января 1993 года // Собрание законодательства РФ. — 2009. — № 34. — Ст. 4165.

² Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Индией, подписанная в октябре 2000 года — URL: <http://docs.cntd.ru/document/901783728..>

взаимодействия, на которых поднимаются важные вопросы, касающиеся сотрудничества, взаимоотношений и т.д. В рамках такого взаимодействия России и Индии удастся подписывать значительное количество договоров, касающихся сотрудничества в области торговли, инвестиций, технологий.

Необходимо выделить совместное заявление Дружба–Дости — план по укреплению российско-индийского партнерства до 2024 года.

Индия и Россия пришли к определенному соглашению и по вопросам глобального порядка. Так, например, политика лидеров государств направлена на то, чтобы усилить роль ООН в вопросах сохранения мирового порядка на глобальном уровне. Россия и Индия продолжают вести активную работу по поддержанию в Индии полицентрического и демократического мира, который основывается на согласии интересов всех государств. Активная политика ведется и в направлении реформирования международных финансовых, экономических, политических институтов.

В качестве еще одного важного направления сотрудничества России и Индии является то, что Индия стремится стать составной частью Совета Безопасности ООН. И именно Российская Федерация поддерживает Индию, поскольку указывает на увеличение ее роли при разрешении глобальных и региональных вопросов. Данную позицию неоднократно высказывала Россия на различных международных форумах.

Как Россия, так и Индия заинтересованы в том, чтобы сформировать антитеррористическую коалицию, которая будет направлена на борьбу с незаконным исламским миром.

Совместная политика Российской Федерации и Индии направлена на борьбу с распространением ядерного оружия, а также на сотрудничество в области развития информационных технологий. Главы государств координируют свои действия на площадках: БРИКС и РИК, «Группа двадцати» (G20), ВАС, ШОС.

Взаимоотношения России и Индии в рамках ШОС являются весьма неоднозначными. Так, Российской Федерации

отводится лидерское положение в указанной организации, но при этом наблюдается конкуренция с Китаем. Нельзя сказать, что указанные отношения являются плодотворными. Россия со своей стороны стремится к тому, чтобы сохранить баланс отношений, а Индия хочет расширить торговое сотрудничество со странами Азии. Соответственно, для каждой из стран отмечаются свои индивидуальные цели.

Несмотря на то, что у Индии и России имеются совместные проекты, которые направлены на борьбу с современными угрозами, а также страны осуществляют сотрудничество для обеспечения безопасности, каждая из стран стремится достигнуть своих целей. Так, Российская Федерация рассматривает ШОС как площадку для обеспечения сохранения отношений с Китаем. Индия же стремится расширить свое торговое сотрудничество с азиатскими странами. Именно поэтому в рамках ШОС Индия и Россия имеют индивидуальные цели, а никак не коллективные.

Большое значение в части взаимоотношений Индии и России имело подписание Меморандумов о взаимопонимании (MoV) в области бизнеса и инвестиций, гражданского ядерного сотрудничества, освоения космоса, транспорта и т.д.

Несомненно, между двумя государствами постоянно осуществляется регулярное взаимодействие на достаточно высоком уровне. Каждый год межправительственными комиссиями проводятся встречи — по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству [3, с. 33–47].

В 2018 году произошло значительное количество визитов высокого уровня, которые положительно сказались на консолидации двусторонних отношений России и Индии. Так, например, министр обороны Индии выступил с обращением на пленарном заседании Конференции по теме «Глобальная безопасность в полицентричном мире» в апреле 2018 года.

Несмотря на положительную динамику в политических взаимоотношениях России и Индии, отмечается и ряд противоречий между странами с позиции межгосударственного диалога. И это является не случайным. Так, Россия весьма насто-

роженно относится к изменениям, произошедшим в политике Индии за последние несколько лет:

- фактический отказ Индии от соблюдения политики нейтралитета к различным военно-политическим блокам, а также формирование прочных союзных отношений с США, Японией;
- значительная наполненность индийской информационной среды антироссийской пропагандой, что в значительной степени сказывается на индийском общественном мнении;
- возрастание идей индуистского национализма (хиндутвы) во внутренней политике Индии, что может повысить риск конфликтов Индии с мусульманскими странами;
- тенденция к изменению стратегии сотрудничества между Россией и Индией в оборонно-технической сфере (так, постепенно начинают преобладать только рыночные отношения). Например, в последние несколько лет отмечается покупка Индией американской и европейской техники [5, с. 293–324].

Есть настороженность Индии и по отношению к политике Российской Федерации, что обусловлено следующими обстоятельствами:

- весьма плодотворные взаимоотношения России и Китая в области экономических и политических отношений, что воспринимается Индией как некий риск вовлечения Российского государства в антииндийскую политику;
- расширение, а также укрепление связей России и Пакистана (в частности, это касается продажи российского вооружения, наличия контракта «Газпрома» о строительстве газопровода «Юг–Север»);
- обсуждение ситуации в Афганистане по инициативе России без приглашения Индии, несмотря на наличие общих интересов;
- умеренно-порицающее отношение России к террористическим нападениям на Индию со стороны радикалов Пакистана;

— весьма негативное отношение России к вопросам включения Индии в постоянные члены Совета Безопасности ООН;

— уклонение России от поддержки стремления Индии войти в международную «группу ядерных поставщиков» и окончательно легитимизировать свою ядерную программу.

Сегодня часто обсуждают вопрос о том, что Россия со своей стороны уже не может давать серьезной гарантии в части защиты индийских интересов, как это было в период СССР. Это и стало поводом для поиска новых союзников. Часть индийских политиков указывает на то, что Индии просто необходимо было выбирать международный порядок: *Pax Americana* или *Pax Sinica*. Индия со своей стороны остановилась на первом варианте. Помимо этого, Индия смотрит в сторону США, потому что ей для дальнейшего развития необходимы соответствующие инвестиционные ресурсы, современные технологии, где как раз значительные лидирующие позиции отводятся США (но далеко не все). Именно поэтому происходит ситуация, при которой Россия отодвигается от индийского внимания.

Если рассматривать позицию России о включении Индии в Совет Безопасности ООН, то здесь можно обозначить ряд нюансов. Так, любые кардинальные преобразования ООН в современных условиях требуют больших временных затрат. Помимо этого, значительная часть исследователей придерживается позиции о том, что включение Индии в состав постоянных членов СБ ООН является невыгодным для России, поскольку это ослабит ее позиции в международном правовом институте. Большое значение имеет то, что во взаимоотношениях России и Индии внимание уделяется расширению торгово-экономического сотрудничества. Основой российского экспорта в Индию являются: машины, оборудование, транспортные средства, различные минеральные ресурсы, драгоценные металлы, а также продукция химической промышленности. Однако пандемия нанесла экономический урон сотрудничеству российских и индийских компаний. В 2020 году товарооборот между странами

упал до \$6,35 млрд долларов. Но в целом экономический потенциал сотрудничества двух стран далеко не раскрыт. Есть необходимость в дальнейшем расширении двусторонних торгово-экономических отношений между странами. Осуществляется работа между российскими и индийскими компаниями в области судостроения, а также по поставке подвижного состава, рельсов и т.д. И здесь большое внимание необходимо уделять Межправительственной российско-индийской комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству.

Интересными представляются экономические (торговые) отношения, которые формируются между Индией и Россией в области ВТС и ядерной энергетики. В случае если бы отсутствовало стратегическое партнерство, такие отношения превратились бы в рыночно-политические [10, с. 10].

На сегодняшний день Россия построила в Индии несколько энергоблоков АЭС как раз в рамках индийско-российской программы сотрудничества. Помимо этого, продолжаются переговоры о дальнейшем плодотворном сотрудничестве в указанном направлении.

Ожидается, что в ближайший период будут интенсивно развиваться взаимоотношения Индии и России в энергетической области. Так, Индия импортирует нефть в большей части с Ближнего Востока. Тем не менее, ввиду интенсивного роста, Индия стремится иметь стабильных партнеров. И именно Россия может сыграть основную роль в обеспечении энергетической безопасности страны. В этих отношениях как раз и наблюдается взаимный интерес между государствами.

В какой-то степени политика Индии выстраивается таким образом, чтобы предложить России участвовать в различных нефтегазовых проектах (это касается добычи энергоресурсов, их переработки и т.д.). Индия со своей стороны предпринимает все попытки для того, чтобы проникнуть в российский энергетический комплекс.

В индийско-российском сотрудничестве до сих пор слабым звеном остаются торгово-экономические связи. Так, страны пытаются наладить взаимодействие в рам-

ках соглашения о Всеобъемлющем экономическом партнёрстве (СЕРА).

- Основной проблемой до сих пор остается:
- не совсем адекватное банковское финансирование;
 - отсутствие нормального брендинга.

Индия и Россия пробуют взаимодействовать в таких областях, как демократизация, в социальной политике, в религиозной сфере, в вопросах многонациональности, а также в иных сферах.

Россия относится к сторонникам многополярного мира, а соответственно, поддерживает такие группы как: Россия — Индия — Китай; Бразилия — Россия — Индия — Китай — Южная Африка; а также Шанхайская организация сотрудничества. Указанные группы могут обсуждать проблемы, при этом не доводя их до европейских стран. Все это позволяет надеяться на то, что взаимоотношения России и Индии в ближайшее время достигнут новых вершин.

Во взаимоотношениях Индии и России большое значение имеет мирное использование атомной энергии. Это является своеобразной основой стратегического партнерства двух стран. Политика государств направлена на то, чтобы усовершенствовать такое сотрудничество. Так, страны договорились об активной работе в рамках проекта «Make in India», осуществлять строительство атомных электростанций. Помимо этого, Россия планирует продавать Индии и атомные реакторы, поэтому темпы сотрудничества в области ядерной энергетики можно назвать положительными [4, с. 77].

Соглашение России и Индии в сфере сотрудничества в ядерной области включает в себя такие направления, как:

- осуществление передачи ядерных реакторов;
- осуществление поставки топлива для реакторов (в частности урана, обогащенного урана);
- переработка обработанного ядерного топлива;
- осуществление обеспечения поставки топлива при различных обстоятельствах;
- согласие на передачу технологии по переработке и обогащению.

Взаимоотношения России и Индии интенсивно развиваются и в секторе обороны и имеют многоплановый характер (значительный процент военной техники Индии является российским; в России осуществляется подготовка военных специалистов из Индии, постоянно проводятся совместные военные учения).

Долгосрочная программа военно-технического сотрудничества на 2011–2020 годы наряду с более чем 20 межправительственными соглашениями остается основой сотрудничества в этой сфере.

С целью координации процесса ВТС между двумя странами создана российско-индийская межправительственная комиссия по военно-техническому сотрудничеству, которую возглавляют министры обороны России и Индии.

На сегодняшний день отмечается тенденция развития военного сотрудничества Индии с США, несмотря на ряд спорных вопросов в сфере торговли. С другой стороны, для сохранения стратегической независимости Индия продолжает поддерживать отношения и с Российской Федерацией (Индия приобретает оружие).

Культурное сотрудничество также является важным направлением в отношениях РФ и Индии (специализированные выставки, конференции, просветительские мероприятия, посвященные культурным традициям двух стран).

Сегодня налажено успешное сотрудничество между РФФИ и Департаментом науки и технологий Индии.

Между странами осуществляется работа и сотрудничество в сфере информационно-коммуникационных технологий — это касается разработки различных электронных систем, программного обеспечения, программирования и т.д.

Несомненно, политика России и Индии направлена на укрепление двусторонних отношений. На это указывают многочисленные саммиты, заключаемые договоры и т.д. Билатеральные отношения Индии и России усиливаются, но в то же время это не означает укрепление взаимоотношений в различных сферах.

И России, и Индия имеют общие интересы, которые касаются взаимодействия на глобальном уровне по вопросам борьбы

с мировыми угрозами, международным терроризмом, наркоторговлей. Тем не менее, несмотря на то, что у Индии и Российской Федерации имеется значительное количество общих интересов, «Россию нельзя рассматривать единственным ключевым партнером Индии на международной арене. Как было отмечено, Индия устанавливает тесные отношения и с США. И за последние несколько лет Индия взяла курс на расширение экономического сотрудничества с США и странами Европы» [9, с. 429–444].

Часть исследователей полагает, что Индия уже стала военным союзником Соединенных Штатов. Такое сближение США и Индии вызвало массу вопросов в международном сообществе. Негативная реакция была со стороны Китая, который высказал недовольство относительно лавирования Индии между крупными державами.

Соответственно, международные организации не приводят к укреплению двусторонних отношений Индии и России, а позволяют сформировать базу для появления различных интернациональных группировок.

После того, как Индия приобрела независимость, она изначально стремилась налаживать именно двусторонние отношения с мировыми державами. Сегодня же Индия принимает важные решения на территории международных организаций. Во взаимоотношениях России и Индии есть перспективы для тесного и эффективного сотрудничества на глобальном уровне.

Общие выводы относительно взаимоотношений России и Индии.

1. Двусторонние отношения между странами — это база, основа для успешного функционирования многостороннего сотрудничества, а также база для реализации международного сотрудничества.

Билатеральные отношения России и Индии являются некоей основой создания БРИКС и расширения ШОС. Указанные взаимоотношения на международной арене воспринимаются как сотрудничество двух региональных держав, каждая из которых имеет свои собственные национальные интересы.

Взаимосвязь Индии и России находится в зависимости от их потребности в таком

взаимодействии, необходимости объединения усилий в какой-либо сфере.

2. Взаимоотношения России и Индии имеют определённые исторические предпосылки. Кроме этого, существуют и цивилизационные связи между странами, которые позволили в значительной степени установить культурно-исторический диалог, что и послужило базой для формирования политических, экономических отношений.

Несомненно, после распада биполярного периода во взаимоотношениях России и Индии отмечался некий кризис. В основном это объясняется поиском своего места на международной арене.

Еще важным этапом в отношениях России и Индии стало взаимодействие в рамках международных организаций. Создание БРИКС, включение Индии в ШОС указывает на то, что Россия и Индия стремились к сотрудничеству в борьбе против терроризма, торговли наркотиками, иных угроз, которые опасны для человечества. Но такие взаимоотношения в международных организациях не являются столь же эффективными, как двусторонние. В то же время участие Индии в международных организациях важно для укрепления ее статуса и признания страны как мировой державы.

3. Результаты взаимодействия России и Индии оцениваются экспертами как удовлетворительные. Несомненно, сегодня Россия и Индия стремятся к сохранению дружественных отношений. Стратегическое сотрудничество постепенно перешло в стратегическое партнерство. За последние несколько лет в мире произошли серьезные преобразования, которые отразились на системе международных отношений. Все это в совокупности изменило билатеральные отношения.

4. Индия стремительно наращивает свои позиции как держава, которая динамично развивается, имеет глобальные интересы и может влиять на процессы, происходящие в мире.

Индийское правительство придерживается весьма гибких подходов во внешней политике, что как раз и выражается в поддержке таких принципов, как демократия, коллективная безопасность, а также

приоритетность международно-правовых институтов [5, с. 293–324].

Несмотря на то, что позиции России и Индии по глобальным, региональным прогнозам близки, что предполагает возможность масштабного сотрудничества, в рамках международных организаций такое сотрудничество в большей степени имеет декларативный характер. Это объясняется тем, что больший акцент Индия делает именно на двустороннем сотрудничестве с отсутствием вмешательства со стороны третьих лиц.

Перспективы эффективных взаимоотношений Индии и России существуют, но при этом странам необходимо разрешить внутривнутриполитические вопросы и вопросы, возникающие на билатеральном уровне.

Вопреки процессам глобализации, наличию плюрализма международных отношений, созданию различных международных организаций, билатеральное взаимодействие остается эффективным и ключевым компонентом в сотрудничестве государств. Россия и Индия с самого начала дипломатических отношений были настроены на исключение вмешательства со стороны третьих лиц. Данная тенденция сохраняется и сегодня, даже когда взаимодействие в рамках международных организаций воспринимается ключевым элементом современности.

Таким образом, взаимоотношения России и Индии осуществляются в различных сферах, которые нуждаются в пристальном внимании, а также дальнейшем развитии. И если сотрудничество по вопросам культуры, образования проходит весьма гладко, то по некоторым экономическим и политическим аспектам в ряде случаев сложно найти компромисс. Однако российско-индийское партнерство продолжает интенсивно развиваться, что свидетельствует о важности таких взаимоотношений.

Список литературы

1. 70-летие дипломатических отношений России и Индии: новые горизонты привилегированного партнерства: доклад № 34/2017 [Текст] / А.В. Кортуннов и др.; К. Сибал и др.; гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по междуна-

- родным делам (РСМД). — М.: ИП РСМД. — 2017. — С. 52.
2. Межгосударственные конфликты и региональная безопасность в Южной Азии [Текст]/ В.Я. Белокреницкий // Восток-Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. — М.: Росспэн, 2002. — С. 415–428.
 3. Белокреницкий В.Я. Пакистан-Индия: конфронтационная стабильность? [Текст]/ В.Я. Белокреницкий // Международные процессы. — 2010. — С. 33–47.
 4. Лебедева М.М. Мировая политика [Текст]/ М.М. Лебедева. — М.: КНОРУС, 2013. — 211 с.
 5. Лунев С.И. Адаптация к процессам глобализации [Текст]/ С.И. Лунев // Модернизация и демократизация в странах БРИКС: Сравнительный анализ. — М.: Аспект Пресс, 2015. — С. 293–324.
 6. Лунев С.И. Индия в мировой экономике и политике [Текст]/ С.И. Лунев // Азиатский многоугольник. Конфликтность и потенциал интеграции/ Под ред. С.А. Караганова, Т.В. Бордачева. — М.: Изд. Дом ГУ-ВШЭ, 2007. — С. 47–78.
 7. Chin G.T. The BRICS? led development bank: purpose and politics beyond the G20 [Text]/ G.T. Chin // Global Policy. — 2014. — Т. 5. — № 3. — С. 366–373.
 8. Donaldson, Robert H. Boris Yeltsin's Foreign Policy Legacy, Presented to the 41st Annual Meeting of the International Studies Association. [Text]/ Robert H. Donaldson // Los Angeles, California. — 2000. — March 18.
 9. Norling N., Swanstrum N. The Shanghai cooperation organization, trade, and the roles of Iran, India and Pakistan [Text]/ N. Norling, N. Swanstrum // Central Asian Survey. — 2007. — Т. 26. — № 3. — С. 429–444.
 10. Stuenkel O. The BRICS and the future of global order. [Text]/ O. Stuenkel. — London, 2015. — С. 268.

В.С. Кривошлыков,кандидат экономических наук,
доцент кафедры менеджмента, маркетинга и управления персоналом,
ФГБОУ ВО Курский государственный университет**ИНВЕСТИЦИОННЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ****V.S. Krivoshlykov,**PhD in Economic Sciences,
associate professor of the department management, marketing and personnel management,
Kursk State University
e-mail: Kri-Vladimir@mail.ru**INVESTMENT MANAGEMENT OF THE ORGANIZATION
IN THE CONDITIONS OF THE DIGITAL MODEL OF ECONOMIC DEVELOPMENT**

Аннотация. Развитие цифровых технологий не могло не затронуть мировую экономику, определив тем самым дальнейший вектор ее трансформирования. Проблема формирования инвестиционной политики уже давно волнует потенциальных инвесторов и организации, так как от результата данной деятельности будет зависеть получение прибыли или иного положительного экономического эффекта. Особому вниманию данная проблема подверглась в конце XX века, когда началось активное развитие цифровых устройств и сети интернет. Необходимо было понять, как новые технологии позволят укрепить положение на рынке и как цифровые технологии могут заменить человека. Актуальность данной проблемы определена важностью роли инвестиций в развитии цифровой экономики. Развитие цифровой экономики является невозможным без инвестиционных вложений. Организации недостаточно вкладываются в данное направление, несмотря на высокую окупаемость и рентабельность. Поэтому изучение данного вопроса и на сегодняшний день является актуальным, так как отсутствие у организации инвестиционной политики с уклоном на цифровое развитие рынка приведет к снижению уровня конкурентоспособности. Целью написания статьи является изучение проблем формирования инвестиционной политики организации в условиях цифрового развития экономики и определение пути их решения. Исходя из цели, в работе были поставлены и выполнены следующие основные задачи: дано определение инвестиционной политики организации; определить роль и классификации; охарактеризован механизм реализации инвестиционной политики организации; дано определение цифровой экономики, ее сущность и роли в развитии организации; приведена характеристика предприятия ОАО «Курскрезинотехника»; произведен анализ инвестиционной политики ОАО «Курскрезинотехника» в условиях цифровой модели развития экономики; разработаны рекомендации по совершенствованию инвестиционной политики ОАО «Курскрезинотехника» в условиях цифровой модели развития экономики. Предметом исследования является рассмотрение инвестиционной деятельности на базе ОАО «Курскрезинотехника». Объектом исследования является рассмотрение реализации инвестиционной политики в организации.

Ключевые слова: управление организацией, менеджмент, инвестиционный менеджмент, промышленное производство, эффективность управления, цифровизация экономики.

Abstract. The development of digital technologies could not but affect the world economy, thereby determining the further vector of its transformation. The problem of forming an investment policy has long been of concern to potential investors and organizations, since the result of this activity will depend on the receipt of profit or other positive economic effect. This problem came under special attention at the end of the XXth century, when the active development of digital devices and the Internet began. It was necessary to understand how new technologies will strengthen the market position and how digital technologies can replace humans. The urgency of this problem is determined by the importance of the role of investment in the development of the digital economy. The development of the digital economy is impossible without investment.

Organizations are not investing enough in this area, despite the high payback and profitability. Therefore, the study of this issue is still relevant today, since the organization's lack of an investment policy with a focus on digital market development will lead to a decrease in the level of competitiveness. The purpose of this article is to study the problem of forming an organization's investment policy in the context of digital economic development and ways to solve them. Based on the goal, the following main tasks were set and performed in the work: the definition of the investment policy of the organization was given, the role and classification were determined; the mechanism of implementation of the investment policy of the organization is characterized; the definition of the digital economy is given, to determine its essence and role in the development of the organization; the characteristics of the enterprise "Kurskrezinotekhnika" JSC are given; the analysis of the investment policy of "Kurskrezinotekhnika" JSC in the context of the digital model of economic development; recommendations were developed to improve the investment policy of "Kurskrezinotekhnika" JSC in the context of a digital model of economic development. The subject of the research is the consideration of investment activities on the basis of "Kurskrezinotekhnika" JSC. The object of the research is to consider the implementation of the investment policy in the organization.

Key words: organization management, management, investment management, industrial production, management efficiency, digitalization of the economy.

Введение. Ключевой целью каждой компании является устойчивое получение высокого дохода. Для ее достижения необходимо постоянное и устойчивое вливание денежных инвестиций в развитие производственных мощностей, для обеспечения конкурентного превосходства. Иными словами, организация должна иметь собственную стратегию развития и выживания на рынке, с учетом конкурентного преимущества и ресурсов.

Понятие «инвестиции» определяется зарубежными и отечественными экономистами неоднозначно, поэтому подходы к определению «инвестиции», наиболее часто встречаемые в современной экономической литературе, рассмотрены в табл. 1.

Изучив понятие «инвестиции» с точки зрения российских и зарубежных экономистов, мы можем заметить, что в большинстве определений фигурируют вложения различных форм капитала, с целью получения прибыли или иного положительного экономического эффекта. Различные аспекты инвестиционной политики в разных отраслях экономики подробно разобраны в следующих работах [2; 3; 5; 15; 16]. Роль цифровизации экономики в управлении предприятием раскрывается в работах [6; 7].

Инвестиционная деятельность — это вложение инвестиций и осуществление ее оборачиваемости для получения прибыли или положительного эффекта.

Инвестиционная политика — это комплекс мероприятий по организации и управлению инвестиционной деятельностью, направленных на оптимальное обеспечение объемов для обеспечения роста прибыльности при допустимом уровне риска.

Построение индустриальных платформ цифровой экономики с единой архитектурой в дальнейшем создаст одно цельное цифровое пространство, объединяющее все сферы и отрасли. Данный подход является наиболее целесообразным для развития цифровой экономики в России, но также не лишен недостатков. Сравнительные данные представлены в табл. 2.

Цифровая экономика активно вливается в структуру предприятий. На сегодняшний день вложения в данную сферу позволяют предприятию быть не только конкурентоспособным, но и существенно экономить, благодаря новейшим станкам и оборудованию, а также быть социально полезным.

Материал и методы исследования. При написании статьи использовались следующие методы: анализа, синтеза, сравнения, статистический, аналитический, балансовый.

Вся отчетность о деятельности предприятия бралась из открытых источников (портал по предоставлению данных бухгалтерской отчетности по запросам пользователей URL: https://www.gks.ru/accounting_report).

Результаты исследования. В качестве примера, разберем роль цифровой экономики на Курском предприятии резинотехнической промышленности (табл. 3).

С каждым годом выручка предприятия растет, и наконец 2019 года составила 5,9 млрд рублей. Из этого мы можем сделать вывод, что предприятие находится

в благоприятной среде, которая позволяет предприятию использовать свои производственные мощности с максимальным потенциалом, а продукция и услуги организации пользуются спросом.

ОАО «Курскрезинотехника» реализует процесс перехода на новую ступень развития — индустрия 4.0.

Таблица 1

Эволюция понятия «инвестиции»

Авторы	Содержание понятия «инвестиции»
Долан Э.Дж., Линдсей Д.Е.	«Увеличение объема капитала, функционирующего в экономической системе»
Булатова А.С.	«Сбережения, направляемые в хозяйственную жизнь, вложения в капитал»
Макконвелл. К.Р., Брю С.Л.	«Затраты на производство и накопления средств производства и увеличение материальных запасов»
Савицкая Г.В.	«Долгосрочное вложение средств в активы предприятия с целью увеличения прибыли и наращивание собственного капитала»
Шеремет В.В., Шапиро В.Д.	«Денежные средства, целевые банковские вклады, акции и другие ценные бумаги, технологии, машины, оборудование, лицензии и любое другое имущество, вкладываемое в объекты предпринимательской деятельности в целях получения прибыли и достижения положительного экономического эффекта»

Источник: составлено на основе [4, с. 26; 8, с. 13; 12, с. 769; 18, с. 53].

Таблица 2

Положительные и отрицательные стороны цифровой экономики в России

Плюсы	Минусы
Ускоренное формирование инфраструктуры	Высокий риск «цифровой монополизации» многих индустрий
Функционал и архитектура отвечают нуждам и требованиям заинтересованных сторон	
Высокий уровень прозрачности и успеваемости всех систем, образующих цифровое пространство	Высокий риск увеличения цифрового неравенства между географией и индустрией
Простота обслуживания, развития и интеграции цифровых платформ	

Источник: составлено на основе [11].

Таблица 3

Финансовые показатели ОАО «Курскрезинотехника»

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019
Выручка, млрд руб.	4,7	4,6	5,1	5,4	5,9
Прибыль, млн руб.	338	282	324	266	607
Стоимость предприятия, млн руб.	833	766	889	1000	1350

Источник: рассчитано на основе открытого портала по предоставлению данных бухгалтерской отчетности по запросам пользователей — URL: https://www.gks.ru/accounting_report.

В рамках перехода предприятия в индустрию 4.0, ОАО «Курскрезинотехника» потратила более 100 млн руб. на цифровизацию производства на конец 2020 года.

Были запущены ключевые проекты:
 — мониторинг работы оборудования;
 — умное резиносмешение;
 — MES-система: управление производством;

- управление качеством: «техническое зрение», «вибродиагностика»;
- анализ ключевых показателей эффективности компании;
- логистика: мониторинг транспорта;
- энергоменеджмент;
- контроль состояния конвейерной ленты и стыка;
- контроль времени работы конвейера.

Внедрение данных технологий по сбору и анализу данных ОАО «Курскрезинотехника» дало возможность получать данные об использовании продуктов и дорабатывать их в соответствии с новыми требованиями конечных пользователей. Созданию такой системы поспособствовала реализация инвестиционного проекта по внедрению в 2016 году автоматической идентификационной системы «Диспетчер».

Цель внедрения АИС «Диспетчер»:

- получение сквозной цифровой информации всех физических активов и их интеграция в цифровую экономическую систему;
- снижение уровня брака;
- сокращение сроков производства;
- эффективное управление инвестициями.

Умное резиносмешение — это автоматизированный процесс по производству изделий из резины. Данная технология позволяет не нарушать технический процесс создания резинотехнических изделий.

Техническое зрение — это компьютерная диагностика в процессе производства продукции. Снимая и анализируя процесс производства посредством получаемых данных от чипов и датчиков, а также анализируя изображение с камер, оно может: производить подсчет объемов изготовленной продукции; чтение серийных номеров; поиск поверхностных дефектов.

Таким образом, в совместном взаимодействии техническое зрение и вибродиагностика могут осуществлять контроль за качеством продукции на протяжении всего производственного цикла до момента отдачи продукции заказчику.

Поскольку активное внедрение цифровых технологий началось с 2016 года, с внедрения АИС «Диспетчер», проанализируем динамику изменения ключевых показателей за последние 4 года. Все значения ключевых показателей представлены в табл. 4.

Таблица 4

**Анализ ключевых показателей эффективности предприятия
ОАО «Курскрезинотехника»**

Показатели	2016	2017	2018	2019
Чистая прибыль, млн руб.	282	324	266	607
Рентабельность по чистой прибыли	6,1%	6,5%	5%	10,3%
Коэффициент финансовой независимости	0,34	0,35	0,32	0,43
Коэффициент текущей ликвидности	1,67	1,36	1,07	1,75

Источник: рассчитано авторами.

Благодаря осуществлению инвестиционных вложений в цифровизацию производства, образовался огромный поток новой получаемой информации, которую необходимо хранить. Для этого на ОАО «Курскрезинотехника» была разработана и внедрена система электронного документооборота. Суть данной системы — сбор и хранение получаемой информации с общим доступом для сотрудников предприятия.

Еще одним важным инвестиционным вложением было создание интернет стра-

ницы, сайта “RubEx Group”. На сегодняшний день ОАО «Курскрезинотехника» 35% произведенной продукции реализует посредством онлайн продаж через данный сервер.

Делая общий вывод по инвестиционной политике в условиях цифрового развития экономики, предприятие ОАО «Курскрезинотехника» находится на правильном пути развития и перевода предприятия на индустрию 4.0. Активное внедрение цифровых технологий положительно сказывается на производительности и качестве вы-

пускаемого продукта, также и на сбытовой политике.

На сегодняшний день на предприятии уже имеется технология по сбору информации с производственного оборудования, под названием АИС «Диспетчер». Также внедрены технологии умного резиносмещения, техническое зрение, вибродиагностика, энергоменеджмент и другие средства мониторинга и контроля оборудования. Но все эти технологии существуют на ОАО «Курскрезинотехника» по отдельности и для доступа к каждому используются разные программные обеспечения.

Объединение их в единую систему мы предлагаем реализовать с помощью программного обеспечения «1С: ERP управление предприятием 2.0». Данная система предназначена для контроля, учета и анализа всех видов бизнес-процессов в масштабах предприятия.

Стоимость подключения составит: «1С: ERP Управление предприятием 2.0» — 432 000 рублей, «Документооборот КОП. Сервер (x86-64)» — 148 800 рублей, 50 кли-

ентских лицензий — 187 200 рублей. Итого: 768 тысяч рублей.

После реализации инвестиционного проекта ожидается рост по ряду экономическим показателям, представленных в табл. 5.

Сравнивая с ближайшим конкурентом, SAP ERP, 1С: ERP имеет ряд преимуществ:

- цена внедрения продукта значительно ниже — 1 540 000 рублей по сравнению с 432 000 рублей;
- 1С: ERP разрабатывалась в условиях развития Российского рынка, поэтому более специализировано к отечественным условиям рынка;
- программа опирается на опыт использования в других компаниях, поэтому имеет базу решения проблем, по аналогии с проблемами предприятия;
- в 1С присутствует возможность прописать новую структуру системы по технологическому заданию, тогда как в SAP только настроить по показателям.

Таблица 5

Экономический эффект от внедрения ERP-решений на платформе «1С: Управление предприятием 2.0»

	Показатель эффективности	Среднее значение, %
Запасы и производство	Снижение объема материальных запасов	21
	Сокращение расходов на материальные ресурсы	9
	Увеличение объема выпускаемой продукции	15
	Снижение себестоимости выпускаемой продукции	6
Оборотные средства	Рост оборачиваемости запасов	19
Эффективность и оперативность	Сокращение сроков исполнения заказов	30
	Рост прибыли	13
Трудозатраты и отчетность	Сокращение трудозатрат в различных подразделениях	30
	Ускорение получения управленческой отчетности	в 3 раза
	Ускорение подготовки регламентированной отчетности	в 2,5 раза

Источник: составлено авторами.

Создание единой экосистемы позволяет осуществлять активное взаимодействие всех участков предприятия, создавая тем самым комфортную среду с доступной информацией, где каждый работник организации может получить доступ с целью повышения эффективности рабочей дея-

тельности.

Повышению уровня продаж продукции ОАО «Курскрезинотехника» может поспособствовать автоматическая система продаж посредством внедрения автоматической воронки продаж.

Еще одним инструментом автоном-

ной продажи является внедрение на сайте чат-бота. Чат-бот — это искусственно созданное приложение, которое производит общение с пользователем, покупателем. Данная система поможет клиенту, вошедшему на сайт, разобраться в его работе, найти необходимый ему товар и заключить сделку о приобретении продукции.

Стоимость создания и внедрения автоворонки продаж составляет в среднем около 150 тысяч рублей, и чат-бота — 130 тысяч рублей. Данной системе не требуется постоянный контроль и дополнительные затраты требуются только на

добавление функций и сценариев в данных системах.

ОАО «Курскрезинотехника» активно внедряет в жизнедеятельность организации новые цифровые технологии. Использование нового типа оборудования и программного обеспечения не только повышает качество выпускаемой продукции и ее объем, но и снижает уровень выбросов вредных веществ. Поэтому, в рамках инвестиционной политики предприятия, нами был разработан и рекомендован инвестиционный проект по переработке шин. Срок реализации проекта — 6 месяцев (табл. 6).

Таблица 6

Календарный план реализации проекта

Процесс/месяц	1	2	3	4	5	6
Разработка идеи, финансовый прогноз						
Подготовка помещения к работе						
Работа с персоналом						
Маркетинговые исследования						
Запуск производства						

Источник: составлено авторами.

Для производства шин используются качественные сырьевые компоненты, поэтому при переработке в крошку ее свойства не меняются. Крошка может быть разных фракций: до 1 мм, 1–2 мм, 2–5 мм. У

данного продукта широкая область применения: верхний слой асфальта, спортивное покрытие, искусственный газон.

В табл. 7 представлены расчеты *NPV* на 5 лет.

Таблица 7

Чистый дисконтированный доход на 5 лет, в руб.

Год, <i>T</i>	Перв. затраты, <i>IC</i>	Денежный доход	Денежный расход	Денежный поток, <i>CF</i>	Дисконт. денежный поток	Дисконт. доход накопительным итогом
0	16 000 000					
1		27 000 000	21 600 000	5 400 000	4 500 000	4 500 000
2		30 000 000	21 600 000	8 400 000	5 833 333	10 333 333
3		31 000 000	21 600 000	9 400 000	5 439 815	15 773 148
4		29 000 000	21 600 000	7 400 000	3 568 673	19 341 821
5		30 000 000	21 600 000	8 400 000	3 375 772	22 717 593

Источник: составлено авторами.

Внутренняя норма доходности (*IRR*) — это процентная ставка, при которой приведенная стоимость денежных потоков проекта равна нулю. То есть при данной ставке процента, инвестор сможет возместить свои вложения, но не более.

$IRR = 37\%$. При превышении данного процента, инвестиционный проект будет уже убыточным.

Срок окупаемости — это промежуток времени, когда денежный поток превысит первоначальные вложения.

Из табл. 8 мы видим, что нарастающий денежный итог превышает сумму наших первоначальных вложений уже на 3-й год проекта. Окупаемость проекта довольно быстрая.

Дисконтированный срок окупаемости — это временной промежуток, в течение которого полученная прибыль перекроет вложенные инвестиции. Для расчета, рассмотрим табл. 9 с дисконтированными денежными потоками. Ставка дисконтирования — 13%.

Дисконтированный срок окупаемости инвестиционного проекта показывает, через какое время прибыль от реализации проекта перекроет инвестиционные вложения, то есть затраты уже на 3-й год.

Индекс доходности — показатель, показывающий инвестиционную эффективность вложений. Ставка дисконтирования — 5%.

Для расчета воспользуемся данными из табл. 10.

Таблица 8

Срок окупаемости инвестиционного проекта			
Период (год), <i>T</i>	Первоначальные затраты, <i>IC</i>	Денежный поток, <i>CF</i>	Денежный поток нарастающим итогом
0	16 000 000		
1		5 400 000	5 400 000
2		8 400 000	13 800 000
3		9 400 000	23 200 000
4		7 400 000	30 600 000
5		8 400 000	39 000 000

Источник: составлено авторами.

Таблица 9

Расчет дисконтированного денежного потока за 5 лет				
Год, <i>T</i>	Первоначальные затраты, <i>IC</i>	Денежный поток, <i>CF</i>	Дисконтированный денежный поток	Дисконтированный денежный поток нарастающим итогом
0	16 000 000			
1		5 400 000	4 778 761	4 778 761
2		8 400 000	6 578 432	11 357 193
3		9 400 000	6 514 672	17 871 865
4		7 400 000	4 538 559	22 410 423
5		8 400 000	4 559 183	26 969 607

Источник: составлено авторами.

Таблица 10

Денежные потоки инвестиционного проекта, руб.				
Год, <i>T</i>	Первоначальные затраты, <i>IC</i>	Денежный доход	Денежный расход	Денежный поток, <i>CF</i>
0	16 000 000			
1		27 000 000	21 600 000	5 400 000
2		30 000 000	21 600 000	8 400 000
3		31 000 000	21 600 000	9 400 000
4		29 000 000	21 600 000	7 400 000
5		30 000 000	21 600 000	8 400 000

Источник: составлено авторами.

Индекс доходности — это отношение NPV к первоначальным затратам.

$NPV = 17551596$ рублей, значит, индекс доходности (PI) равен 1,1.

$PI > 1$, следовательно, данный проект следует принять на реализацию, так как инвестиции используются эффективно.

Выводы. В качестве рекомендаций были предложены ряд инвестиционных проектов по модернизации отдельных приложений контроля в единую экосистему, а также повышение качества работы интернет-магазина для повышения качества оказываемых услуг и повышение уровня продаж. Создание единой информационной системы было предложено реализовать в четыре этапа: вначале произвести внедрение в производство, затем технологические подразделения, следом конструкторские подразделения и в конце маркетинг и коммерческие службы. Данный проект повысит эффективность работы и взаимодействие между подразделениями. Внедрение новых цифровых технологий, таких как автоворонка продаж и чат-бот не требует больших финансовых затрат: 230 тысяч рублей, без учета обслуживания, и являются быстро создаваемыми. Эффект повышения роста продаж через сеть интернет будет зависеть от количества проработанных сценариев взаимодействия бота и покупателя. По минимальным нашим прогнозам, прирост составит 20% к росту интернет продаж. Еще нами был разработан и предложен инвестиционный проект по внедрению современного проекта по переработке шин на базе предприятия ОАО «Курскрезинотехника». Срок реализации проекта занимает 6 месяцев, сумма первоначальных инвестиционных вложений — 16 млн рублей. В ходе экономического анализа мы выявили, что чистый дисконтированный доход — 6 717 593 рублей, внутренняя норма доходности равна 37%, срок окупаемости — 3 года, индекс положительной доходности равен 1,1. Данный проект является экономически выгодным и его следует рассмотреть на реализацию.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного

общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Электронный ресурс]/ Правовая система «Консультант плюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения 12.01.2020).

2. *Agumbayeva A., Chmyshenko E., Pulyaev N., Bunkovsky D., Kolesov K., Amirova E.* Industrial transformation of Kazakhstan in digitalizations era // Journal of Advanced Research in Law and Economics. — 2019. — Т. 10. — № 6(44). — С. 1861–1867.
3. *Амирова Э.Ф., Гайнуллин И.И.* Влияние инвестиционной деятельности предприятий хлебопекарной промышленности на темпы инновационного развития данной отрасли // Приоритетные направления научно-технологического развития агропромышленного комплекса России. Материалы национальной научно-практической конференции. — Рязань: Рязанский государственный агротехнологический университет им. П.А. Костычева, 2019. — С. 90–93.
4. *Булатов А.С.* Микроэкономика: учебник для бакалавров / А.С. Булатов, С.А. Бартенев, О.В. Соколова. — М.: Юрайт, 2016. — 439 с.
5. *Буньковский Д.В.* Участники инвестиционного проекта промышленного предприятия // Агрофорсайт. — 2018. — № 5(17). — С. 6.
6. *Гальченко С.А.* Место и роль информационных систем управления в стратегировании регионального развития // Политика, экономика и инновации. — 2016. — № 4(6). — С. 16–22.
7. *Гальченко С.А., Новикова Ю.В.* Совершенствование оперативного управления бизнес-процессами в системе стратегического управления предприятием // Политика, экономика и инновации. — 2019. — № 6(29). — С. 6–13.
8. *Долан Э.Дж., Линдсей Д.Е.* Рынок: микроэкономическая модель / Э.Дж. Долан, Д.Е. Линдсей. — СПб.: Питер, 2019. — 496 с.
9. *Жахов Н.В.* Дефиниции процесса государственного регулирования развития региональной экономики // Сборник докладов XIII Международной научно-практической конференции молодых ученых «Научно-технический прогресс в сельскохозяйственном производстве». — Великие Луки, 12–13 апреля 2018 г. — С. 116–120.
10. *Жахов Н.В.* Современная структура продовольственной безопасности // Материалы I Международной научно-практической конференции «Приоритетные векторы развития промышленности и сельского хозяйства». Макеевка, 26 апреля 2018 г. — С. 123–126.

11. Курочкин А.В. Инвестиционная политика в условиях экономики, основанной на знаниях: новые инструменты и ценностные основания [Электронный ресурс] — 2018 г. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/investitsionnaya-politika-v-usloviyah-ekonomiki-osnovannoy-na-znaniyah-novye-instrumenty-i-tsennostnye-osnovaniya/viewer> (дата обращения 18.07.2020).
12. Макконнелл К.Р. Экономикс. Принципы, проблемы и политика: учебник / К.Р. Макконнелл, С.Л. Брю, Ш.М. Флинн. — М.: Инфра, 2019. — 1152 с.
13. Официальный сайт «Курскрезинотехника» [Электронный ресурс] — URL: <http://rubexgroup.ru> (дата обращения 11.08.2020).
14. Пронская О.Н., Афанасьева Л.А., Постникова Е.М., Халитова С.А., Фомин О.С., Горжанкина А.Г. Концептуальные основы исследования внешних и внутренних факторов конкурентоспособности и качества товаров // Экономика и предпринимательство. — 2020. — № 1(114). — С. 1157–1161.
15. Садыкова Л.И., Амирова Э.Ф. Последствия импортозамещения // Перспективы устойчивого развития АПК: сборник материалов Международной научно-практической конференции [Электронный ресурс]. Электрон. дан. — Омск: Изд-во ФГБОУ ВО Омский ГАУ, 2017. — С. 486–490.
16. Фещенко В.В. Управление социально-экономическими системами на основе когнитивных технологий / В.В. Фещенко // Управление социально-экономическими системами и правовые исследования: теория, методология и практика. Материалы международной научно-практической конференции. — 2017. — С. 463–473.
17. Фомин О.С., Пронская О.Н., Ильинова О.В., Благирев А.Н., Мусьял А.В. Институциональные условия развития социального предпринимательства в Курской области // Экономика и предпринимательство. — 2020. — № 6(119). — С. 392–396.
18. Шеремет В.В. Управление инвестициями. Т. 1 / В.В. Шеремет, В.М. Павлюченко, В.Д. Шапиро. — М.: Высшая школа, 2018. — 416 с.

С.А. Рыбкин,кандидат экономических наук, доцент,
МГТУ ГА,
визитинг профессор,
NYUST (Тайвань), Москва**ФОРМАЛИЗАЦИЯ РЕШЕНИЙ В ОБЛАСТИ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКОЙ****S.A. Rybkin,**PhD in Economics, Associate Professor,
MSTU SA,
visiting professor,
NYUST (Taiwan), Moscow
E-mail: rybkine@mail.ru**FORMALIZATION OF DECISION MAKING IN ECONOMY POLICY MANAGEMENT**

Аннотация. В данной статье рассматриваются теоретические подходы, которые позволяют реализовать цели и задачи Программы «Цифровая экономика Российской Федерации». На фоне возрастания неопределённости и рисков в мировой экономике и международных отношениях, важным является создание такой системы принятия решений в области управления макроэкономическими процессами, которая позволит минимизировать время принятия решений и повысит их качество. Подбор правильного и соответствующего текущим вызовам инструментария макроэкономического регулирования является ключевым элементом успешности макроэкономической политики в целом. В работе рассматриваются понятия принятия решения и реализация решения, даётся методологическое обоснование различия этих терминов. Рассматриваются методы алгоритмизации и декомпозиции как инструментарий формализации принятия решений. Алгоритмизация и декомпозиция, как взаимоувязанные процессы логического построения системы принятия управленческих решений, составляют целостность операционной модели, предлагаемой в рамках концентрированно-распределённого подхода. Ключевым элементом алгоритма определения концентрированного и распределённого управления является догмат, постулирующий, что ограниченный ресурс подлежит большей степени государственного регулирования, чем ресурс более доступный. При этом, накладывается ряд существенных ограничений, касающихся динамики этого ресурса: динамики доступности, динамики роста (сокращения) ресурса, динамики востребованности ресурса. Вместе с тем, целесообразно ввести лимитирование на регулирование не только исходя из доступности ресурса, но также и из качественных, количественных и динамических показателей внешней среды, которые могут опосредованно влиять на отдельные характеристики ресурсов экономического развития. Транспарентность регулирования является другим важным элементом управления, который может перевести ряд конъюнктурнозависимых экзистенциальных рисков, коррелируемых с ресурсами экономического развития, в категорию рисков акцептных.

Ключевые слова: риск, неопределённость, макроэкономика, алгоритмизация, декомпозиция, концентрированно-распределённый подход, формализация, экономические факторы, цифровая экономика, управленческое решение.

Abstract. This article focused on theoretical approaches that allow to implement the goals and objectives of the program «Digital economy of the Russian Federation». Against the background of increasing uncertainty and risks in the global economy and international relations, it is important to create a decision-making system in the field of managing macroeconomic processes that will minimize decision-making time and improve their quality. Selecting the right tools for macroeconomic regulation that meet current challenges is a key element of the overall success of macroeconomic policy. The paper considers the concepts of decision-making and decision implementation, and provides a methodological justification for the difference between these terms. Methods of algorithmization and decomposition are considered as tools for formalizing decision-making. Algorithmization and

decomposition, as interrelated processes of logical construction of the management decision-making system, constitute the integrity of the operating model proposed in the framework of a Focused-Liberal concept. A key element of the algorithm for determining concentrated and distributed management is the dogma that postulates that a limited resource is subject to a greater degree of state regulation than a resource that is more accessible. At the same time, a number of significant restrictions are imposed on the dynamics of this resource: the dynamics of availability, the dynamics of growth (reduction) of the resource, the dynamics of demand for the resource. At the same time, it is advisable to introduce restrictions on regulation not only based on the availability of the resource, but also on the qualitative, quantitative and dynamic indicators of the external environment, which can indirectly affect certain characteristics of economic development resources. Regulatory transparency is another important element of governance that can translate a number of context-dependent existential risks correlated with economic development resources into the category of acceptance risks.

Key words: risk, uncertainty, macroeconomic, algorithmization, decomposition, Focused-Liberal concept, formalizing, economic factors, digital economy, decision-making.

Введение

В условиях быстро меняющейся социально-экономической среды на фоне кризисных явлений в мировой экономике и политике, вопросы, связанные с быстрым, качественным и своевременным принятием решений в области управления макроэкономической политикой становятся чрезвычайно важными.

Материал и методика исследования

Как мы видим, динамика и качество происходящих изменений в мире, накопление конфликтного потенциала повышают степень неопределённости и ставят выбор между двумя стратегическими альтернативами экономического развития страны.

Первое направление формируется на основе принципов военной экономики, когда ключевым направлением готовности макроэкономической системы государства и его экономики является централизация управления, аккумуляция стратегических ресурсов, введение ряда ограничений, разработка стратегических приоритетов и концентрация ресурсов [8].

Второе направление формируется на основе концепции глобализации и предполагает либерализацию управления, выведение государства из роли участника хозяйственной деятельности, диверсификацию экономических связей, активное использование монетаристских принципов регулирования экономики, интерна-

ционализацию хозяйственных связей [1; 10].

Оба этих направления имеют свои преимущества и недостатки, которые мы не будем глубоко рассматривать в этой статье. Принципиальным является то, что успешность и результативность использования инструментария из этих двух направлений обуславливается условиями внутренней экономической среды государства, внешним окружением, состоянием социума, технологической развитости, уровнем подготовки лиц, принимающих решения, и многими другими факторами. В условиях нарастающих рисков и неопределённости подбор правильного и соответствующего текущим вызовам инструментария макроэкономического регулирования является ключевым элементом успешности макроэкономической политики в целом. Важными составными частями этого процесса являются:

- 1) своевременность;
- 2) обоснованность;
- 3) универсальность;
- 4) объективность.

Одним из способов обеспечить этот процесс является формализация управленческих решений, которая позволяет научно обосновать процесс принятия решений и минимизировать время, затраченное на это. В общем случае мы можем говорить о процессе алгоритмизации и декомпозиции, как взаимоувязанных процессах логического построения системы принятия управленческих решений в рамках управления макроэкономической политикой государства.

Основная часть

Алгоритмизация является процессом формализации принятия решения, в ходе которого необходимо прийти к положительному решению по данному вопросу (решение принято) или отрицательному (решение не принято) [2]. Ключевыми элементами процесса алгоритмизации являются:

- 1) временная шкала;
- 2) организационная структура участников принятия решения;
- 3) информационная база.

Временная шкала обычно располагается слева от схемы алгоритма и показывает общую временную линию принятия решения. В этой связи важно учитывать, что при классических вариантах построения алгоритмов используются логические циклы и итерации, которые строятся вне временной шкалы и описывают принципиальную логическую последовательность действий, что в случае алгоритмизации управленческого решения недопустимо. Каждое действие на графике алгоритмизации должно соответствовать тому времени, когда оно должно произойти

и не может находиться по временной шкале ранее того события, за которым оно следует. В этом случае, даже логические циклы следует отображать в соответствии с реальным временем, когда это будет происходить. Следующим важным элементом является нормировка и лимитирование времени на действия и принятия решений [3]. Здесь возможны два принципиальных подхода: нижний лимит времени на принятие решений устанавливается исходя из крайнего необходимого срока принятия решения и под эту величину разносятся все составные части алгоритма, либо по факту сложения времени на всех этапах алгоритма. В рамках алгоритмизации используются две фигуры: действия и вопросы. Действия обычно изображаются в виде прямоугольников, вопросы в виде ромбов. Формулировка действий предполагает точное описание того, что нужно сделать, какую информацию собрать, что проанализировать, чтобы дать ответ на нижеследующий вопрос объективно. Время, отводимое на действие, обычно значительно превышает время для ответа на вопрос (рис. 1).

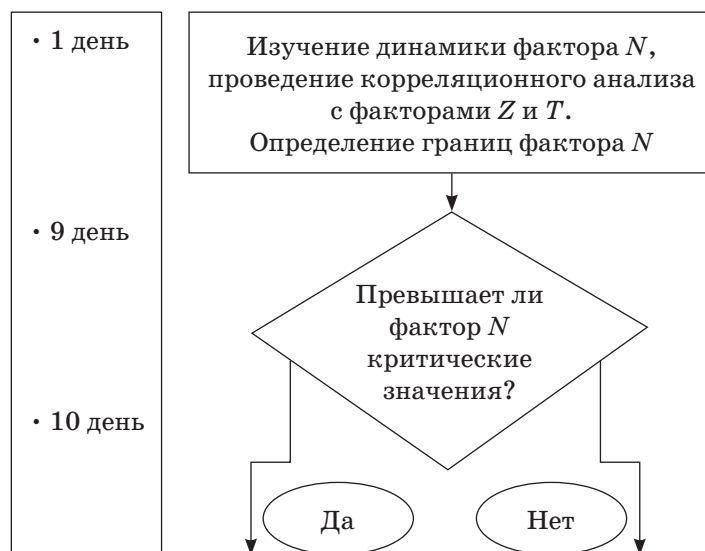

Рис. 1. Пример изображения части алгоритма

После вынесения ответа на вопрос может следовать другое действие и другие вопросы. Вопросы формулируются на основе критически значимых факторов для принятия управленческого решения. Иерархия факторов определяет их порядок в алгоритме. Для макроэкономического регулирования возможно рассмотрение совокупности фак-

торов, определяющих климат экономики государства. Для каждого фактора, который является объектом управления, необходимо разработать свой алгоритм на основе допусков колебания данного фактора. В свою очередь, для взаимоувязывания алгоритмов по разным факторам в логическое непротиворечивое единство, необходимо

определить иерархию алгоритмов, на основе приоритетности целевых экономических показателей экономики страны. Можно использовать показатели, зафиксированные в Стратегии экономической безопасности на период до 2030 года, бюджете РФ и других документах [7].

Построение алгоритма возможно двумя способами: последовательным и парал-

лельным. При последовательном способе имеет место единственная логическая линия и единственный вход в алгоритм (начальная точка). Такой способ организации алгоритма достаточно прост в построении. Однако существенным его недостатком является значительное время на принятие решения, поскольку вопросы в его рамках решаются последовательно (рис. 2).

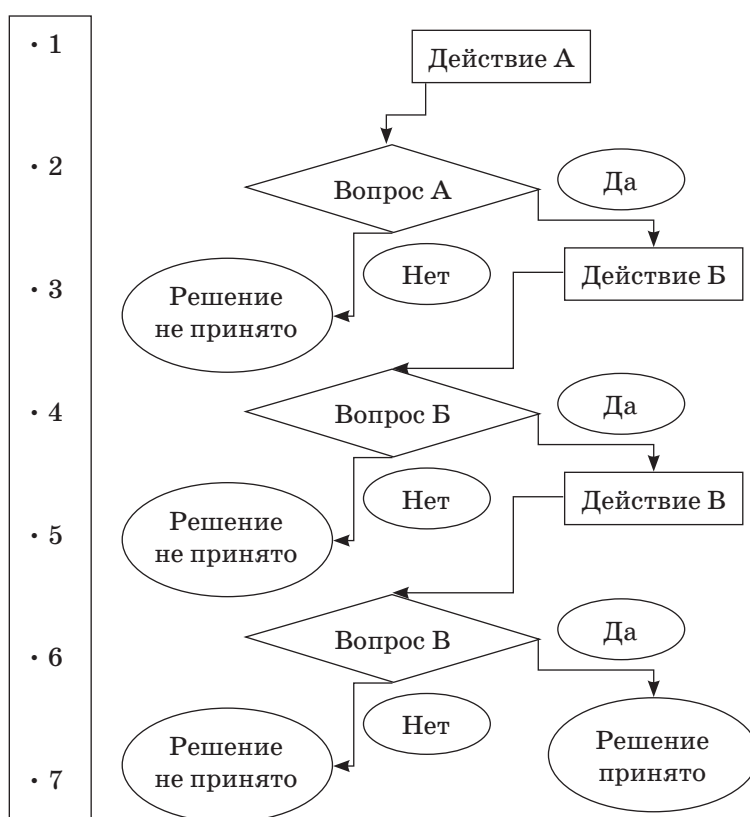

Рис. 2. Пример последовательного алгоритма

Второй способ построения алгоритма предполагает множественность входов и логических линий. Кроме того, возможна трансформация последовательного алгоритма в параллельный и наоборот. Главным достоинством такого подхода является минимизация временных затрат на принятие решения. Однако существует важный момент, связанный с практической реализацией этого преимущества. За каждый этап алгоритма должно отвечать то или иное структурное подразделение организации (департаменты министерства или агентства). В случае, если функциональная нагрузка на данное подразделение превышает его возможности, а в рамках

алгоритмизированной процедуры принятия решений на него возлагается несколько действий, которые должны быть осуществлены одновременно, то использование параллельного алгоритма будет нецелесообразным. Вторым критическим элементом данного подхода является взаимоувязка логических линий алгоритма. При отсутствии таковой, возможен исход, когда по одной линии будет получен утвердительный ответ на принятие решения, а по другой — отрицательный. Для устранения такого казуса необходимо вводить взаимоувязку логических линий путём введения корректирующих вопросов перед выходом каждой линии на финальное решение (рис. 3).

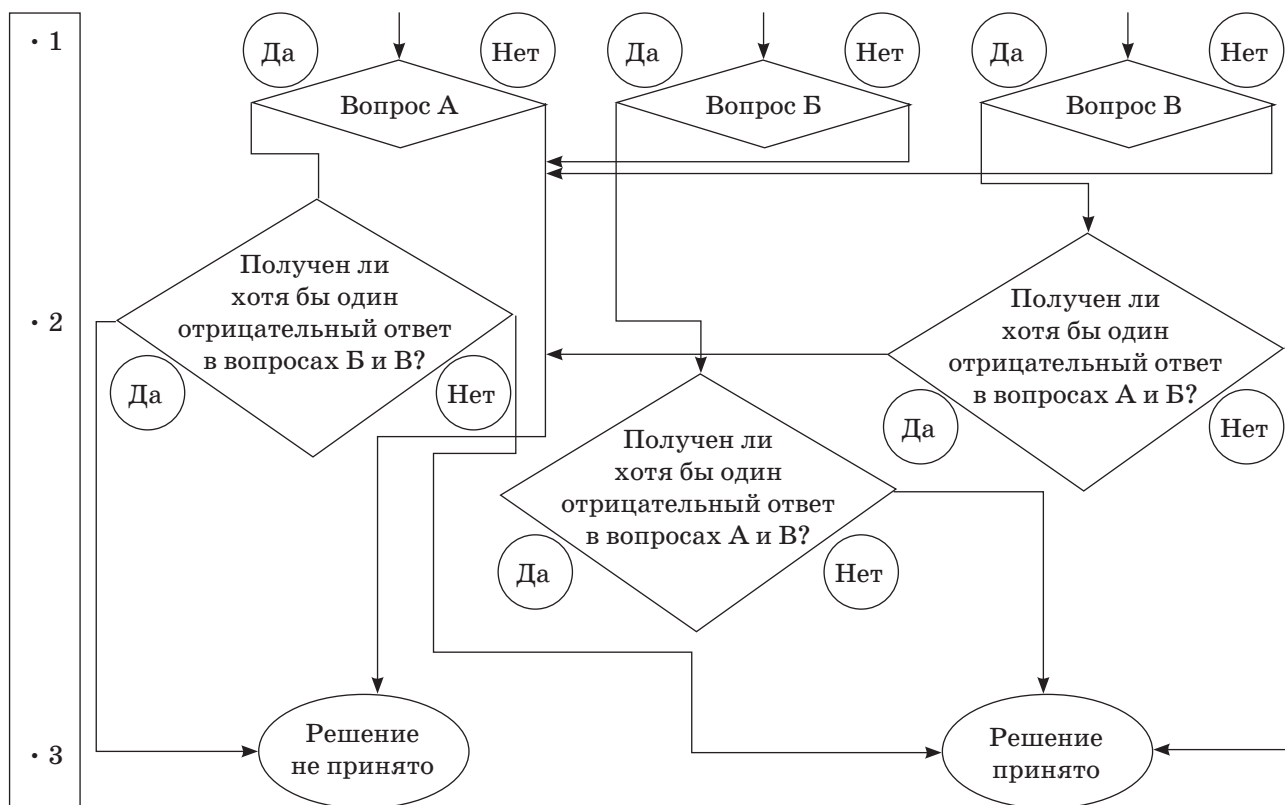

Рис. 3. Пример параллельного алгоритма и взаимоувязки логических линий

Результаты исследования

Для примера разберём формализацию принятия решения для Центрального банка РФ по осуществлению валютных интервенций [9]. На текущий момент существует ряд косвенных инструментов, которые влияют на принятие решения по осуществлению валютной интервенции (к примеру, такие как новое бюджетное правило). Валютная интервенция подразумевает собой такую активность Центрального банка на валютном рынке, которая должна преследовать собой цель сохранения стабильности национальной валюты на фоне колебаний курсов в связи с экономическими, политическими или иными причинами. Важнейшим фактором успешности валютной интервенции является своевременность принятия решения, поскольку в течение нескольких часов ситуация на валютном рынке может стремительно измениться [4]. Предположим, что ключевыми вопросами для начала валютной интервенции определены следующие реперные точки: курс валюты, заложенный в государственном бюджете на текущий период

с допустимым коридором колебаний и разнонаправленная динамика предложения валютной и рублёвой массы на рынке. Для формализации этого решения необходимо использовать параллельный алгоритм, поскольку он потребует меньше времени, чем последовательный (рис. 4). Кроме того, оба этих фактора (текущий курс и динамика предложения) находятся в рамках постоянного мониторинга.

Следует отметить, что в рамках данного алгоритма мы не получаем ответа по масштабу интервенции. Рассматриваемая формализация ставит своей целью запуск механизма валютной интервенции, который подразумевает, на первом этапе, планирование. Конкретные параметры валютной интервенции подлежат формализации в рамках другого логического построения.

Важным является то, что при формализации принципиальным будет разделение точек принятия решений от процесса реализации решений. В настоящее время в научной литературе эти два понятия очень часто объединяют, понимая, что под точкой принятия решения подразумевается начало процесса реализации решения.

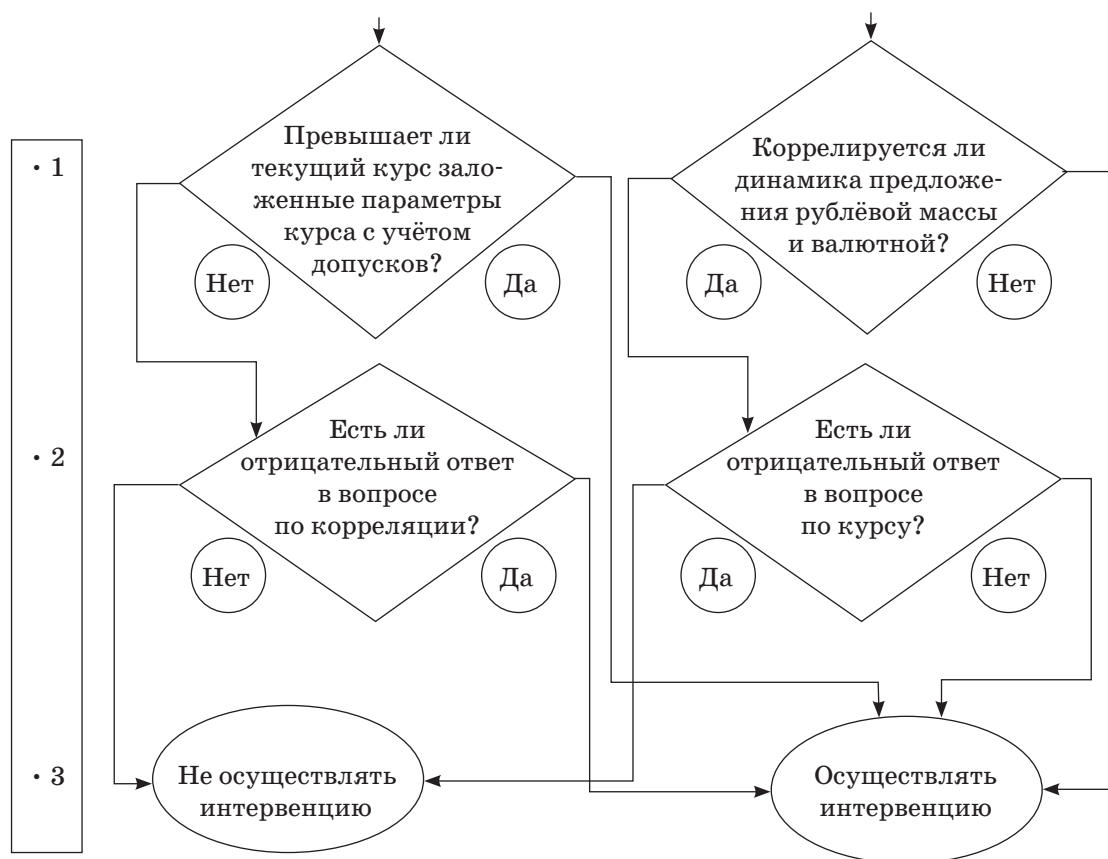

Рис. 4. Формализация принятия решения по осуществлению валютной интервенции в заданных условиях

Однако целесообразность чёткого разделения этих двух понятий обуславливается тем, что реализация решения заведомо предполагает изменение параметров рассматриваемой системы, а процесс принятия решения предполагает сохранение системы в прежнем виде при определённых условиях.

Если рассматривать данную проблематику с макроэкономических позиций, то формализация принятия решения предполагает ответ на принципиальный вопрос: текущее состояние базисов рассматриваемого макроэкономического фактора требует вмешательства государственного регулятора или нет?

Следующим этапом формализации управленческого решения является его организационная формализация, которую целесообразно осуществлять на базе метода декомпозиции [5]. Актуальность декомпозиции определяется комплексностью процесса алгоритмизации. В зависимости от сложности и длительности алгоритма, которые зависят от характера рассматриваемой проблемы и интервала времени,

требуемого для принятия решения, различные функции по созданию информационной базы, анализу факторов, влияющих на принятие решения и прочего, необходимо оптимально распределить между всеми участниками процесса. В этой связи, именно декомпозиция позволит определить конкретные участки работ и связать организационную структуру с логической линией алгоритма. Достаточная степень декомпозиции определяется функциональным распределением обязанностей внутри организации, но, в то же время, может быть производной от межведомственного взаимодействия.

Выводы

Применение методов алгоритмизации и декомпозиции при управлении макроэкономическими процессами является составными частями концентрированно-распределённого подхода по управлению социально-экономическими системами [6]. В рамках этого подхода определяются основные принципы и механизмы регули-

рования социально-экономических систем с учётом доступности ресурсов. Принимая во внимание актуализацию исследований в области создания цифровой экономики и того внимания, которое этому вопросу уделяется в правительстве Российской Федерации, методологические подходы к формализации являются неперенным и обязательным условием разработки цифровых управленческих решений. Данное направление исследований является приоритетным, поскольку цифровизация информационных потоков, хоть и является важным атрибутом цифровой экономики, но, по большому счёту, представляет собой лишь техническое решение передачи, хранения и обработки информации. Информатизация процесса принятия решений является второй по очерёдности, но первой по значимости для цифровизации экономики, поэтому предлагаемые методы формализации, как составная часть концентрированно-распределённого подхода, являются актуальными, значимыми и востребованными в научной и практической деятельности.

Список литературы

1. Андрианов В. Государство или рынок? Кейнсианство или монетаризм? // Общество и экономика. — 2008. — № 10–11. — С. 129–146.
2. Ляшенко А.Л. Алгоритмизация и управление техническими системами: учебное пособие / А.Л. Ляшенко; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования, Нац. минерально-сырьевой ун-т «Горный». — СПб.: Нац. минерально-сырьевой ун-т «Горный», 2012. — 34 с.
3. Марков А.А., Ластовецкая М.В. К вопросу об алгоритмизации применения когнитивного анализа в экономике // Экономическое развитие России: драйвер роста или генератор вызовов. Материалы Международной научно-практической конференции. — 2016. — С. 67–70.
4. Молчан А.С., Ануфриева А.П., Прасолов Д.С. Анализ валютных интервенций ЦБ РФ на валютном рынке // Экономика и предпринимательство. — 2020. — № 4 (117). — С. 66–70.
5. Рыбкин С.А. Декомпозиция факторов социально-экономической среды и оценка их влияния на ценность человеческого капитала // Общество. Доверие. Риски: Доверие к миграционным процессам. Риски нового общества. Материалы Международного форума / Под общ. ред. П.В. Терелянского. — 2019. — С. 329–333.
6. Рыбкин С.А. Концентрированный и распределённый подход к управлению рисками экономического развития // Экологический императив технологического развития России. Сборник материалов Международной научно-практической конференции (в рамках Международного научно-практического форума «Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения») / Государственный университет управления. — 2019. — С. 143–148.
7. Феофилова Т.Ю., Радыгин Е.В., Евграфов А.А. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации как фактор развития теории и методологии экономической безопасности // Современный взгляд на будущее науки. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. — 2017. — С. 150–154.
8. Харламов А.В. Место военной экономики в экономике общества // Научная сессия профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов по итогам НИР 1996 года. Краткие тезисы докладов. — 1997. — С. 50–51.
9. Цой И.В., Божко Д.Н. Валютные интервенции Центрального банка как инструмент валютного регулирования // Финансовые инструменты регулирования социально-экономического развития регионов. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. — 2016. — С. 117–119.
10. Югай Т.А. Тернистый путь монетаризма: к столетию Милтона Фридмана. Экономика, статистика и информатика // Вестник УМО. — 2012. — № 3. — С. 102–108.

И.В. Таранова,доктор экономических наук, профессор,
ФГБОУ ВО Смоленский государственный университет, Смоленск**И.М. Подколзина,**кандидат экономических наук, доцент,
ФГАОУ ВО Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь**СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ****I.V. Taranova,**Doctor of Economics, Professor,
Smolensk State University, Smolensk
E-mail: taranovairina@yandex.ru**I.M. Podkolzina,**PhD in Economic Sciences, Associate Professor,
North Caucasus Federal University, Stavropol
E-mail: privetia2003@mail.ru**CURRENT THREATS AND CHALLENGES TO GLOBAL ECONOMIC SECURITY
IN THE CONTEXT OF A PANDEMIC**

Аннотация. В статье рассматриваются результаты влияния пандемии COVID-19 на мировую экономику по итогам 2020 года. В исследовании использовался аналитический подход, основанный на анализе глобальной статистики. Обобщены основные негативные тенденции современной мировой экономики. Исследованы особенности современных международных отношений и роли мировой экономической безопасности как фактора существования и развития международного сообщества.

В рамках исследования авторами использованы демографические показатели стран мира, данные о динамике цен на нефть, фондовые индексы, статистические данные о мировом торговом обороте. Также рассматриваются ключевые факторы, которые оказывают дестабилизирующее влияние на экономику стран в условиях пандемии; дается обоснование зависимости снижения экономической безопасности от роста безработицы и увеличения доли малообеспеченных граждан в условиях падения платежеспособного спроса.

В результате анализа определенных мер экономической политики, которые приняты в ведущих странах мира для удаления отрицательных эффектов распространения мирового кризиса, были предложены направления по проведению экономической политики в условиях пандемии COVID-19. 2020 год наглядно продемонстрировал важность для каждой страны следовать в русле научно-технического прогресса и своевременно адаптировать свою экономику к новым технологическим вызовам. Наблюдается заметная взаимосвязь между пандемией и ускорением процессов цифровизации, развитием искусственного интеллекта, внедрением блокчейна и больших данных.

Ключевые слова: мировая экономика, кризис, пандемия, риски, экономическая политика, государственные меры поддержки.

Abstract. The article examines the results of the impact of the COVID-19 pandemic on the global economy by the end of 2020. In the course of the work, an analytical method was used. The main negative trends of the modern world economy are summarized. The features of modern international relations and the role of international security as a factor of the existence and development of the international community are studied.

As part of the research, the authors used demographic indicators of the world's countries, data on the dynamics of oil prices, stock indices, and statistics on world trade turnover. Also was examined the key factors that have a destabilizing effect on the economy of countries in a pandemic; explained the rationale for the dependence of the reduction of economic security from rising unemployment and the increasing share of low-income citizens in the face of falling demand.

As a result of the analysis of certain economic policy measures taken in the leading countries of the world to remove the negative effects of the spread of the global crisis, directions for implementing economic policy in the context of the COVID-19 pandemic were proposed.

Key words: global economy, crisis, pandemic, risks, economic policy, government support measures.

Введение. Пандемия COVID-19 привела к масштабным социальным и экономическим потрясениям. Страны переживают сокращение экономической активности и взаимной торговли, падение доходов населения, рост неполной занятости и безработицы.

Динамичное развитие экономических процессов влияет на международную архитектуру экономических взаимоотношений различных государств, в чем и заключается актуальность исследования. 2020 год, принесший столько бед человечеству, наконец, завершился и можно подвести итоги. Неплохие показатели III квартала в США, Китае и в некоторых других странах позволяют оценить рост мирового ВВП более оптимистично, чем в начале года.

Вместе с тем, приходится принимать во внимание то, что в IV квартале на фоне роста уровня заболеваемости COVID-19 в большинстве стран и повторного введения ряда ограничений на передвижение и частичных локдаунов, очевидно, произойдет сокращение экономической активности. Однако в результате применения более мягких, чем во II квартале, ограничительных мер, негативные результаты для экономики стран будут не такими значительными. МВФ, ВБ, ОЭСР и другие международные институты в декабре улучшили свои прогнозы как для мира в целом, так и для отдельных государств. По декабрьским оценкам МВФ, в 2020 году мировая экономика сократится на 4,4%. Это чуть лучше, чем ожидал Фонд три месяца назад: тогда спад прогнозировался на уровне 4,9%. Однако по отдельным странам ситуация более драматична.

Методика исследования. В первом полугодии 2020 года пандемия коронавируса нанесла серьезный урон экономикам практически всех стран. В марте–апреле, когда наблюдался пик пандемии, строгие карантинные меры привели к приостановке деятельности компаний и сжатию спроса, что отразилось на показателях выпуска, занятости и объемах торговли.

В I квартале среди экономик G20 наибольший спад ВВП в квартальном исчислении относительно сопоставимого квартала предыдущего года продемонстрировали страны, которые ранее других ввели режимы самоизоляции, прежде всего Китай — 6,8%, а также Франция — 5,7% и Италия — 5,6%. Также в I квартале значительный спад наблюдался в Японии — 1,9%, Германии — 2,2% и Великобритании — 2,1%. В России, несмотря на падение цен на сырьевые товары и слабый внешний спрос, в I квартале было зарегистрировано незначительное снижение ВВП на уровне — 0,1%, в частности, благодаря росту потребительского спроса.

Статистика за II квартал, на который пришелся пик пандемии, демонстрирует значительно более глубокий и синхронный спад экономик по всему миру. ВВП США снизился на 9,0%, самый глубокий спад среди стран ЕС был зарегистрирован в Испании (21,5%), обусловленный значительной зависимостью экономики от наиболее пострадавшей отрасли — сектора туризма, составляющего около 14% ВВП. Экономика Германии сократилась на 11,3%, вследствие чего уровень выпуска в стране снизился до уровня 2011 года. ВВП Франции сократился на 18,9%, Италии — на 18,0% [1, с. 163].

По предварительным оценкам, падение ВВП Великобритании во II квартале оказалось более значительным, чем в странах ЕС, составив — 21,5%, в силу более продолжительного действия карантинных мер.

Из развивающихся стран значительный удар был нанесен экономике Мексики, где снижение ВВП во II квартале составило 18,7% — рекордное падение с начала сбора квартальной статистики по ВВП в 1993 году, а также экономике Индии, где спад ВВП составил 23,5%. В России ВВП во II квартале снизился на 5,6%.

При этом для ряда стран национальные статистические агентства наряду с представленным выше темпом роста выпуска

в квартальном исчислении публикуют аннуализированные темпы роста квартального ВВП, демонстрирующие более глубокое падение [2, с. 60]. Так, аннуализированный спад ВВП США во II квартале составил 32,9%, стран еврозоны — 40,3%, Мексики — 53,1%. Следует отметить, что аномальная глубина падения, иллюстрируемая данным показателем, обусловлена тем, что при его расчете квартальные темпы роста экстраполируются на весь год с поправкой на сезонность. Наблюдаемое во многих странах восстановление экономической активности в начале III квартала дает основание ожидать существенно менее глубокого падения по итогам всего года.

Исключением из общей негативной динамики стала экономика Китая, которой удалось избежать рецессии. ВВП страны во II квартале возрос на 3,2% в результате действия стимулирующих мер и снятия карантинных ограничений.

Пандемия нанесла значительный ущерб рынку труда. Среди развитых стран наибольший рост уровня безработицы был зарегистрирован в США, где данный показатель в апреле достиг рекордно высокого со времен Великой депрессии значения в 14,7%, и в Канаде, где безработица в мае

достигла рекордного за последние 40 лет уровня 13,7%. Хотя в США была представлена программа зарплатных кредитов, которая не позволила полностью предотвратить рост безработицы. В начале реализации программы отсутствие налаженного механизма обработки заявок для данного вида кредитов у банков препятствовало оперативному получению поддержки малыми предприятиями.

Кроме того, одновременный запуск правительством альтернативной меры поддержки безработных в виде дополнительных еженедельных выплат к пособию по безработице в размере 600 долларов США привел к преднамеренным увольнениям сотрудников с низкооплачиваемых должностей. Тем не менее по мере смягчения карантинных мер наблюдается постепенное восстановление занятости в данных странах. В Канаде в июле безработица снизилась до 10,9% (на 5,3 п. п. выше докризисного февральского показателя). В США уровень безработицы снизился в июле до 10,2%. При этом в июле темп роста занятости в США замедлился относительно июня (снижение составило 0,9 п. п. против 2,2 п. п. в июне) из-за повторного введения карантинных ограничений в ряде штатов в условиях новых вспышек вируса (рис. 1).

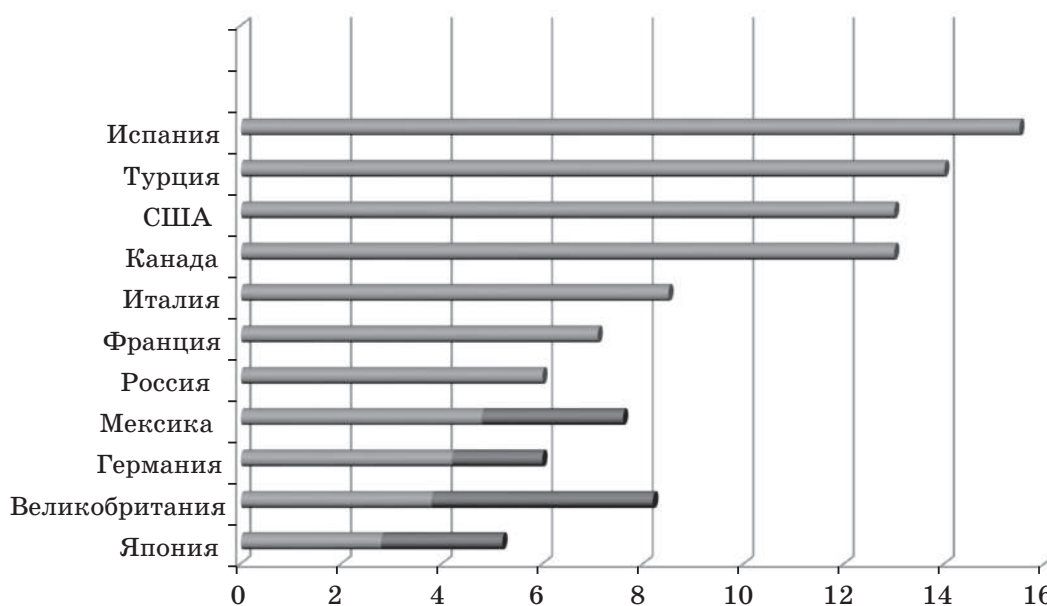

Рис. 1. Уровень безработицы в 2020 гг. [2, с. 175]

В странах Европы получилось удерживать резкий рост безработицы благодаря программам поддержания занятости на-

селения. В данных программах в Великобритании, Германии, Франции, Италии и Испании задействовано 45 млн человек,

что эквивалентно 28% занятого населения данных стран. Тем не менее существуют риски дальнейшего роста уровня безработицы в данной группе стран по мере окончания сроков действия программ государственной поддержки [3, с. 4]. Так, несмотря на сохранение показателя безработицы в Великобритании в апреле–мае на докризисном уровне в 3,9%, Банк Англии прогнозирует его рост до 7,5% к концу года в связи с завершением программы поддержки занятости в октябре.

В России в период с февраля по июнь рост уровня безработицы составил 1,6 п. п. (с 4,6 до 6,2%), в Бразилии — 1,7 п. п. (с 11,2 до 12,9%).

Пандемия привела к разрыву экономических связей и резкому сокращению торговых потоков. Согласно предварительным оценкам ВТО, спад мировой торговли во II квартале 2020 года достиг 18,5% после снижения на 3% в I квартале. В то же время с июня наблюдается постепенное восстановление внешнего спроса, о чем сигнализирует динамика экспорта Китая. В июне и июле экспорт страны увеличился на 0,5 и 7,2% г/г соответственно вопреки прогнозам, предполагавшим падение на 4,3 и 0,5% г/г.

Статистические данные за июнь–июль свидетельствуют о продолжающемся восстановлении экономической активности по мере смягчения карантинных мер. Глобальный композитный индекс деловой активности PMI в июле достиг 50,8 пункта, впервые за шесть месяцев преодолев границу в 50 пунктов, разделяющую падение экономической активности от ее роста. Лидерами по темпам восстановления в группе развитых экономик стали страны Европы. Так, во Франции в июле композитный индекс PMI достиг рекордного значения за последние 29 месяцев (57,3 пункта), в Германии — рекордного значения за последние 23 месяца (55,3 пункта), в Великобритании — максимума за последние пять лет (57 пунктов).

Среди развивающихся стран лидером по темпам восстановления деловой активности в июле стала Россия: композитный индекс PMI достиг в июле максимума за последние три года (56,8 пункта), чему способствовал самый высокий с июля 2008 года рост индекса в сфере

услуг (с 47,8 пункта в июне до 58,5 пункта в июле). При этом в Индии, Бразилии и Мексике индексы PMI в сфере услуг по состоянию на июль еще находятся в зоне снижения активности (34,2, 42,5 и 40,4 пункта соответственно).

Это объясняется, в частности, сохранением более строгих ограничительных мер в данных странах из-за новых вспышек вируса. Также важно отметить, что хотя в Китае на протяжении трех последних месяцев PMI в производственном секторе демонстрировал последовательный рост, что вызвано сжатием внешнего спроса из-за введения повторных ограничений в некоторых странах и сокращением темпов найма новых сотрудников, связанным со стремлением предприятий данной сферы оптимизировать расходы.

На восстановление активности в развитых странах также указывает увеличение потребительского спроса. В июне в странах еврозоны объем розничных продаж возрос, в результате чего уровень розничных продаж практически вернулся на докризисные уровни, составив 99,7% от февральских объемов. В США в июне также розничные продажи возросли на 1,1% после последовательного снижения с марта по май. Основным фактором роста потребительского спроса послужили государственные стимулы в виде дополнительных еженедельных выплат к пособию по безработице.

Результаты исследования. Несмотря на достаточно активное восстановление мировой экономики, ее дальнейшие перспективы остаются неопределенными как в связи с завершением многих стимулирующих программ во втором полугодии, так и из-за сохраняющихся эпидемиологических рисков.

Спад в группе развитых стран за текущий год оценивается Всемирным банком на уровне 7%, МВФ — на уровне 8%, при этом он будет неравномерным. Так, ВВП Японии сократится, по прогнозам МВФ, на 5,8%, тогда как Италии и Испании — на 12,8%. При этом Fitch дает более оптимистичную оценку падения ВВП группы развитых стран на уровне 6,3%, обусловленную менее глубоким прогнозируемым спадом в странах еврозоны — на 8%, против 9,1, 10,2 и 8,7% по оценкам

Всемирного банка, МВФ и Еврокомиссии соответственно. Предпосылками для более оптимистичного прогноза Fitch послужили, в частности, данные за июнь о более стремительном, чем ожидалось, восстановлении экономической активности в Ев-

ропе и дополнительный пакет фискального стимулирования, принятый в Германии в июне. Согласно оценкам МВФ, рост ВВП развитых стран в следующем году достигнет 4,8%, в соответствии с прогнозами Всемирного банка — 3,9%, Fitch — 4,0%.

Таблица 1

Прогнозы темпов роста мировой экономики на 2020 год, в% к 2019 г.

	Всемирный банк		МВФ		Fitch	
	Прогноз от 08.01.20	Прогноз от 08.06.20	Прогноз от 14.04.20	Прогноз от 24.06.20	Прогноз от 26.06.20	Прогноз от 29.07.20
Мир	2,5	-5,2	-3,0	-4,9	-4,6	-4,6
США	1,8	-6,1	-5,9	-8,0	-5,6	-5,6
Япония	0,7	-6,1	-5,2	-5,8	-5,0	-5,0
Германия	—	—	-7,0	-7,8	-6,7	-6,3
Франция	—	—	-7,2	-12,5	-9,0	-9,0
Италия	—	—	-9,1	-12,8	-9,5	-9,5
Испания	—	—	-8,0	-12,8	-9,6	-9,6
Великобритания	—	—	-6,5	-10,2	-7,8	-9,0
Еврозона	1,0	-9,1	-7,5	-10,2	-8,2	-8,0
Развитые страны	1,4	-7,0	-6,1	-8,0	-6,4	-6,3
Китай	5,9	1,0	1,2	1,0	0,7	1,2
Бразилия	2,0	-8,0	-5,3	-9,1	-6,0	-7,0
Мексика	1,2	-7,5	-6,6	-10,5	-7,4	-9,1
Индия	5,8	-3,2	1,9	-4,5	-5,0	-5,0
Россия	1,6	-6,0	-5,5	-6,6	-5,0	-5,8
Турция	0,0	-3,8	-5,0	-5,0	-3,0	-3,9
Саудовская Аравия	1,9	-3,8	-2,3	-6,8	—	—
Южная Африка	0,9	-7,1	-5,8	-8,0	-5,5	-6,7
Развивающиеся страны	4,1	-2,5	-1,0	-3,0	-1,7	-4,6

Падение ВВП группы развивающихся стран прогнозируется Всемирным банком на уровне 2,5%, МВФ — на 3% и Fitch — на 4,6%. Большинство стран группы столкнется с отрицательными темпами роста в текущем году. Как и в группе развитых стран, сильны межстрановые различия, что связано с несколькими ключевыми факторами [4, с. 7131]: разным характером протекания пандемии и эффективности сдерживающих мер, различиями в структуре экономики (к примеру, зависимости от пострадавших из-за пандемии секторов, таких как туризм и добыча нефти), зависимости от внешнего финансирования, включая денежные переводы, а также от трендов роста экономики в до-

кризисный период. В Китае, где наблюдается восстановление после резкого спада в I квартале, рост в 2020 году прогнозируется МВФ и Всемирным банком на уровне 1%, что в немалой степени обусловлено активной государственной поддержкой экономики. Сокращение индийской экономики в текущем году ожидается на уровне 4,5% (по оценкам Всемирного банка — на уровне 3,2%), что связано с длительным периодом ограничительных мер, а также медленным восстановлением. В Латинской Америке, где многие страны все еще испытывают трудности со сдерживанием пандемии, две крупнейшие экономики — Бразилия и Мексика — потеряют, по оценкам МВФ, 9,1 и 10,5% ВВП в 2020 году

соответственно. Страны-экспортеры нефти столкнутся с двойным ударом — из-за последствий пандемии и резко снизившихся цен на нефть — в результате чего экономики России, Саудовской Аравии и Нигерии в текущем году сократятся, согласно прогнозам МВФ, на 6,6, 6,8 и 5,4% соответственно (по оценкам Всемирного банка — на 6,0, 3,8 и 3,2% соответственно).

В 2021 году рост в развивающихся странах достигнет 5,9% по прогнозам МВФ, 4,6% — по оценкам Всемирного банка и 3,4% — согласно Fitch, что во многом отражает быстрое восстановление экономики Китая. Рост группы без учета китайской экономики в 2021 году, согласно оценкам МВФ, составит 4,7% и, таким образом, ожидаемый уровень ВВП развивающихся стран останется несколько ниже докризисного уровня 2019 года.

Фундаментальная неопределенность в отношении развития пандемии остается основным фактором, определяющим дальнейшее развитие мировой экономики и препятствующим оценке баланса рисков [5, с. 325]. Спад ВВП может оказаться ме-

нее глубоким в случае, если нормализация экономической ситуации будет происходить быстрее, чем ожидается (например, если в Китае восстановление инвестиций будет происходить более быстрыми темпами). Улучшению ситуации будет также способствовать более быстрая разработка вакцины или появление новых эффективных методов лечения, которые позволят избежать строгих карантинных мер во втором полугодии.

Между тем остаются и существенные риски ухудшения ситуации. В первую очередь опасность состоит в повторных вспышках в тех странах, которые прошли пик пандемии, что потребует дополнительных мер сдерживания. Более продолжительное, чем ожидалось, снижение экономической активности может привести к серьезным проблемам, таким как повсеместные банкротства предприятий и рост безработицы. Возможное ужесточение финансовых условий может привести к долговому кризису, так как уровень долговой нагрузки как частного, так и государственного сектора существенно вырос [6, с. 865].

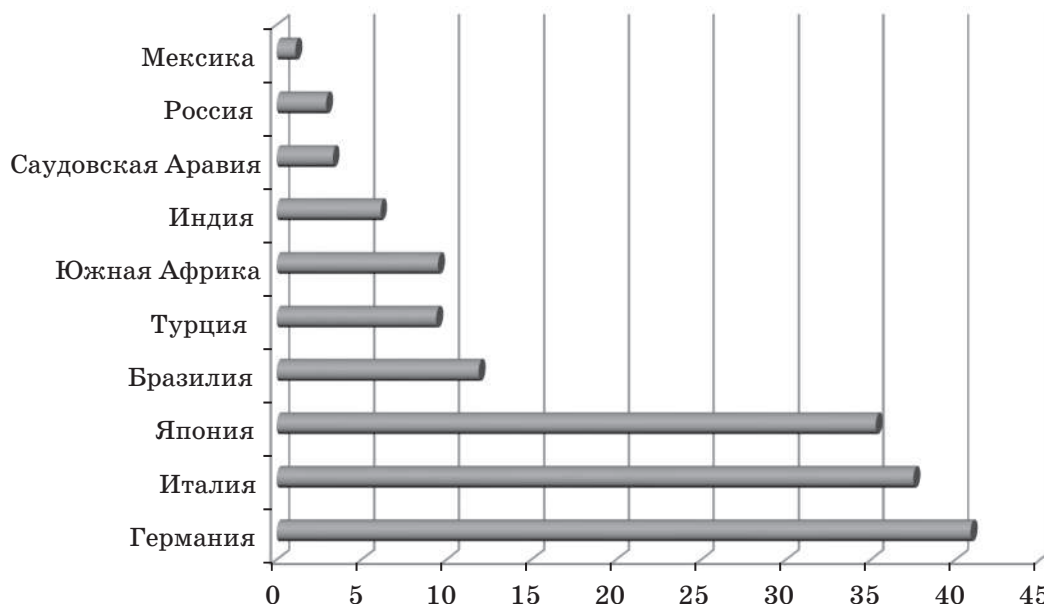

Рис. 2. Масштаб фискальных стимулов в 2020 году, ВВП в % [2, с. 176]

Выводы. Ключевым фактором, определяющим скорость дальнейшего восстановления экономик, также является перспектива продления мер государственной поддержки.

В отличие от ранее принятых антикризисных пакетов, новые инициативы ори-

ентированы на стимулирование восстановительного роста за счет государственных инвестиций [7, с. 383].

Лидерами среди развитых стран по объемам антикризисных пакетов являются Германия (40,9% ВВП), Италия (37,5% ВВП), Япония (35,3%). В группе развиваю-

щихся стран фискальное стимулирование значительное, но менее масштабное, и составляет, по оценкам МВФ, 5% ВВП данной группы стран [8, с. 175].

В результате роста бюджетных расходов в условиях сокращения производства и низких доходов от экспорта сырьевых товаров в июне государственный долг развивающихся стран составил 51% ВВП, а к концу 2020 года ожидается его наращивание до 63% ВВП в 2020 году, что на 10 п. п. выше уровня, зафиксированного годом ранее. Также ожидается, что в текущем году бюджетный дефицит данной группы стран и значение его будет составлять в пределах 10,5% ВВП. Для группы развитых стран бюджетный дефицит прогнозируется на уровне 16,5% ВВП (на 13 п. п. выше, чем в 2019 году) и государственный долг на уровне 130% ВВП (на 25 п. п. выше, чем в 2019 году). В связи с тем, что принятые меры фискального стимулирования уже значительно отразились на долговой нагрузке и бюджетном балансе стран, власти осторожно принимают решения о продлении мер, исходя из текущей эпидемиологической ситуации и скорости восстановления деловой активности.

Список литературы

1. *Артеменков, М.Н.* Российская делегация на пятом международном пенитенциарном конгрессе (1895 г.) // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты. материалы II Международной научно-практической конференции / Министерство образования и науки Российской Федерации; Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина. — 2017. — С. 162–165.
2. *Дмитриева, А.Д.* Экономические последствия эпидемии COVID-19 / А.Д. Дмитриева. —

Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 24(314). — С. 174–177.

3. *Подколзина И.М.* Вызовы и угрозы экономической безопасности Российской Федерации в условиях пандемии // Экономическая среда. — 2020. — № 3(33). — С. 56–61.
4. *Таранова, И.В.* Особенности применения экономико-математических и экономических методов в экономических исследованиях // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. — 2011. — № 12(36). — С. 59.
5. *Таранова И.В., Подколзина И.М.* Влияние экономических кризисов на финансовую безопасность России // Вестник Института дружбы народов Кавказа. Теория экономики и управления народным хозяйством. — 2019. — № 3(51). — С. 20.
6. *Dorozhkin E.M., Chelyshkova M.B., Malygin A.A., Toymentseva I.A., Anopchenko T.Y.* Innovative approaches to increasing the student assessment procedures effectiveness // International Journal of Environmental and Science Education. — 2016. — Т. 11. — № 14. — С. 7129–7144.
7. *Kaldiyarov D.A., Dudin M.N., Reshetov K.Y., Bashilov B.I., Noskov I.Y.* Developing vehicles for collective investment in real estate in the Russian Federation // Journal of Real Estate Literature. — 2018. — № 26. — P. 313–329.
8. *Vorontsova G.V., Chepurko G.V., Ligidov R.M., Nalchadzi T.A., Podkolzina I.M.* Problems and perspectives of development of the world financial system in the conditions of globalization // The Future of the Global Financial System: Downfall or Harmony. Ser. "Lecture Notes in Networks and Systems" — Cham, Switzerland, 2019. — P. 862–870.
9. *Zakieva R.R., Kolmakov V.V., Pavlyuk A.V., Ling V.V., Medovnikova D.V., Azieva R.H.* The significance of studying legal protection of rights on innovative creations: the case of entrepreneurship education // Journal of Entrepreneurship Education. — 2019. — Т. 22. — № 3. — P. 379.

УДК: 338.48: 911.3

Д.С. Тимошенко,

кандидат экономических наук,
доцент кафедры рекреационной географии, страноведения и туризма,
ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет», Воронеж

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ

D.S. Timoshenko,

PhD in Economic Sciences,
Associate Professor, Lecturer,
Academic Adviser and Examiner at Department of Recreational Geography,
Regional Geography and Tourism,
Voronezh State University, Voronezh
E-mail: artemideus@gmail.com

SOCIO-ECONOMIC FACTORS DEFINING THE STRATEGIC TOURISM DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ARCTIC

Аннотация. Статья представляет собой обобщенные результаты исследования, целью которого стало выявление ключевых социально-экономических факторов, определяющих стратегическое развитие туризма Арктической зоны Российской Федерации. Проведен анализ нормативно-правовой базы, влияющей на социально-экономическое развитие туристской сферы в АЗРФ и определяющей вектор ее дальнейшего развития.

Методы. Применяются диалектический метод, общелогические методы научного познания, теоретические и эмпирические методы научного исследования.

Результаты. Определено место Арктического региона в современных условиях экономического и политического развития Российской Федерации. Определены тенденции современного развития туристских регионов. Анализируются широкие вопросы привлечения высокопрофессиональных кадров в АЗРФ. В статье развивается идея положительной трудовой миграции и освоения депрессивных регионов Арктики в условиях устойчивого развития. Определена специфика педагогических условий подготовки кадров для туристской сферы Российской Арктики.

Выводы и перспективы. Туристские услуги АЗРФ характеризуются уникальностью и комплексностью содержания туристского предложения, сложной логистикой и высоким уровнем обеспечения безопасности и защиты как самих туристов, биоразнообразия, и экосистем, задействованных в процессах производства и реализации туристского продукта, так и стратегических объектов, и непосредственно самих государственных границ. Развитие туризма АЗРФ с применением социально-ответственного управления в условиях современной интенсивной экономики является важным стратегическим направлением Российской Федерации. Выявлена необходимость дальнейшей реализации принципа устойчивости туристских дестинаций Российской Арктики, в том числе через концепцию органической архитектуры в туристско-рекреационном проектировании. В результате были определены перспективные направления развития арктического туризма, описаны условия профессиональной подготовки туристских кадров, обеспечивающих процесс производства, продвижения и реализации туристского продукта Российской Арктики.

Ключевые слова: Российская Арктика, арктический туризм, туристская педагогика, кадры в туризме, туристское проектирование, устойчивое развитие в туризме.

Abstract. The article presents the generalised research results to identify crucial socio-economic factors that determine the strategic tourism development of the Russian Arctic. The regulatory framework analysis influencing the Russian Arctic tourism's socio-economic development and determining the vector of its further development is carried out.

Methods. The dialectical method, general scientific methods, theoretical and empirical approaches are used.

Results. The prospects of the Russian Arctic development in the current economic and political conditions have been determined. The trends of modern tourism development are analysed. The broad issues of attracting highly professional personnel to the Russian Arctic are examined. The article develops the idea of positive labour migration and the development of the depressive Arctic regions in the sustainable tourism development concept. The specificity of pedagogical conditions for training tourism personnel for the Russian Arctic has been determined.

Discussion and Conclusion. The Russian Arctic tourism is characterised by the uniqueness and complexity of the tourism production, complex logistics and a high level of security and protection of both tourists themselves, biodiversity, ecosystems involved, strategic objects, and the state borders themselves. Based on the crucial principles of the modern intensive economy in correlation with the socially responsible management, the development of tourism in the Russian Arctic is an important strategic direction of Russia. The necessity of further implementing the sustainability of tourism destinations in the Russian Arctic is revealed, including the concept of organic architecture in tourism and recreational design. As a result, promising areas of arctic tourism development were identified. The conditions for tourism employees training procuring the process of organising, providing and promoting the Russian Arctic tourism, were described.

Key words: the Russian Arctic, Arctic tourism, tourism pedagogy, personnel in tourism, tourism design, sustainable tourism development.

Сфера туризма, как область хозяйственной деятельности, является архисложной структурой, уровень прогресса которой обуславливается масштабами развития экономики, уровнем безопасности, технологическим прогрессом, международными отношениями, стратегическим развитием страны и регионов, инфраструктурным, энергетическим, инновационным развитием, финансовым развитием, социально-культурными, демографическими, экологическими факторами, а также множеством взаимосвязанных компонентов экономики на макро, микро и мезо-уровне. Тенденциями последних лет является развитие туристских регионов в условиях устойчивости, носит экологический характер, ориентирован на сохранение и созидание. Начинается этап трансформации общества потребителей туристского продукта в общество ценителей и хранителей уникальных туристских ресурсов стран и регионов. Культура и философия туристского потребления становится частью имиджа туристских дестинаций и локаций, формирует престиж туристского региона [5].

Рынок арктического туризма за последние десятилетия развивается достаточно интенсивно. Это, с одной стороны, обусловлено фактором спроса на уникальный туристский продукт среди потребителей, но в концепции международных отношений и геополитики — доминирующим факто-

ром стратегического присутствия в Арктике и уровня влияния на ее дальнейшее развитие. Освоение арктических шельфовых месторождений, развитие судоходства, навигационных систем, совершенствование инфраструктуры обеспечивающих портов и повышение уровня безопасности создали в настоящее время благоприятные условия для развития арктического туризма. Регулярно в Арктике Россия проводит учения по осуществлению поисково-спасательных операций и повышает уровень подготовки ответственных и обеспечивающих специалистов. Несмотря на то, что существенным препятствием для прохода судов по Северному морскому пути является лёд, современное ледокольное обеспечение при необходимости способно организовать круглогодичную навигацию.

Одновременно, позиционирование государственной инновационной политики приоритетных секторов экономики в стратегически значимых регионах, к которым без сомнения относится Арктика, через продвижение территорий и туристских дестинаций может рассматриваться как инструмент пространственного планирования и стратегической коммуникации с иностранной общественностью. Мы убеждены в том, что развитие туризма АЗРФ с применением социально-ответственного управления в условиях современной интенсивной экономики является важным стратегическим направлением Российской

Федерации. Ряд принятых нормативно-правовых актов последних лет, анализ заявлений Президента России подтверждает данную точку зрения.

Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 была установлена необходимость увеличения объемов экспорта услуг в несырьевых секторах экономики. Индустрия туризма и гостеприимства относится к их числу. «На долю Арктики приходится более десяти процентов всех инвестиций в Российской Федерации. И убеждён: значение арктического фактора в экономике страны будет только расти», — подчеркнул Президент Российской Федерации В.В. Путин на V Международном арктическом форуме «Арктика — территория диалога», проходившем 09 апреля 2019 года в г. Санкт-Петербурге¹.

Президент России В.В. Путин указом № 164 утвердил 5 марта 2020 г. Основы государственной политики РФ в Арктической зоне до 2035 года², согласно которым были определены шесть ключевых национальных интересов в Арктическом регионе. В Основах изложены принципы обеспечения суверенитета и территориальной целостности России, сохранения Арктики как территории мира, территории стабильного и взаимовыгодного партнёрства. Экономический блок представлен принципами обеспечения высокого качества жизни и благосостояния населения, развития Арктической зоны как стратегической ресурсной базы в условиях интенсивного и рационального использования, развития Северного морского пути в качестве конкурентоспособной транспортной артерии мирового уровня. Основы акцентируют внимание на проблемах экологии и жизни коренных малочисленных народов, проживающих на территории Арктической зоны Российской Федерации. В Основах излагаются задачи, которые будут способствовать росту человеческого потенциала в развитии АЗРФ, улучшению условий жиз-

ни людей, постоянно живущих и работающих в Арктике.

Особое внимание в Основах обращается на оказание государственной поддержки экономически активному населению России, готовому к переезду в АЗРФ в целях осуществления трудовой деятельности. Ранее с этой идеей выступил член-корреспондент Российской академии наук В.П. Фёдоров, который предложил переселению в Арктику придать организованный массовый характер [4]. Идея положительной трудовой миграции и освоения депрессивных регионов Арктики получила свое дальнейшее развитие. 15 июля 2020 года Минвостокразвития выступило с инициативой раздать жителям Арктической зоны России землю по образцу «дальневосточного гектара». Ведомство подготовило законопроект, который расширит программу «дальневосточный гектар» на Крайний Север России. В случае принятия законопроекта жители Арктических регионов первые шесть месяцев смогут в порядке приоритета получить земельные участки в Арктике. Затем право на получение земельных участков появится у любого гражданина Российской Федерации [6]. Земельные участки будут предоставляться только на сухопутной территории Арктики: в Мурманской области, НАО и ЯНАО, 23 муниципальных районах Красноярского края, Архангельской области, а также республиках Коми и Карелия. При благоприятных экономических условиях данная инициатива сможет привлечь дополнительные внутренние инвестиции в Арктические регионы, позволит пересмотреть подходы к обеспечению качества жизни в Арктике и управлению депрессивными территориями, повысит кадровый потенциал, повысит экономическую активность, сформирует позитивный вклад в устойчивое развитие Арктики трудовых миграционных процессов россиян.

Стратегия развития Арктической зоны России и обеспечения национальной без-

¹ Official site of The Executive Office of the President of Russia 2020 Speech by President of the Russian Federation Vladimir Putin at the plenary meeting of the V International Arctic Forum “The Arctic: Territory of Dialogue” April 9, 2019, St. Petersburg. — URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/60250> (дата обращения: 16.12.2020).

² Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года». — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73606526/> (дата обращения 17.12.2020).

опасности до 2035 года (далее — Стратегия) включает в себя комплекс мер, направленных на ускорение социально-экономического развития российских северных регионов, и одновременно должна быть нацеленной на повышение качества жизни населения, в том числе коренных малочисленных народов Севера. Среди прочих первоочередных задач документ включает в себя перечень вопросов и мер, направленных на социальное и экономическое развитие Арктической зоны³. В Стратегии также обозначено оказание мер государственной поддержки экономически активному населению, готовому к переезду в АЗРФ с целью осуществления трудовой деятельности. Стратегия отражает перспективы создания туристских кластеров, комплексного развития территорий, развития малой авиации, медицинского обеспечения, строительства круизных судов арктического ледового класса, недостаток которых на сегодняшний день является серьезным сдерживающим фактором развития туристской индустрии в Арктике, и модернизации других сфер экономики, от которых туристская индустрия находится в прямой или косвенной зависимости.

В дополнение к вышесказанному стоит отметить, что отечественный научный и политический интерес к Арктике, инициируемый выступлениями высшего руководства страны на регулярной основе, освещение в средствах массовой информации событий, связанных с присутствием в Арктическом регионе, способствует привлечению внимания общественности и иностранных игроков на геополитической арене к расширению российского присутствия в Арктике.

Большинство национальных, региональных офисов и локальных офисов по туризму в Арктике (Innovation Norway, Правительство Канады, Правительство Дании, Правительство США, Inspired by Iceland, Discovering Finland и проч.) сформировали стратегии продвижения национального и регионального арктического туризма, создали национальные, регио-

нальные и локальные туристские бренды, ведут активную работу по их продвижению на внутреннем и международном рынках, в том числе на территории Российской Федерации, привлекают внутренних и зарубежных туристов, среди которых активными потребителями туристских услуг являются наши соотечественники [5; 6].

Исследуя вопросы социально-экономического развития арктического туризма, необходимо в первую очередь учитывать то, что Арктика, с одной стороны, является очень уязвимым регионом, где даже малое число туристов может нанести непоправимый вред окружающей среде, с другой — суровый климат с экстремальными природно-климатическими условиями, уровень развития транспортной и социальной инфраструктуры, высокая ресурсоемкость жизнеобеспечения, неравномерное освоение арктических территорий и другие факторы затрудняют трудовую миграцию высококвалифицированных специалистов туризма и гостеприимства, способных обеспечить реализацию концепции устойчивого развития туризма на всех уровнях, в Арктические регионы России. Туристские услуги Арктического региона характеризуются уникальностью и комплексностью содержания туристского предложения, сложной логистикой и высоким уровнем обеспечения безопасности и защиты как самих туристов, биоразнообразия и экосистем, задействованных в процессах производства и реализации туристского продукта, так и стратегических объектов, и непосредственно самих государственных границ.

В предметной области туристско-рекреационного проектирования на сегодняшний день одним из актуальных направлений научных исследований и проектной деятельности является органическая архитектура и органическое проектирование. В основе методики органического проектирования лежит представление о здании как о целостном организме, все части которого взаимосвязаны и взаимообусловлены, ни одна часть не может быть произвольно изъята, добавлена или заменена. Таким образом,

³ Утверждена Стратегия развития Арктической зоны России и обеспечения национальной безопасности до 2035 года. 26 октября 2020 года. — URL: <http://kremlin.ru/acts/news/64274> (дата обращения 17.12.2020).

органическое проектирование создает альтернативу композиционно-комбинаторным методикам, лежащим в основе как модернизма, так и различных форм традиционализма. Органическая архитектура — это новый подход в проектировании, в основе которого лежит взаимодействие трёх основных факторов: человек, функция, окружение [1]. Данное направление туристского проектирования широко распространено в туризме арктических стран, не противоречит, но, напротив, максимально согласуется с основными принципами устойчивого развития туризма. Так, в качестве наглядного примера можно привести следующие арктические проекты предприятий гостеприимства, спроектированные в концепции органической архитектуры: The Kirkenes Snow Hotel, Норвегия (функционирует с 2006 г.); The Sorrisniva Igloo Hotel, Альта, Норвегия (функционирует с 2000 г.), The Icehotel, Юккасарви, Швеция (функционирует с 1989 г.); Kakslauttanen Arctic Resort, Саариселка, Финляндия (функционирует с 1974 г.) и другие проекты. Материалы, применяемые при строительстве с соблюдением принципов органического проектирования, изготовлены из экологически чистых материалов, не выделяющих в процессе эксплуатации вредных для человека и окружающей среды веществ. Это же касается и систем коммуникаций [2]. Архитектурное сооружение гармонично вписывается в среду во всех его проявлениях [1]. Подобные проекты также могут быть реализованы в Российской Арктике, стать «точками притяжения» туристов и включены в арктические туристские кластеры.

Развитие туризма Российской Арктики должно коррелировать со всесторонним и комплексным развитием Арктического региона. Проблема недостатка профессиональных и узкоспециализированных кадров, занимающихся организованным и легальным арктическим туризмом на местах, может быть решена посредством создания условий для профессиональной реализации туристских кадров и притока трудовых ресурсов из урбанизированных и перенасыщенных территорий [5]. Стиму-

лирование межрегиональной временной трудовой миграции также может частично решить проблему обеспечения профессиональными кадрами индустрии туризма северных регионов. Подготовка узкоспециализированных кадров, обеспечивающих туристскую индустрию в Арктике, должна проводиться с учетом природно-климатических условий дальнейшей территории трудоустройства, включать усиленную психологическую подготовку к жизни и профессиональной деятельности в АЗРФ, с применением системного, деятельностного, лично-ориентированного, компетентностного подходов к обучению, а также специализированных инновационных технологий туристской педагогики [3].

Список литературы

1. *Василенко Е.В.* Особенности формирования концептуального решения архитектурного дизайна гостиниц / Е.В. Василенко, П.Г. Василенко // *Modern Science*. — 2020. — № 6-3. — С. 11–13.
2. *Паллотта В.И.* Организации дизайн-среды объектов общественного питания вахтовых рабочих в Арктическом регионе // *Цивилизационные аспекты развития Арктических регионов России: Материалы научно-практической конференции*. — 2020. — С. 214–227.
3. *Тимошенко Д.С.* Инновационные подходы и технологии в туристской педагогике / Д.С. Тимошенко // *Вестник ВГУ*. — Серия: География. Геоэкология. — 2020. — Вып. 1. — С. 115–123.
4. Grinyaev S.N., Zhuravel V.P. Integrated security issues in the Basic Principles of Russian Federation State Policy in the Arctic to 2035: experience and prospects for implementation // *Arktika i Sever*. — 2020. — No. 39. — P. 52–74.
5. *Timoshenko D.S.* Sustainable Tourism Development in the Russian Arctic: Challenges And Prospects // *IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.* — 2020. — Vol. 539. 012097 DOI: <https://doi.org/10.1088/1755-1315/539/1/012097>.
6. *Timoshenko D.S.* Tourism branding of the Russian Arctic destinations // *IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.* — 2021. — Vol. 625. 012020 DOI: <https://doi.org/10.1088/1755-1315/625/1/012020>.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Вестник Института мировых цивилизаций» рассматривает присланные материалы по тематике журнала для возможной публикации и информирует авторов о принятом решении в официальном письме с пометкой «*статья принята к публикации в журнале «Вестник Института мировых цивилизаций»*».

Автор вместе с текстом статьи предоставляет в отдельном файле следующие сведения: Ф.И.О. и сведения об авторе, название статьи на русском и английском языках, контактный телефон и адрес электронной почты. Текст статьи оформляется *строго в соответствии с требованиями*.

Требования,

предъявляемые к оформлению рукописей статей

1. Для издания принимаются только ранее неопубликованные авторские материалы — научные (практические) статьи, обзоры (обзорные статьи), рецензии, соответствующие тематике и профилю журнала: «Вестник Института мировых цивилизаций». Допускается до 4 соавторов.

Объем статьи для кандидатов и докторов наук составляет от 10 000 до 30 000 знаков, рекомендуемый объем статьи для аспирантов и соискателей — до 15 000 знаков. Статьи публикуются на русском языке.

2. Сведения об авторе должны быть представлены как на русском, так и на английском языке: имя, отчество, фамилия; учёная степень, учёное звание; должность или профессия; место работы, учебы, включая подразделение (кафедра, факультет), наименование учреждения/организации, населенного пункта, контактная информация (E-mail и другая контактная информация для публикации в журнале), наименование страны (для иностранных авторов). Имя автора приводится в именительном падеже.

В коллективных работах имена авторов приводятся в принятой ими последовательности.

3. Аннотация и ключевые слова. Должно быть указание, что это Аннотация (Abstract) и Ключевые слова (Key words) и должны быть представлены как на русском, так и на английском языках.

Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: предмет, цель работы, метод или методология проведения работы, результаты работы, новизна, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. В аннотации не допускается цитирование. Аббревиатуры должны быть расшифрованы. Рекомендуемый объем аннотации — 150–250 слов.

Ключевые слова выбирают из текста материала рукописи и приводятся в именительном падеже. Указываются от 5 до 10 ключевых слов или словосочетаний.

4. Основные требования к тексту статьи. Текст идет сразу после ключевых слов. Рекомендуется придерживаться данной логической структуры при написании: введение, методика, результаты, обсуждение, заключение.

Шрифт текста рукописи — Times New Roman, кегль (размер шрифта) — 14, междустрочный интервал 1,5; поля — 2 см со всех сторон. В таблицах шрифт Times New Roman, кегль (размер шрифта) — 12, интервал одинарный. Для сносок и примечаний шрифт Times New Roman, кегль (размер шрифта) — 10, интервал одинарный, абзацный отступ — 1,25 см.

Не допускается использование функции автопереносов. Абзацы («красная строка») должны выставляться автоматически. Для оформления текста не используются специальные стили и шрифты. Римские цифры обозначаются латинскими буквами. Все аббревиатуры и сокращения должны быть расшифрованы при первом их употреблении в тексте. Рисунки должны отвечать тексту и быть пронумерованы.

Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после буквы «с», — на номер страницы в источнике (например, [1, с. 26]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).

Ссылки на официальные документы, нормативные правовые акты, электронные ресурсы, газетные заметки без указания автора — подстрочные, в список литературы такие источники не включаются. Для вставки сносок используется сквозная нумерация.

5. Пристатейный список литературы должен быть пронумерован — каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. В списке литературы приводятся только материалы, на которые ссылается автор. Все источники в списке литературы следует оформить в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

6. Все материалы представляются в редакцию в электронном виде по электронной почте: izdimc@mail.ru.

7. Все статьи подлежат обязательному двойному «слепому» рецензированию. Рецензии на статьи по наиболее актуальным и дискуссионным проблемам по решению редакции могут публиковаться в этом же номере журнала.

8. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Подробную информацию и образец оформления статей можно скачать на сайте журнала:
<http://imc-i.ru/userfiles/ufiles/trebovanie01.pdf>.

ПРАКТИЧЕСКИЙ КУРС ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Учебное пособие

Автор:

И.Ю. Сомова, кандидат исторических наук, зав. кафедрой иностранных языков и коммуникационных технологий, факультет «Международных отношений и геополитики», НАНО ВО «ИМЦ»

Основная цель учебного пособия — изучение испанского языка, развитие практических навыков говорения, письма, устного и письменного перевода.

Пособие состоит из 36 практических занятий. В них рассматривается широкий спектр важнейших тем из повседневной, экономической и профессиональной жизни. Темы представлены в виде диалогов, тематических текстов и документов. Каждый урок содержит грамматический материал для тренировки и закрепления грамматических и временных конструкций, которые тренируются в упражнениях.

Учебное пособие может использоваться студентами 1 и 2 курса обучения по направлению подготовки 41.03.01 «Зарубежное регионоведение». Может использоваться преподавателями для работы со студентами как очной, так и заочной формы обучения, а так же представляет собой, своеобразный самоучитель для всех самостоятельно изучающими испанский язык.

ВОЙНА И МИР В ЭПОХУ СТАНОВЛЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Монография

Автор:

О.Н. Слоботчиков, кандидат политических наук, профессор, ректор НАО ВО «ИМЦ»

В монографии осуществлен комплексный анализ существующих концепций теорий войны. Рассмотрены проблемы создания новой воззренологической платформы войны и мира в условиях тектонических изменений во взаимодействии существующих и нарождающихся центров силы. Раскрыты проблематики войны и мира в эпоху становления цифровой цивилизации.

Книга предназначена политологам, социологам, регионоведам, экономистам, учёным, изучающим теории войны и мира с различных позиций, а так же будет интересна аспирантам и студентам.

**ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА
МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

Том 11 № 4 (29) 2020

Научный журнал

Корректурa — Ростовская Н.А.
Компьютерная верстка, макет — Надворский И.С.

Подписано в печать 14.12.2020.
Формат 60×90/8. Бумага офсетная 80 г/м². Гарнитура SchoolBookС.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,5. Заказ № 25/6
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ООО «Любомир»
140004, Московская обл., г. Люберцы,
1-й Панковский проезд, д. 1, литера Б1, этаж 1

